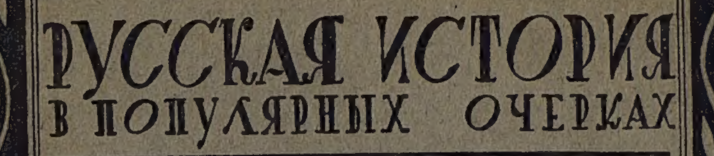
Ковалевский

Происхождение царской власти

М. Н. КОВАЛЕНСКИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА 1922

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ПОПУЛЯРНЫХ ОЧЕРКАХ

М. Н. КОВАЛЕНСКИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА ◇ 1922

ОТПЕЧАТАНО
В КОЛИЧЕСТВЕ
6000 ЭКЗЕМПЛ.
В 20 ТИПОГРА-
ФИИ М. С. Н. Х.
Р. Ц. МОСКВА.
№ 555.

I.

Государственный порядок, какой мы теперь видим в России, не всегда был таким: до 1917 года, до русской революции, не было Российской республики, не было Советской власти, а до 1905 г. не было и Государственной Думы, Россия была империей, с самодержавным царем во главе. Много лет правила страной царская власть, но и самодержавие русских царей сложилось далеко не сразу,—его никак нельзя назвать исконным порядком.

В самом начале русской истории, в Киеве, Новгороде и других русских городах рядом с князьями славянскими и варяжскими стояли городские веча; вече—народное собрание. Изначала, говорит летописец, новгородцы, и смольняне, и киевляне, и полочане, и все области сходятся на вече, как на думу. Усиливалась власть князей; они стали оборонять землю, к ним отошли суд и управление; но веча остались. Когда киевский князь Игорь, собрав уже дань с древлян, второй раз явился за данью, древляне на вече «сдумали» убить Игоря, говоря: «Повадится волк к овцам, порастаскает все стадо, пока не убьют его». В 1113 г. Владимир Мономах сел князем в Киеве, не в очередь, по выбору веча. В 1149 г. киевляне на вече отказались итти с князем на войну и сказали ему: «Мирись, княже, мы не идем». Всего шире развернулась власть веча в Великом Новгороде. Начиная с XII века и до конца XV вече в Новгороде

имело всю власть; оно начинало войну и заключало мир. Все должности были выборные; князя вече и выбирало, и, когда он был нелюб, показывало ему дорогу из Новгорода; новгородцы были «вольны в князьях». Князь не мог и налоги сам собирать и пошлины прибавлять, а жалованье для себя получал из новгородской казны, какое положено. Вступая в должность, князь целовал крест, что будет все исполнять «по договору», будет—«Новгород держать по старине, по пошлине». А в договоре говорилось: «Без посадника ти, княже, не судити, и волости не раздавати, и без вины ти, княже, мужа волости не лишати». Новгород был республика, только республика аристократическая; там преобладали знатные и богатые бояре.

Но не одни веча стояли русским князьям поперек дороги. Самым крупным государем в Восточной Европе был в то время византийский император; он предъявлял к русским князьям свои права. В XI веке в византийской армии был один корпус в 6.000 человек, состоявший из союзных русских, этот корпус русские князья постоянно должны были держать в Царьграде. Византийские императоры вплоть до XIV века считали русских великих князей своими придворными, называли их своими стольниками; и посол русского князя говорил в Византии императору: «Повелитель мой, царь руссов, а твоего священного величества стольник, униженно преклоняется пред твоим священным величеством». Византийского императора титуловали даже иногда и «царем русским». Русским князьям это не было приятно. Когда в 1389 г. византийские греки приняли унию с римскою церковью, с римским папой, а в Москве этой унии не пожелали, московский великий князь Василий Дмитриевич не позволил митрополиту поминать за служ-

бой греческого царя: «Мы имеем церковь, а царя не имеем и иметь не хотим»,—говорил московский великий князь.

С половины XIII века до конца XV удельная Русь была под татарским игом, и хан Золотой Орды назывался «царем русским»; русские княжества были его «улусами», а князья—его «улусниками». «Когда восхотим воевать и повелим собирать рать с улусов наших на службу нашу»...—говорил татарский хан. И святой черниговский князь Михаил признал хана царем божией милостью; он говорил в орде хану: «Тебе, царь, кланяся, понеже тебе бог поручил царство». Подвластные «царю русскому»—хану татарскому удельные князья не были независимыми, самодержавными государями; они держались татарской милостью. Русские были в подчинении Золотой Орде, и, по рассказу Флетчера, московские государи долго еще должны были исполнять унизительный обряд: каждый год в кремле, стоя перед ханскою лошадью, кормить ее овсом из своей шапки. С крымскими татарами надо было дружить, чтобы иметь союзника против Золотой Орды. Иван III, великий князь московский, дружил с Крымом и посылал посла Беклемишева к крымскому хану Менгли Гирею. Беклемишев должен был говорить хану: «Князь великий Иван челом бьет: посол твой Ази Баба говорил мне, что хочешь меня жаловать, в братстве, дружбе и любви держать; и я, слышав твое жалованье и видев твой ярлык, послал к тебе бить челом боярина своего Никиту, чтобы ты пожаловал, как начал жаловать, так бы и до конца жаловал». Хан отвечал: «Вышнего бога волею, я, Менгли Гирей царь, пожаловал, с братом своим, великим князем Иваном, взял любовь, братство и вечный мир от детей на внучат».

В конце XV века пала татарская власть, и подчинился Москве Господин Великий Новгород; в Москве начало слагаться царское самодержавие; в половине XVI века московский великий князь Иван IV венчался уже на царство. В том же XVI веке на юге, на Дону, возникла казачья демократическая республика. На Дон бегали из Московского государства крестьяне и холопы, которым тяжело жилось дома: на Дону они жили вольно, сами оборонялись от татар, сами решали и все дела; у них был общий круг и выборные на кругу атаманы. В Москве говорили про казаков, что казаки «балуют», называли их ворами и холопами, но ничего с ними не могли поделать. Два века просуществовала донская республика, и только Петру Великому удалось сломить ее. На Днепре, в Украйне были свои вольные казаки со своею Запорожскою сечью; при царе Алексее Михайловиче Малороссия, отпав от Польши, признала своим государем царствующего в Москве государя с его потомством, но сохранила по договору все свои вольности и даже право сноситься с иностранными державами. Но с Петра Великого стали падать вольности украинского казачества, а при Екатерине II была разрушена и сама Сечь Запорожская. Победило в конце концов московское самодержавие.

Но и в Московском государстве, где выросла и сложилась самодержавная царская власть, она сложилась не сразу; нужно было много труда и борьбы, чтобы создать царское самодержавие.

II.

Власть московских государей выросла из власти удельного князя московского; над ее созданием потрудились не мало и сами князья и различные классы московского

населения. Каждый из этих строителей приносил что-нибудь свое на общую постройку. Что же приносил удельный князь московский?

Удельный князь московский приносил с собою свою власть, такую, как она была в удельное время, такую, как он сам понимал ее. Когда русские выходцы с Волхова и Днепра появились на Оке и на верхней Волге и заселили финские леса и болота, из всех новых поселенцев те, что были богаче и сильнее, выдвинулись вперед; это были удельные князья; они и стали первыми хозяевами нового края. Удельный князь в своем уделе был больше всего хозяин и меньше всего государь; утверждают даже, что он совсем государем не был. Для удельного князя его княжество было прежде всего не государство, а вотчина, его частная и наследственная собственность; он владел ею по праву наследования или потому, что первый занял место. Как всякий хороший, дельный хозяин, князь думал не о чужих интересах, а о своих собственных, и старался лишь об одном: как можно меньше затратить и как можно больше получить. Так как в то время господствовало натуральное хозяйство, то и затрачивать и получать можно было почти исключительно натурой.

Князь старался как можно меньше тратить и как можно больше получать. Те земли, которые он в своем княжестве жаловал в вотчины боярам, или жертвовал монастырям, уже не могли дать ему прежнего дохода; он не хотел больше о них и думать, и суд и управление, и сбор налогов в них отдавал все новому хозяину, который и должен уже был сам все устроить. В жалованных и несудимых грамотах, какие давались при этом, князь писал: «Наместники мои, волостели и их тиуны в тою вотчину не въезжают ни по что, не судят тех лю-

дей ни в чем, а судит свои люди боярин сам или кому прикажет». Другую часть земель князь сдавал крестьянам в аренду (черные земли), или оставлял в своих руках и сам вел свое хозяйство (дворцовые земли); тут уже приходилось князю устроить и суд, и управление, и сбор налогов. На дворцовых землях были у него свои борти, рыбные ловли и бобровые гоны, свои пашни, охоты и конюшни, и заведывали этими всеми «путями», как тогда называли, особые приказчики—«путники». Как хороший хозяин, князь старался нигде не упустить случая и взять, где только можно; брал и с чужого хозяйства, и с своего суда и управления. Купцы платили несколько десятков одних торговых пошлин: платили на заставах и на таможнях, платили за провоз товара, по воде и по суху, по мосту через реку и по мосту без реки, платили за тех, кто идет с товаром—«головщину»—и на обратном пути без товара, порожняком—«задние калачи»; привезя товар, платили за то, что привезли, а при вывозе платили за вывоз.

Были пошлины свадебные и судебные, были всякие другие поборы и повинности. Когда князь посылал гонцов или ехали по службе должностные лица, население ставило подводы или платило ямские деньги—на содержание подвод, и ямщиков. Платили долго дань в орду татарам; дань собирали сперва татарские баскаки, потом князья собирали и везли в орду, еще позднее князья собирали, но в орду не возили, а брали себе в казну. И само назначение приказчиков, судей и чиновников было для князя тоже доходной статьей. Жалованья князь не платил; за то все должностные лица могли кормиться с населения, могли сами себе собирать кормы; они арендовали у князя ту или другую область, ту или другую должность. И

князь и такой «арендатор»—оба смотрели своего «прибытка»; если же на какой должности нельзя было ожидать прибытка, то князь упразднял самую должность, потому что здесь—«сытым быть не с чего». И смотря своего прибытка и стараясь сытым быть, кормленщик мог не заботиться о благосостоянии своей области, об охране в ней порядка и безопасности; если все это нужно было населению, население могло об этом и позаботиться. Чтобы еще более разбогатеть, князья вкладывали собранные капиталы в новые предприятия, покупали новые земли, новые имущества, если можно было—отбирали хитростью или завоевывали силой; не брезговали и татарскою помощью. Так, московский князь Иван Калита водил татар на тверского князя, и в награду заслужил великое княжение владимирское. И суд, и управление, и внешняя политика—все подчинялось в удельном княжестве хозяйственным расчетам князя, его инстинктам приобретателя.

Удельное хозяйство работало и рабским и свободным трудом. Полные холопы, дворовые должны были служить и работать верой и правдой; все остальное население служило и работало по вольному найму. Вольного слугу нельзя было обязать, как холопа, верною службой, нельзя было его удержать и не выпустить против воли. Если кому не нравилось, как хозяйничает у себя князь, он мог уйти к другому князю, в другой удел, где ему казалось удобнее, где жилось легче. Переходили от князя к князю, от хозяина к хозяину, крестьяне, переезжали бояре. Сами князья говорили и в договорах между собою писали: «А боярам и детям боярским и слугам и крестьянам между нас вольным воля». Об отъездчиках говорили в тем же договорах: «А кто из бояр и слуг отъехал от нас к тобе или от тобе к нам, а села

их в нашей отчине или в твоей отчине, в ты села нам и тобе не вступатися». Отъездчик ничего не терял, уходя на новую службу; можно было вернуть его назад обещанием повысить честь. Только более сильные и богатые князья могли себе позволить безнаказанно нарушать эти договоры; и поманив отъездчика назад обещанием «много паче первого честна и богата сотворити»,—поймав, лишить сел, заковать в кандалы, ослепить, хотя бы за безопасность ручались отъездчику святой или преподобный. В XIV и XV веке достаточную для этого силу почуяли в себе удельные князья московские.

Из всех князей удельных, это были самые лучшие хозяева. В высокой оценке хозяйственной предприимчивости московских князей сходились, хотя и с различных точек зрения, сын Дмитрия Донского, Василий I и боярин времен Грозного, князь Курбский. Курбский говорил обо всем роде князей московских, что у них «обычай есть издавна—желати братий своих крови и губити их, убогих, ради их окаянных отчин, несытства ради своего». Московский князь Василий I говорил митрополиту Киприану: «Вы поставлены к миру и любве учити, мне же имение собирати и возноситися».

О результатах этой хозяйственной деятельности московских князей дают понятие их духовные грамоты.

Когда удельный князь умирал, он оставлял свою вотчину наследникам своим по завещанию; он дробил при этом княжество между сыновьями, выделял и вдове своей вдовью долю, жертвовал и церквам, одарял и попов и нищих, и недвижимое отказывал в перемежку с движимым: города и села, луга и мельницы в перемежку с чашами, блюдами и поясами. По выражению одного историка, удельный князь не делал разницы между своим стольным городом и своим столовым сервизом. В 1328 г.

идя в Орду, московский князь Иван Калита, написал на всякий случай духовную. В этой духовной между прочим читаем: «Приказываю сыновьям своим отчину свою, Москву» (целиком, без раздела). «А вот как я им раздел учинил. Вот что я дал сыну своему старшему Семену: Можайск со всеми волостями, Коломну со всеми коломенскими волостями, Гореденку, Мезыню, Песочну и Середокоротну, Похряне, Устьмерску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковец, Левичин, Скулнев, Канев, Гжель, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Северьсце в Похрянском уезде, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, сельце Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города. А при своей жизни дал я сыну своему Семену: 4 цепи золотых, 3 пояса золотых, 2 чаши золотых с жемчугом, блюдце золотое с жемчугом и с каменьем, 2 чума золотых больших; а из посуды из серебряной дал ему 3 блюда серебряных. А вот что дал сыну своему Ивану: Звенигород, Кремичну, Рузу... а села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузское... село Семьцинское. А из золота дал я сыну своему Ивану: 4 цепи золотых, пояс золотой большой с жемчугом и с каменьем, пояс золотой с капторгами, пояс сердоничен, золотом окован, 2 овкача золотых, 2 чаши круглые золотые, блюдо серебряное ездниньское, 2 блюда меньших...»

«А что золото княгини моей (первой жены) Оленино, а то дал я дочери своей Фетинье, 14 обручей и ожерелье матери ее, монисто новое, что я сковал, а чело и гривну, то дал при себе. А что я придобыл золота, что мне дал бог, и коробочку золотую, а то я дал княгине своей с меньшими детьми. А из порт из моих сыну моему Семену кожух черленый жемчужный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожух желтый объяринный

с жемчугом, коц великий с бармами; Андрею сыну моему бугай соболий с наплечками с великим жемчугом и с каменьем, скорлатное портище с бармами».

«А что моих поясов серебряных, то раздать по попьям. А что моих 100 рублей у Ески, то раздадут по церквам... А что останется моих порт, то раздадут по всем попьям и на Москве. А блюдо великое о четырех кольцах, то даю святой Богородице Владимирской. А что я дал сыну своему Семену стадце, а другое Ивану; а иными стадами моими поделятся сыновья мои и княгиня моя. А опричь московских сел, даю сыну моему Семену села свои купленные»... «А что я прикупил сельце на Кержачи у Прокофья у игумена, другое Леонтьевское, третье Шараповское, то даю святому Олександру себе в поминанье».

В духовных других князей значатся точно также в перемежку двор на Москве у Боровицких ворот, мельница на Неглинной, бадья серебряная с наливкою серебряной, псари и садовники, кресты и иконы.

III.

Из всех удельных князей, смотревших своего прибытка, всего больше удачи было князьям московским. Вначале не было удела меньше московского; он весь умещался с избытком в теперешней Московской губернии, да еще делился не раз между наследниками, так что двор у Боровицких ворот доставался одному, а мельница на Неглинной другому. Но в двести лет Московское княжество выросло в тридцать раз и раскинулось уже по десяти губерниям, по Оке, и верхней Волге. При Иване III, Василии III и Иване IV пределы московские еще расширились. При Иване III «меч его и огонь ходил

по новгородской земле» и хотел он «такого же государства своего и в Новгороде, какое в Москве»; и новгородцы вечевой колокол и посадника отложили, московскому князю крест целовали, а князь целовать крест отказался—«не быти моему целованию». Так Господин Великий Новгород подпал московскому игу, и вечевой колокол новгородский был сослан в Москву и повешен на московскую колокольню. Через несколько лет лишился своего княжества тверской князь; то же случилось при Василии III с Псковом и Рязанью. Князь Василий подчинил псковичей, «лукавствуя ими и играя, яко безумными»,—и были псковичи «поиманы богом и великим князем», как объявили им московские бояре. Рязанского князя Василий засадил в темницу, и завладел Рязанью. В то же время были присоединены к Москве земли по Северской Украйне и был взят Смоленск—после войн с Литвой. При Иване IV завоевана Казань, Астрахань, часть Сибири. Интересны некоторые черты этих завоеваний. Рассказывая о казанском походе, Иван IV жаловался впоследствии Курбскому, что, когда он, царь Иван «по божию изволению, со крестоносною хоругвию, православного ради христианства заступления, двигался на безбожный язык казанский,—бояре его, яко пленника, всадив в судно, везли с малейшими людьми сквозь безбожную и неверную землю, и его душу старались в иноплеменных руки предать». Царь заступился за весь православный мир, и сам признавался, что его везут на войну насильно, как пленника, и что он боялся и вражьего плена, и предательства своих бояр. Астрахань и Сибирь царю Ивану не пришлось уже брать самому: Астрахань, как поется в песне, взяли «мимоходом» царские воеводы, а донские казаки били царю челом—«новой землицей Сибирью». Царь совсем и не хотел Сибири, и узнав, что Строгано-

вы и их казаки салтана сибирского задирают, и этим задором его с Москвой ссорят, бранил Строгановых за их «воровство и измену» и грозил на них положить опалу большую, а казаков перевешать. Вместо того пришлось казаков наградить, а Ермаку Тимофеевичу пожаловать шубу с царского плеча.

Благодаря всем этим приобретениям, вотчина московского удельного князя разрослась в целое обширное Московское государство; другие уделы и вольные города исчезли, поглощенные переросшей их всех Москвой. Чем больше росло государство, чем больше ширились его пределы, тем труднее становилось его оборонять. Со всех сторон были враги. На востоке и юге врагами были татары, на западе—Польша, Литва, немцы и шведы. С западными соседями приходилось воевать так часто, что на год мира приходился год войны; на юге и востоке с татарами приходилось воевать еще чаще.

На востоке, пока Казань не была взята, враги были сейчас же за Волгой. В XV веке в лесах, за Волгой спасался святой отшельник Макарий Желтоводский; подле святого старца вырос там целый монастырь. Татары пришли, разрушили монастырь, перебили монахов, а Макария прогнали на русскую сторону, с запрещением переходить на татарский берег. На юге, за Окой, всегда можно было ждать нашествия крымцев. При Иване III Литва была в союзе с Золотой Ордой, а Москва дружила с Крымом; эта дружба и позволила Ивану III избавиться от нашествия Ахмата, избавиться и от ига Золотой Орды, и сама Золотая Орда была разрушена крымцами. Но при Василии III Крым был в союзе не с Москвою, а с Литвой и Казанью; враги с трех сторон полукольцом сдавливали русскую землю. Когда Иван IV взял Казань и Астрахань, крымский хан Девлет Гирей вторгся в русские пределы, сжег Москву.

Борьба с Крымом не прекращалась; надо было без конца воевать, без конца откупаться. «Теперь у меня дочери две—три на выданье,—писал Ивану IV Девлет Гирей:—для этого нам рухлядь и товар надобен; чтобы купить эту рухлядь, мы у тебя просим 2.000 рублей, учини дружбу, не отнетываясь, дай». И московский государь раскошеливался и платил; только старался уплатить поменьше: вместо двух тысяч Иван IV посылал две сотни; это были «поминки легкие». Крымцы этим не удовлетворялись, и аккуратно каждый год раннею весной с юга, из степи шли в московские пределы; иной раз приходили еще во второй раз, во время жатвы. Тут, на южной границе, приходилось обороняться из года в год, без перерыва, и ни одного года не проходило без войны. Потому здесь вечно стерегли неприятеля, сторожа сидели на вершинах дубов и глядели в степь, а внизу паслись кони, и как только замечали пыль, зажигали сигнальные костры и скакали с вестью от дуба к дубу. Много нужно было войска, чтобы защищать одну южную границу; на Оку каждый год надо было выставлять более 60 тысяч; а всего требовалось тысяч сто конных, да тысяч двадцать пять пеших. Войско набирали отовсюду, из бояр и из князей удельных, из литовских и татарских выходцев, из крестьян—простого всенародства, и даже из холопов. Каждый год выступало в поле это воинство; а на знамени великокняжеском, какое брали с собой полки, был изображен Иисус Навин, останавливающий солнце.

Не всегда, однако, удавалось «остановить солнце». Не один раз татары доходили и до самой Москвы. Москва была настоящей крепостью. Уже Юрий Долгорукий окружил кремль деревянной стеною. Иван Калита выстроил новые стены, дубовые. Дмитрий Донской

разобрал дубовые стены и велел выстроить каменные с зубцами, башнями, полубашнями, огненным боем, пушками и тюфяками (ружьями), с осадными стоками—отверстиями в стене, чтобы лить на врага смолу и кипяток, с воротами, обитыми железом. При Иване III итальянские мастера возвели из камня новые кремлевские стены, шириной от 6 до 8 аршин, с подземными кладовыми для ядер и пороха, с подземными переходами. При Иване IV окружили деревянной, а потом и каменной стеной Китай-город. При Федоре Ивановиче каменной стеной обнесли Белый город—стена шла по теперешней линии бульваров—с воротами Никитскими, Арбатскими и другими. При том же Федоре Ивановиче, когда грозили Москве крымские татары, оградили деревянной стеной Земляной город; деревянная стена с башнями и воротами поспела в один год; она шла по линии Садовых и продолжалась в Замоскворечье, позднее стену заменили валом. С юга, откуда всегда ждали татар, шла кремлевская стена да река Москва, да потом в Замоскворечье выросла деревянная стена; этого всего с юга было мало, и монастыри с этой стороны стали крепостями. Новодевичий, Донской, Данилов, Андреевский, Покровский, Симонов стерегли неприятеля с вышины своих дозорных башен-колоколен и грозили ему пушками и пищалями, кипятком и смолой со своих крепких каменных стен.

В августе 1382 г., при Дмитрии Донском, Москве пришлось обороняться от Тохтамыша с его татарами. Через два года после Куликовской битвы, новый хан Золотой Орды пошел к Москве; ему нужно было показать татарам, что Москвы нечего бояться. Тохтамыш напал на московского князя врасплох; у Дмитрия войско не было готово, и он уехал в Кострому собирать полки,

а Москву и в Москве свою княгиню Евдокию, митрополита и больших бояр и всех жителей оставил без войск и без себя, на произвол судьбы. Татары перешли Оку, взяли Серпухов и подошли к Москве. Москвичам нужно было самим подумать об обороне. Зазвонили во все московские колокола, чтобы собрать скорее единственное в истории Москвы вече. Московский князь со своею княгиней, которую насилу выпустили из Москвы, укрывался в Костроме; митрополит спасся в Тверь.

В Москве вече должно было заменить князя; а военное начальство над москвичами принял не московский князь, а выходец из Литвы, какой-то князь Остей. Остей укрепил кремль и умел защищать его с москвичами; Тохтамышу не удалось взять его силой. Татарам пришлось прибегнуть к хитрости и к обману, чтобы взять Москву. С ними было двое князей нижегородских, шурья Дмитрия Донского; они уверили москвичей, что царь (Тохтамыш) пришел не на них, а на князя Дмитрия, а их, москвичей, хочет жаловать, и просит только поглядеть Москву. Родичи московского князя клялись москвичам, что царь им не сделает никакого вреда... Москвичи, наконец, поверили, отворили ворота,—и начался татарский погром Москвы. Князь Остей был убит татарами и забыт русскими; а о Дмитрии Донском, великом князе московском, говорится в сказании, что он «стражу земли русской мужеством своим держал», «и во всем мире славен бысть, яко кедр в Ливане умножися, и яко финик в древесех процвете», и что «похваляет его вся русская земля».

В мае 1572 г. под стенами Москвы явился крымский хан Девлет Гирей со 120.000 войска. Неизвестно, где он переправился через Оку; станичники со сторожевых постов ничего не дали знать в Москву; татары нагря-

нули внезапно и опять застали врасплох. У Оки были русские полки; но татары отрезали царя Ивана IV, который сбился с дороги, по словам Флетчера, даже с намерением, сомневаясь в своем войске и не смея вступить в битву; царь отступил к Бронницам, потом к Александровской слободе, наконец, в Ростов; воеводы царские с войсками приготовились и ждали татар у самой Москвы, в предместьях. На другой же день пришли татары, подожгли предместья, и в какие-нибудь три часа сгорела вся деревянная Москва, уцелел один кремль. Русские войска и народ бросились спасаться в кремль; в кремль их не пустили; там затворились большие бояре с митрополитом; митрополит со всем духовенством укрылись в Успенском соборе. Погибло множество народа; татары перебили столько, что трупы запрудили реку; полтораста тысяч увели в плен; много сгорело в огне, много погибло от давки, спасаясь в ворота кремля; иностранцы насчитывали погибших до восьмисот тысяч человек.

Царю Ивану Девлет Гирей прислал, как говорят, нож, чтобы ему в таком отчаянном положении зарезаться, и грамоту, в которой писал: «Жгу и пустошу все из-за Казани и Астрахани... Я пришел к тебе, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь!.. Желание наше—Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал». Иван Грозный писал в ответ, что он Астрахань хочет уступить, только скоро этого сделать нельзя: «до тех бы пор ты пожаловал, дал срок, и земли нашей не воевал». Но Астрахани Иван Грозный, как известно, не отдал.

IV.

Московские государи, как их предки, удельные князья московские, попрежнему считали все государство своею вотчиной. «Вся русская земля, божией волей, из старины от наших прародителей — наша вотчина», говорил Иван III. Таким же государем-вотчинником признавал себя и Иван IV: «Родителей своих благословением свое взял, а не чужое похитил», говорил он о себе. А воюя с ливонскими немцами, он уже называл своей отчиной Лифляндскую землю. И жители этой царской вотчины попрежнему были частными слугами государя, только прежде это были слуги вольные, а теперь стали невольными, так как уйти им было уже некуда: на всей Руси остался один хозяин. И государи стали называть своих слуг холопами; так Иван IV говорил: «Жаловати есмы своих холопей вольны, и казнити их вольны же есмы». В государевой вотчине, населенной государевыми холопами, единственно, что могло иметь значение и с чем следовало считаться, был интерес государя. «Государь государства больше»,—говорил сам Иван IV. Когда бежавший в Литву боярин князь Курбский в письме к царю выставлял на вид, сколько военных дел совершил он, Курбский, и сколько своей крови пролил царю во славу, Грозный отвечал, что это «смеха достойно», что он и должен был проливать кровь свою за него, Грозного, иначе не был бы он христианином. Образцом доброго подданного царь выставляет Курбскому раба его, Ваську Шибанова, который благочестие свое соблюл, при смертных вратах стоя, от Курбского не отрекся и был готов за него умереть. «А ты подобное тому совершить для твоего владыки отказался». Но этого мало: Курбский должен был проливать свою кровь безропот-

но не только за царя, но и от руки царя, если тому так вздумается. «Почто не изволил еси от меня, строптивого владыки, страдати и венец жизни наследити?»— спрашивал царь Курбского. Сообразно с этим и Курбский в своей «Истории» объясняет отношение Грозного к боярам до и после взятия Казани. Курбский вкладывает в уста царя фантастическую речь к боярам и так излагает мысль Грозного: «Пока стояла Казань, я не мог вас мучить, потому что вы мне потребны были всячески; а ныне» Казань взята, и «уже вольно мне всякую злость и мучительство над вами показывать».

Всем московским людям было важно обороняться от неприятеля, защищать от врага самих себя и свое добро. Это был интерес общий. Только каждый хотел бы сделать так, чтобы для него эта оборона была устроена как можно получше, а обошлась бы как можно подешевле. Все это зависело от того, кто стоял во главе дела. Еще на Куликовом поле во главе других князей стоял московский великий князь. И теперь во главе всего дела обороны стоял московский государь. Он и мог устроить дело так, как ему было всего удобнее, как было всего лучше для защиты его вотчины. Известно, как тяжелы были для населения военная служба и податное тягло.

Служба начиналась с 15 лет, когда недоросль становился новиком, верстался в службу и получал землю; верстали в службу особые лица—окладчики. Служба была бессрочная. Раненые, поправившись от ран, должны были вернуться на службу; освобождались только дряхлые старики, калеки и умершие. Если кто еще мог служить, а оказывался в нетях, у такого нетчика отбирали поместье. Когда бывал сбор служилым людям,—дворянам, детям боярским,—брали всех сполна, за поруками; укрывшихся сыскивали и высылали на службу, наказав

кнутом. Эта дворянская служба, служба из-под кнута, осложнялась иногда дополнительными повинностями.

При Иване Грозном два года под ряд брали служилых людей с Новгорода и с пригородов новгородских. В первый раз взяли тысячи две конных, да столько же пеших, всего четыре тысячи; у тех и других должны были быть свои пищали и свой порох—«зелье»—и свинец на ядра; на всех людях должны быть однорядки или сермяги крашеные; посылали их из Новгорода в Нижний, а суда, чтобы везти корм и запас, они должны были готовить на свой счет. На другой год опять набор,—потребовали еще людей, еще свинца и еще зелья; если кто не умел варить зелье, посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники—указывать. Людей взяли на этот раз сначала по человеку с пяти дворов, да потом еще с каждого двора по человеку, да с десяти священников по одному ж.

Собирая свою казну, правительство старалось, чтобы его доходам «истери не было». На севере, где обороняться было не от кого и жили на казенной земле почти одни тяглые крестьяне (так называемые черносошные), правительство накладывало на этих крестьян большие подати и принимало меры, чтобы крестьян отсюда не выпустить, прикрепить их к земле. Частным владельцам запрещалось принимать к себе крестьян из княжеских отчин; если в таком «приеме» повинен будет архимандрит, то крестьян взять назад—и только, а если кого примет «приказчик архимандрита,—ино казнити». Казна зорко следила, чтобы и самые земли не достались в руки лиц, свободных от тягла,—«беломестцев» (служилых, духовных), но когда нужно было набрать новое войско и дать новому войску новые земли, то и черные земли жаловались служилым людям, и черносошные крестьяне оказы-

вались сидящими уже на земле частных владельцев, которым и поручали сбор с крестьян казенных налогов. И на помещичьей земле крестьяне не могли совсем свободно располагать собою, не могли свободно передвигаться, так как в платеже податей были связаны круговой порукой. Требуя податей и увеличивая их размеры, правительство нимало не сообразовалось с платежными силами крестьян. В конце XVI века казне нужно было увеличить доходы. С богатых людей взять что-либо было трудно—они бы не согласились; крестьян подчинить было гораздо легче. И хотя как раз в то время по разным причинам крестьяне и без того были разорены и их хозяйство в упадке, казна стала брать с крестьян подати в $3^1/_2$ раза больше прежнего. После этого, у кого из крестьян бывали остатки, остатки совсем исчезли, а где и раньше доходы не покрывали расходов, убытки выросли тоже в $3^1/_2$ раза. Когда приезжали в село государевы писцы для описи крестьян и их хозяйства и для наложения налогов, крестьяне убегали в леса и писцы должны были записать земли «в пусте». На севере черносошные крестьяне добровольно отказывались от казенной земли, «не изнемогши с той земли службы великому князю служити и хлеба ему сыпного в житницы сыпати и давати всяких разрубов земских»; но нужно было найти вместо себя другого крестьянина, который все эти обязанности согласится взять на себя. Крестьяне нередко совсем разбегались, и пустели целые деревни. В одной из областей севера осталось 123 жилых деревни и опустело в каких-нибудь сто лет 967 деревень; опустели которые от мора и голода, которые от неприятеля, а больше все «от государевых податей и подвод». От тех же причин пустели посады. Люди того времени замечали, что «царям и великим князьям

следует из мира всякие доходы свои с пощадою собирать и всякие дела делать милосердно». Царь Грозный с своей стороны жаловался, что в Устюжских волостях (на севере) «на посадах многие крестьянские дворы, в уездах деревни и дворы позапустели, и наши дани и оброки сходятся не сполна».

Обязанности, наложенные государством, и для служилых и для тяглых были тяжелы, а права, какими они взамен пользовались, были зато совсем непрочны. Служилый человек получал за службу поместье, но не мог его ни продать, ни подарить, ни завещать, ни заложить, но всегда мог по усмотрению государя совсем лишиться; посадский человек, когда в посад ставили военный гарнизон, должен был уступать служилым свои дворы и лавки, амбары и огороды; крестьяне совсем были принесены в жертву и, теряя земли, получали в помещике нового хозяина и начальника. Многие, и служилые и тяглые предпочитали продаться в холопы, заложиться за монастырь, чтобы только уйти от тягла или службы. Но правительству это было невыгодно, и оно с этим боролось. В судебнике Ивана IV установлено: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопы не принимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставил». «А торговым людям городским в монастырях не жити, а жити им в городских дворах; а которые торговые люди начнут жити в монастырях, и тех с монастырей сводити... А на монастырях жити нищим, которые питаются милостыней от церкви божией».

Англичанин Флетчер, бывший в Москве при царе Федоре Ивановиче, со свойственной ему резкостью отметил характерные черты московского военного и финансового устройства: «Русский царь, — говорит Флетчер, —

надеется больше на число, нежели на храбрость своих воинов, или на хорошее устройство своих сил». Это войско оказывается не в силах бороться со шведами и поляками и даже с татарами... Зато гораздо искуснее московское правительство в собирании своей казны. Флетчер целую главу посвящает рассказу «о мерах к обогащению царской казны имуществом подданных». К числу таких мер Флетчер относит, например, следующие: «Не препятствовать насилиям, поборам и всякого рода взяткам, которым князья, дьяки и другие должностные лица подвергают простой народ в областях, но дозволять им все это до окончания срока их службы, пока они совершенно насытятся; потом ставить их на правеж за их действия, и вымучить из них всю или большую часть добычи, награбленной ими у простого народа, и обратить ее в царскую казну, никогда, впрочем, не возвращая ничего настоящему владельцу... Показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно сделается известным с дурной стороны, дабы могли думать, что царь негодует на преступления, делаемые народу, и таким образом сваливать всю вину на дурные свойства его чиновников».

В таких чертах рисует Флетчер знакомую уже нам картину вотчинных порядков, выросших в уделах. В заключение Флетчер рассказывает, что иногда царь Иван, чтобы получить нужные ему деньги, прибегал еще к такой мере: требовал от своих подданных чего-нибудь заведомо невозможного, и потом штрафовал их за отказ исполнить требование. Так, он велел однажды прислать ему из Вологды ливанских кедров, и когда их там не могли найти, оштрафовал вологжан за отказ 12-ю тысячами. А с Москвы он взял семь тысяч рублей штра-

фа за ослушание, когда там не сумели наловить для него, как он требовал, колпак живых блох для лекарства, да еще ответили, что если их и наловить, они распрыгаются.

V.

И в суде и в управлении Московского государства сохранялись старые удельные привычки. Московский государь хозяйничал попрежнему в своей вотчине, только вотчина его во много раз выросла, и хозяйство государево осложнилось. Старые порядки надо было приспособлять к новым более трудным и сложным задачам; приспособление не всегда удавалось.

В старину удельный князь совет держал в боярской думе со своими боярами—дворцовыми приказчиками; теперь новые задачи были возложены на старый совет приказчиков, только совет этот сильно расширился. В более важных случаях боярской думы уже нехватало, и созывались другие, чрезвычайные, совещания и соборы.

Правительство созывало своих агентов и предлагало им обсудить тот или другой вопрос. При Иване III и Иване IV, в 1471 и 1551 г.г. собирались вместе боярская дума, духовные власти, военное начальство. Иван III «мыслил» с ними «не мало» о предстоявшем походе на новгородских крамольников и вероотступников; Иван IV—о церковных непорядках, монастырском хозяйстве и о новом судебнике. В 1566 г. собирались боярская дума, духовные власти, военное начальство и торговые люди, сборщики казенных доходов и решали вопрос, можно ли продолжать неудачную ливонскую войну и есть ли для этого нужные средства. В 1571 г. в особую комиссию специалистов приглашали сведущих людей и обсуждали переустройство охраны южной гра-

ницы. Во всех этих соборах, собраниях и комиссиях не было ни разу ни одного выборного от населения народного представителя; это были чисто-правительственные совещания, не желавшие считаться с народными интересами и прибегать к народному уму.

Каковы же были результаты этих правительственных совещаний? Новгород при Иване III удалось взять. При Иване IV Стоглавый собор пришел на бумаге к очень радикальным решениям, но они все так и остались на бумаге. Первый земский собор решил продолжать ливонскую войну, и война кончилась неудачей и потерей владений. В 1571 г. говорили о лучшей охране южной границы от татар; а в 1572 г. татары перешли южную границу, никем не замеченные, неизвестно где перешли Оку, врасплох напали на самого Грозного, и отрезали его от русской армии, так что царь должен был спасаться и отступать; врасплох была застигнута и Москва.

Суд и управление ведали приказы в центре и кормленщики в областях. Прежде царь поручал дела отдельным приказчикам: боярину князю Куракину, или дьяку Щелкалову, или дьяку Варфоломею Иванову. Теперь приказчику надо было давать помощников, заводить при нем целую канцелярию, и приказчик выростал в приказ; но порядки все здесь были старые. Также мало перемен произошло и с кормленщиками. Каковы были приказные в центре и кормленщики в областях, можно видеть из тех мер, какими само правительство московское пыталось обуздать усердие своих агентов.

Меры эти принимались под сильнейшим давлением снизу, под градом жалоб и челобитных,—но оставались почти всегда без всяких последствий.

В 1497 г. «уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси, с детьми своими и с боярами, о суде, как судити

боярам и окольничим». В первых же статьях Судебника, составленного в боярской думе, предписывается «всякому судие посула от суда не имати никому; а судом не мстити, ни дружити никому. Жалобников от себя не отсылати, а давати всем жалобникам управу во всем, которым пригоже». Целый ряд статей регламентирует всевозможные судебные пошлины, устанавливает в точных цифрах, что имати, а что не просити и не имати. Против недельщиков, то-есть судебных приставов, принимаются сугубые строгости: «А пошлют которого недельщика по татей, и ему имати бесхитростно, а не поровити ему никому; а изымав татя, не отпустити, ни посула взяти; а опришных ему людей не имати. И им истцов и ответчиков не волочити». В то же время велено «проклинать по торгам, на Москве и во всех городах московской земли и новгородской земли, и по всем волостям заповедать, чтобы истец и ответчик судьям и приставам посула в суде не сулил». Так по всей Руси трезвонили о достоинствах московского правосудия. Насколько все эти меры имели успех, показывает второй Судебник царя Ивана IV, изданный спустя полвека. Трезвон о посулах судьям и приставам пришлось повторить полностью. Все статьи обуздания пришлось не только повторить, но и дополнить угрозой определенной кары. Если судья в суде посул возьмет и обвинит кого не по суду,—взять с него истцов иск, а пошлины взять втрое. Если судья жалобнику управу не учинит, быть ему от государя в опале. А возьмет кто лишек, и на том взяти втрое. Если дьяк возьмет посул и сделает подлог в судебном «списке»,—штрафовать его против боярина вполы, да вкинути его в тюрьму. А если то же самое сделает подъячий, и того подъячего казнити торговой казнью, бити кнутьем. А недельщика, если он будет

татям и разбойникам норовить и посул брать, то на нем и истцов иск доправить, и в тюрьму его вкинуть, и кнутьем бить.

Такие же меры принимались и для обуздания областных кормленщиков. В 1488 г. Иван III дал жителям белозерской земли уставную грамоту, по которой грамоте должны были у них наместники «ходить». Грамота тщательно устанавливала, каковы должны быть кормы, больше чего они не должны быть. Вступая в должность, наместник получает дары,—но «кто что принесет, то и взяти»: требовать большего нельзя. На Рождество наместнику везут полоть мяса, десять хлебов, бочку овса, воз сена; на Петров день—барана и десять хлебов. Кормы сбирать кормленщики не могут,—это делают выборные от населения люди, сотские. Сотские присутствуют и на суде, и без них и без «добрых людей» не могут наместники и тиуны «суд судить». Чтобы доводчик не слишком объедал население, ему предписано ездить по стану без парубка, «а где доводчик ночевал, тут ему не обедать, а где обедал, тут не ночевать». Наконец, тиунам и наместничьим людям на пир и на братчину незваным не ходити, а кто приедет незван, и они того вышлют вон беспенно».

То, что раньше было сказано белозерцам, в судебнике 1497 г. распространяется на всю страну: наместникам и волостелям без выборных от населения «лучших людей» не судить.

В царском судебнике 1551 г. те же требования повторены и еще прибавлено, чтобы протоколы суда писались земским дьяком, а «противень», «слово в слово» наместничьему дьяку переписывать; наконец, запрещено ковать в железо кого-либо, не предъявив сначала местным выборным, а эти выборные получали право тех

«людей выимать», то-есть освобождать из оков. Но все это нисколько не помогало; жалобы на кормленщиков не прекращались.

При Василии III только что покоренные псковичи жаловались на московские порядки: «У наместников и их тиунов и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетела на небо, и кривда в них начала ходить, и много было от них зла, потому что они были немилостивы до псковичей, а псковичи бедные не знали правды московской... И начали наместники над псковичами силу великую чинить, а пристава их начали от поруки брать по 10 рублей, и по 7 рублей, и по 5 рублей, и кто из псковичей сошлется на великого князя грамоту, по чем от поруки брать велено, и они того убьют, а говорили: то-де тебе, смерд, великого князя грамота. И те наместники и их тиуны и люди пили из псковичей крови много, и от их налогов и насильства многие разбрелись по чужим городам, покинув жен и детей. А иноземцы, что жили во Пскове, разошлись в свои земли; знать не в мочь жить во Пскове, только одни псковичи остались: земля не расступится, а вверх не взлететь». Новгородцы при том же Василии жаловались, что «наместники в Великом Новгороде судят сильно, а тиуны их судят по мзде».

При Иване IV те же белозерцы, о которых позаботился еще Иван III, били в Москву челом, что разбойники у них села и волости разбивают, а от государевых обыщиков и недельщиков, присланных против разбойников, жителям большие убытки и волокита великая. В 1552 г., через год после издания царского судебника, с реки Ваги прибыла в Москву депутация; 20 слишком человек выборных привезли царю челобитную: «Важане, шенкурцы и Вельского стана посадские лю-

ди и всего Важского уезда становые и волостные крестьяне били челом и сказывали, что у них на посадах многие дворы, а в станах и волостях многие деревни запустели от прежних важских наместников и от их тиунов, доводчиков, обыскных грамот, от лихих людей, татей, разбойников, костарей; что важского наместника и пошлинных людей впредь прокормить им нельзя; и оттого у них в станах и волостях многие деревни запустели; крестьяне у них от того насильства, продаж, татеб, с посадов разошлись по иным городам, а из станов и волостей крестьяне разошлись в монастыри бессрочно и без отказу, а иные разбрелись безвестно койкуда. На оставшихся посадских людях и крестьянах наместники и тиуны их берут свой корм, а праветчики и доводчики свой побор сполна, и посадским людям и крестьянам впредь от наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна нельзя». В 1555 г. царь Иван писал в грамоте крестьянам Устюжских волостей: «Прежде мы жаловали бояр своих, князей и детей боярских, давали города и волости им в кормлениях и о службе: «По сие время,—говорилось кука беспрестанная, что наместники наши и волостели, праветчики и их пошлинные люди, сверх нашего указного жалованья, чинят им продажи и убытки великие».

В 1556 г. царь Иван IV говорил в боярской думе о кормлениях и о службе: «По сие время,—говорилось в заседании,—князья и бояре и дети боярские сидели по кормлениям, по городам и по волостям для расправы людям и всякого землям устроения и себе от служеб для покоя и прокормления». «И вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинились, наместники и волостели из многих мест, презрев страх божий и государские уставы, много зло-

козненных на них дел учинили, и не были им пастыри и учители на благое, но сделались как бы волки, гонители и разорители»... Такова была беспощадная оценка, произведенная царем и думой старой московской администрации. Очевидно, старая московская администрация «прибытка своего смотрела» и никакой надзор выборных «лучших» людей, старост и целовальников не мог прервать эту эксплоатацию населения кормленщиками.

От непосильных казенных поборов жители разбегались в леса, бросали пашню, продавались в холопы; от военной службы из-под кнута бегали точно также. От «волков, гонителей и разорителей» население тоже бегало,—и учинялись пусты многие города и волости,— или било челом царю, или, придя в отчаяние, само принимало меры. Жалобы не всегда достигали цели. Та же администрация «отбивала мир с челобитными», а если жалобы и доходили до царя, то бывало еще того хуже. В 1547 г. семьдесят псковичей приехали в Москву жаловаться царю на наместника. Жалобщики чем-то рассердили Ивана, и семнадцатилетний царь дал волю гневу: начал обливать депутатов горячим вином, палил им бороды, зажигал волосы свечею, и уже велел покласть их нагих на землю... но в эту минуту принесли известие, что упал с колокольни большой колокол; царь бросил пытку, уехал на место происшествия,—псковичи были спасены. Дело доходило до открытой борьбы населения с администрацией. В 1555 г. в грамоте устюжанам царь жаловался: «От наместников и волостелей, праветчиков и их пошлинных людей нам докуки и челобитья многие, что посадские и волостные люди им под суд и на поруки даются, корм им не платят и их бьют». А в 1556 г. в том же заседании боярской думы, о ко-

тором говорилось выше, передавали вещи, еще более ужасные. «Тако же тех городов горожане и волостей мужики многие коварства и убийства людям сделали, и многие наместники и волостели и старого своего стяжания лишилися, живота и отчизны избыша».

Московские люди говорили, что в Московском царстве «умалилась правда», что вельможи богатеют от слез и от крови крестьянской, сборщики податей собирают деньги без пощады, мучат крестьян и берут на царя десять, а на себя сто, и всеми этими непорядками царь «напускает лишнюю войну на царство». Война населения с администрацией была действительно во всем разгаре, население испробовало все способы: било челом, не давалось под суд и на поруки и не давало кормов, вооружалось и силой отнимало и стяжания и жизнь, но администрация не хотела уступать. Она уступила лишь тогда, когда население, чтобы избавиться от кормленщиков, предложило выкуп. Целым рядом грамот кормленщики были по просьбе населения упразднены, и всюду, где только готовы были откупиться, введены губные и земские учреждения; суд, управление и сбор налогов переданы самому обществу, в лице его выборных—губных и излюбленных старост, голов и целовальников. Царская вотчина как раз в то время, подчиняясь общему экономическому развитию, переходила к денежному хозяйству, и казне деньги были нужны; натуральные повинности и подати перечислялись в денежные оброки; выкуп кормлений был выгодным делом, надо было только позаботиться, чтобы деньги платились исправно. В одной из грамот говорилось: «Если же не привезут оброка в срок, то царь посылает за ними приставов и доправливает оброк вдвое с ездом». И в другой грамоте было написано: «И за наместничий доход оброк со-

брать умели бы, и к нашей казне на срок привозили бы без недобору». Правительство спешит еще оговориться, что все старые повинности населения остаются постарому: «А сверх наместнича оброка платити им нам оброк за белку и за горностаи, и ямские, и пищальные, и полоняничные деньги, и иные наши оброки, по писцовым книгам и по сохам давати, и городское дело делати, и всякие тягла тянути, и подати давати по старине, по тому ж как давали прежде сего». Все это, собрав с населения, раз в год верные люди повезут в Москву. На этом пути ничто не должно их задерживать. «А как поедут к Москве с нашею казною, или с Москвы назад, пошлин с них не емлют, а пропущают их добровольно, по сей нашей грамоте». Казна получила новую и очень прибыльную, доходную статью; и надзор за этой новой доходной статьей поручается государевым казначеям—Ивану Петровичу Головину, да Федору Ивановичу Сукину, с дьяком Истомой Ноугородовым.

Что бы ни делал Грозный, он никогда не забывал себя, не упускал из виду материальных своих интересов. В 1563 г. отъехал в Литву князь Курбский, и началась с ним жестокая переписка; в декабре 1564 года сам царь оставил государство, изгнанный, как он говорил, самовольными боярами, и «поехал где-нибудь поселиться, где его бог наставит». Через два месяца он вернулся из Александровской слободы в Москву и, как известно, учредил опричнину. «Чего стоили самому Иоанну,—пишет Соловьев,—отъезд Курбского и переписка с ним, собственный отъезд в слободу, тревожное ожидание последствий, какие будет иметь посылка грамоты в Москву, чего стоило ему все это,—видно из того, что когда он возвратился в Москву, то нельзя было узнать

его: волосы с головы и с бороды исчезли». Сам царь жаловался Курбскому, что от злобы и утеснения боярского у него сделалась боль в пояснице. Так потрясен был нравственно и физически Грозный. Но это нисколько не повредило хозяйственной его распорядительности. Тотчас же, дрожащими еще от волнения руками, принялся он отбирать и отписывать у опальных их имения себе в казну, а издержки свои по поездке в Александровскую слободу и обратно покрыл из средств Земского приказа, предназначенных на мощение улиц, тушение пожаров и охрану вообще тишины и спокойствия, приказав взыскать с Земского приказа за свой подъем сто тысяч рублей.

VI.

Мы видели, что́ приносили с собой на постройку московские государи. Так же, как и государи, думали об этой постройке и те спальники, и конюшие, приказные и кормленщики, дьяки и подъячие, которые кормились доходами с государевой вотчины. Но остальное население хотело, чтобы при возведении здания приняли во внимание и его интересы. Население готово было приносить жертвы, но только такие, какие были действительно нужны для наилучшего обеспечения интересов самого населения. Рядом с князем-хозяином выросло целое множество тоже хозяев, и у каждого из них был свой интерес, каждому было важно, как и князю, получать как можно бо́льшие барыши с как можно меньшими затратами.

Интересы эти не у всех были одинаковы. Каждый общественный класс имел свои интересы, и интересы эти были часто один другому противоположны. Инте-

ресы различных классов зависели от хозяйственного их положения. Московское государство стояло на рубеже натурального и денежного хозяйства. Московские люди работали не только на себя, а и на продажу, на сбыт. Росли ремесла, росли и ремесленные слободы в городах. В России насчитывалось тогда уже свыше 200 посадов, в посадах—свыше 200 различных ремесл. Ремесленники работали на сбыт. В Литву отправляли деревянные чаши, седла, копья, оружия, украшения и палки для опоры слабым, старым и пьяным. Русские купцы ездили в Любек, Антверпен и Копенгаген; в Швеции, когда началась война с Москвой. шведы захватили в плен 300 русских купцов; торговала Москва и с далекой Испанией. Всего важнее была торговля с Англией, завязавшаяся при Грозном на Белом море; в Англии возникла для торговли с Москвой особая торговая компания. За границу вывозили больше всего продукты скотоводства—кожи, масло, сало, соленое мясо, свинину, щетину и шерсть; из хлебов—пшеницу и гречиху. Новгородский архиепископ отпускал за границу в большом количестве лен. Жители крайнего совера покупали в Норвегии хлеб. Так захолустная Московия втягивалась в круг мирового хозяйства. Параллельно развивалась и внутренняя торговля, покупатель находился и дома: разные области начинали обмениваться товарами, деревня принялась торговать с городом; возникли торжки и ярмарки, расширилась сеть торговых путей. В центральных областях крестьяне ранним утром, до света, несли в соседний город на продажу продукты своего несложного хозяйства. Священник торговал скотом, перегоняя его из селения в селение. Монахи одного из монастырей на Онеге наблюдали купцов, ездящих мимо «сюду и овамо» (туда и сюда). Торговля развивалась, несмотря на то, что провоз стоил

дорого, и товары от Москвы до Архангельска повышались в цене на 3 четверти. Центр и черноземная степь снабжали хлебом окраины: Пермь, Соловки, Новгород, Астрахань. Вологда торговала льном и хлебом, привезенным с юга; англичане рассказывали, что нет города в России, который не торговал бы с Вологдой. В Москву по ярославской дороге въезжало в день по 700, по 800 возов с зерном или рыбой; за 100 верст приезжали в Москву с севера продавать рыбу, меха, кожи и запасаться хлебом. Для хлебной торговли Ока была главной дорогой. Целый ряд ярмарок возникал по рекам; была уже Макарьевская (будущая нижегородская) ярмарка. Курбский рассказывает, что в Свияжске, во время прохода русской армии под Казань, съехалось по рекам (приплыло) «купцов великое множество с различными живностями и со многими товарами, и было там всего довольно, чего бы душа не захотела, только нечистот там нельзя было купить». Появился большой спрос на деньги; теперь, когда многое можно было приобрести покупкой, деньги сделались нужны всякому. И деньги появились в обороте и даже в таком количестве, что скоро цена на них стала падать.

Очень выгодным делом стала хлебная торговля. Она сулила большие барыши; все, кто мог, бросились пахать и сеять. Но чтобы получать барыши, надо было иметь в достаточном количестве землю, капитал и рабочие руки. Здесь было основание для классовой борьбы.

VII.

У бояр были большие, и притом привилегированные вотчины. Боярин был полным хозяином своей вотчины, особенно, если это был боярин титулованный, бывший

князь удельный; такие княжата имели даже свои полки, которые и приводили на московскую службу. Их всего удобнее сравнить с феодалами средневековой Европы. Курбский в своей «Истории» говорит о них, что «еще те княжата были на своих уделах и великие отчины под собой имели, а сколько тысяч с них воинства было слуг их—не могу счесть»; Грозный «того ради и погубил их, завидуя им». Бояре всеми силами старались сохранить свои привилегированные вотчины и еще увеличить. Увеличить их бояре надеялись на счет духовенства, владевшего тоже громадными землями. В самом духовенстве, в скитах заволжских отшельников-нестяжателей бояре нашли себе в этой борьбе союзников, действовавших словом и пером. Еще при Иване III началась борьба. Нил Сорский и его последователи настойчиво проповедывали секуляризацию. Иноки, по учению Сорского, должны питаться исключительно своими трудами и даже подаяния могут принимать лишь в крайних случаях. Они должны «не точию не иметь имения, но ни желати его стяживати». Даже в храмах не зачем иметь дорогие золотые и серебряные сосуды; церкви должны быть чужды всякого великолепия; чем жертвовать в церкви, лучше раздать нищим. Ученики Нила резко нападали на духовенство, на монастыри: монахи отреклись от мира, а владеют волостями и крестьянами,—говорили они; монахи наживают богатые палаты; они заботятся лишь о том, как украсить себя «пестрыми и мягкими шелковыми тканями, золотом, серебром и бисером добрым». И боярин, князь Курбский, следуя нестяжателям, не один раз упрекает монахов, называя их «любоименными, богатолюбными монахами»; они стараются, по его словам, как бы «выманить имения монастырям, или богатство многое». Проповедь нестяжателей была как

нельзя более выгодна для бояр; только нестяжатели говорили о раздаче церковного богатства нищим и убогим, а бояре понимали дело несколько иначе. Но духовенство вышло победителем из этих столкновений: оно умело отстоять свои богатства.

Зато бояре успели воспользоваться малолетством Ивана IV. Позднее Грозный не раз жаловался на бояр, что они в то время казны его государские расхитили, а прибытков казне его государской никаких не прибавили; земли его государские себе разобрали, друзьям своим и родственникам роздали; держа за собой поместья и вотчины великие, получая жалования государские, кормления, собрали себе великие богатства; дворы, села и имения дядей его себе присвоили и водворились в них; а бояре князья Шуйские на казенный счет себе сосуды золотые и серебряные выковали и написали на них имена своих родителей, «будто это их родительское стяжание». А крамольные бояре за свои «злодейства» были в то время награждены государевыми землями и казной, как верные слуги. Также и позднее во время Стоглавого собора и Избранной рады, во время Сильвестра и Адашева, боярам были розданы вотчины, отнятые у них при Иване III. Грозный все это ставит в вину боярам; Курбский за то же самое восхваляет эпоху Сильвестра и Адашева, когда отличившиеся в битвах воеводы бывали почтены наградами—движимым и недвижимым, а паразиты или тунеядцы были отгоняемы. Вспоминая о том времени, Курбский восклицает: «О, царю, прежде зело любимый от нас!»

Борьба с казной была для бояр успешнее, чем борьба с духовенством. Но вырос Грозный, и боярам пришлось убрать прочь протянутые к казне руки.

Удачный грабеж не пошел в прок боярству. Хо-

зяйство в привилегированных боярских вотчинах было не блестяще. Боярские фамилии привыкли жить данями, пошлинами, кормами, пользоваться плодами чужого хозяйства, а сами хозяйничать не привыкли. Они продолжали жить по-старому, кормиться тем, что принесут жители вотчин натурой; им нужны были не рабочие руки, а плательщики и кормильцы; денег у них было мало, но когда они брали взаймы, то брали не капитал для предприятия, а деньги для прожития. Деньги давали в рост монастыри; монастыри брали проценты и проценты на проценты, и этим доводили бояр до разорения. Нестяжатели и в этом вопросе были союзниками бояр, доказывая, что церковь давать взаймы может, но только без процентов. Но и в этом случае победителем вышло духовенство. Бояре должали все более и более и оказались под конец кругом в долгу у «жидовинов-ростовщищиков», как они называли монахов. Боярские вотчины были заложены; боярыня княгиня Шуйская заложила свое парадное платье; а князю Ивану Шуйскому, по словам Грозного, не на что было сшить себе новую шубу, и он ходил в старой, крытой полушелком на куницах, да и те ветхи. И Флетчер рассказывает о князьях, готовых служить у простолюдинов за пять или за шесть рублей в год. Курбский из Литвы бил челом игумену псковопечерского монастыря «о потребных животу»; он хотел взять взаймы, но монахи его «продали и отчаяли, даже и милостыни ему не дали, а имели, что подать». Он и прежде брал деньги у монастыря и всегда платил; но «Иисус», «судья неумытный», заступится за него и покроет во всех прелютых и нестерпимых гонениях».

Тем временем у бояр вырос новый враг—поместное дворянство. Во время опричнины боярству пришлось потерять бо́льшую часть своих земель. Дворяне-опричники,

которых Курбский называет кромешниками, паразитами, воистину татями и разбойниками, поотобрали у бояр их вотчины; а чего не успели взять опричники-дворяне, то подобрали в свою пользу любостяжательные и всележавые монахи. Бояре, какие уцелели, получили, вместо вотчин в центре, земли на окраинах.

В жестокой экономической борьбе, в которой разорялось и падало боярство, врагами его были: казна, духовенство, дворянство. Казна, духовенство, дворянство естественно соединились в общей борьбе с боярством. Правительство должно было стать на ту сторону, где стояла казна.

VIII.

Большие вотчины были в руках черного духовенства: архиереев, монастырей; монастырей насчитывали до двухсот. Сотни имений принадлежали им; и так же, как у бояр, это были привилегированные, тарханные земли. Монастыри вели крупную торговлю хлебом, особенно Троицкий и Соловецкий; архиепископ новгородский, как мы знаем, торговал льном. Монастырь давал деньги в рост, вел большие денежные дела. Это не была уже та обитель, в которой недоставало ладана и вина для богослужения, в церкви служили при лучинах, книги писали на бересте, братия голодала по 2 и по 3 дня без хлеба, и сам игумен нанимался строить келью брату-монаху за куски гнилого хлеба, как это было с преподобным Сергием. Теперь монастырь был крупным землевладельцем, крупным банкиром и образцовым хозяином; монахи сделались, по выражению Флетчера, самыми оборотливыми купцами, и католическая симония про-

цветала и у православных; «постановление на мзде» было здесь так же обычно, как и на Западе, и высших в духовенстве лиц винили «в святокупстве».

Симония и богатства церковные и связанная с этим веселая жизнь духовенства не остались без протеста; в XIV веке выступили с обличениями стригольники—еретики псковские и новгородские. Они открыто разорвали с недостойной, по их мнению, церковью, и в своей религиозной общине подавали пример аскетизма и нестяжания. В XV веке в Новгороде, а потом и в Москве выступили новые еретики—жидовствующие. Все эти вольнодумцы не давали духовным отцам покоя, называя их людоедами, винопийцами, и друзьями грешников. Наконец, ко всему этому хору обличителей присоединились из-за Волги голоса Нила Сорского и других старцев. Сначала с обличителями удавалось справиться. Со стригольниками справились в XIV веке: одних бросили в тюрьмы, других утопили в Волхове. Жидовствующие были сильнее; они нашли друзей себе при московском дворе, где невестка великого князя и некоторые бояре приняли их сторону, а митрополит и сам Иван III их не трогали. Но Геннадий, архиепископ новгородский, поднял на жидовствующих большую партию, в духовенстве, особыми посланиями он снесся с другими архиереями, сплотил их против общего врага; в лице Иосифа Санина, игумена волоколамского, партия получила крупного деятеля и энергичного вождя. Заволжские старцы доказывали, что христианскую истину можно распространять только мирным путем; они были против религиозных гонений и печаловались за еретиков пред государем. Партия Иосифа думала иначе. Иосифляне выставили боевую программу и обратили партию в боевую организацию. Они добились собора для суждения о ересях;

Геннадий писал собору, что он для того и собран, чтобы «еретиков казнити, жечи да вешати». В образец церковной политики он выставлял испанского короля, «очистившего свою землю». Иосиф Санин писал одному епископу, что «не токмо еретиков осуждати велено, но и казнити и в заточение посылати, точию смерти предати епископом не повелено есть»; исполнять смертный приговор это—уже дело «царей благочестивых». Царь должен «соблюдать стадо Христово от волков невредимо». Если государь и теперь не подвигнется на еретиков, то придется «погибнути всему православному христианству», как погибли царства: Ефиопское, Армянское и Римское. Государь должен еретиков «мечом посещи, а богатство их на расхищение предати». Государь—«первый отмститель Христу на еретиков»; если он не борется с ересями, то «слугу себе сатане сотворяет». Наконец, голос иосифлян был услышан; Иван III не захотел итти в услужение к сатане. Еретики были истреблены казнями; их заточали в тюрьмы, резали им языки, жгли на их головах берестовые колпаки и самих жгли в клетках.

Так энергично боролось с ересями иосифлянское духовенство. Оно умело защищать от обличений и посягательств свое положение, свои богатства и привилегии; особенно удобно было, если обличители вдавались в ересь,—борьба с ними обращалась в защиту православия. Но бороться приходилось не с ересями только; у церковного хозяйства были еще другие враги. Еще в XIV веке митрополиты московские всякое посягательство на права духовенства называли великим грехом и обидой церкви и грозили церковным проклятием; в доказательство прав святительского суда, церковь ссылалась даже на подложные церковные уставы, приписывая их св. Владимиру и Ярославу Мудрому. В конце

XV века великим грешником и обидчиком оказался московский государь Иван III, отбиравший в свою казну и затем раздававший служилым людям—детям боярским—новгородские земли монастырские и архиерейские. При дворе были сильны заволжские нестяжатели, одобрявшие эту секуляризацию. На церковном соборе 1503 г. Нил Сорский поставил даже ребром вопрос о полной секуляризации монастырских земель, «чтобы у монастырей сел не было, жили бы чернецы по пустыням, а кормились бы рукоделием». Со стороны иосифлян это вызвало сильнейший отпор. Духовенство в словах и поучениям громило тех, «кто в вещи священные движимые соборной церкви вступается и отнимать их дерзает», и доказывало, что государь «пастыря своего с вещьми церковными защищать должен», а пастырь должен охранять права церкви от посягательств светской власти «храбро, даже до своего кровопролития». Против нестяжателей выступил и знаменитый игумен волоколамский Иосиф Санин, говоривший: «Аще у монастырей сел не будет, как честному и благородному человеку пострichися?» Победили иосифляне; собор решил, что «святители и монастыри земли держали и ныне держат, а отдавати их не смеют и не благоволят, понеже вся таковая стяжания церковная—божия суть». С тех пор иосифлянское духовенство господствовало и свободно могло обделывать свои материальные дела; при Василии III они были особенно в силе. Этот государь был особенно близок с волоколамскими монахами.

Однако, борьба не прекращалась. В «Беседе валаамских чудотворцев» партия бояр и нестяжателей выступила против иосифлян с резкой критикой. Автор «Беседы» упрекал царя, что он «инокам княжее и боярское мирское жалованье дает, как бы воинам, волости с крестьянами».

«Господь иноков уставил на исполнение десятого ангельского чина; а малосмысленные цари, Христу противники, иноков жалуют и дают инокам свои царские вотчины, города и села и волости с крестьянами, отдают завидное и все лучшее в монастыри инокам». Иноки «трудами своими питаться не хотят, а хотят быть сыты от царя». Владение монастырей землями и крестьянами автор «Беседы» прямо называет ересью, а царям грозит, что они «на своих степенях царских не возмогут держаться и почасту переменяться будут за свою царскую простоту и за иноческие грехи».

На Стоглавом соборе нестяжатели дали иосифлянам генеральную битву. Сам собор был, как думают, созван по почину нестяжателей; из нестяжателей на собор попал один Вассиан, постриженный боярин, в миру князь Патрикеев; но на соборе были на-ряду с духовными и «бояре и вои», и битву собственно давали иосифлянам не последователи Нила Сорского, а бояре и служилые люди. Опять ребром был поставлен вопрос о секуляризации и о вапрещении монастырям давать деньги в рост. Собор постановил вотчин духовенству без ведома и доклада государю не приобретать, неправильно приобретенные или заложенные монастырям—вернуть, деньги и хлеб давать взаймы только без процентов. Но это все были уступки только на бумаге; исполнение соборных решений было возложено на тех же иосифлян, и «все пошло по-старому, как бы и совсем не было собора».

Затем на историческую авансцену выступила и против боярства новая сила—служилое дворянство. Духовенству пришлось и терять и выигрывать. Во время опричнины, когда дворянство отбирало у бояр их вотчины, этим крушением боярства воспользовались и монастыри и подобрали в свои руки обломки боярского землевладения.

Когда же в 1570 г. опричники во главе с царем громили Новгород, были разграблены и двор архиепископа, и его казна, и ризница Софийского собора, и все новгородские церкви и монастыри; то же повторилось потом и в Пскове, где забрали монастырскую и церковную казну, иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, колокола. Затем опять выплыл вопрос о секуляризации; на этот раз его выдвинули не бояре, а дворяне. В 1580 г. этот вопрос был решен и опять удовлетворительно для иосифлян: духовентсво отказалось на будущее время от права приобретать вотчины, но выговорило себе право брать на помин души не землями, а деньгами; прекращался рост земельных владений церкви, в то же время увеличивался рост церковных капиталов. Кроме того церковь сохранила за собой неприкосновенными все уже бывшие в ее руках вотчины. Через 4 года иосифлянам опять пришлось защищаться; дворянство требовало отмены тарханов; эти привилегии привлекали к церковным землям массы поселенцев и рабочих рук, и от того страдали непривилегированные землевладельцы — дворяне. «Сего ради,—говорили они,—многое запустение за воинскими чинами в вотчинах их и поместьях». При царе Федоре в июле 1584 г. тарханы были отменены; но духовенство было еще сильно, и в октябре тарханы были вновь восстановлены. Так умело иосифлянское духовенство отстаивать свои интересы.

Это пышно расцветшее монастырское и архиерейское хозяйство вызывало жестокую критику со стороны других классов и партий. Богатая жизнь монахов давала много материала для критики вольнодумцам-еретикам. Заволжские нестяжатели с своей стороны не уставали обличать иосифлян. Максим-грек, афонский монах, ученик Савонаролы, разбиравший государеву библиотеку и

сблизившийся с нестяжателями,—яркими чертами изобразил монастырское хозяйство. По его словам монахи советывали богатым людям «не давать имения аще и убогим сродникам, а давать монастырям, за что святые умолят у бога царствие небесное». Они не брезговали ничем, чтобы захватить в свои руки земли; Максим-грек утверждает даже, что они для этого прибегали к подлогам. Это было настоящее собирание русской земли, и в конце концов $^2/_5$ всех земель кругом Москвы сосредоточилось в руках монахов.

Тот же Максим-грек рисует картину банковых операций монастыря. Монахи свое серебро дают в рост и проценты на проценты истязуют от убогих, а у неоплатных должников расхищают худые стяжаньица, последнее, что осталось от нищеты. Задолжавших крестьян монахи морят беспрестанно и всяческими монастырскими работами или продают в рабство; сирот и вдовиц бесщадно и и безмилостивно расхищают. Монахи кормятся крестьянскими слезами, заявляли нестяжатели. Максим-грек называл монахов «наставниками всякого бесчиния». Бояре, также попадавшие в руки чернецов-банкиров, называли их, с своей стороны, «сребролюбцами ненасытными» и утверждали, что и в царях редко встретить такое свирепство, как в иноках. Иноки «строят каменные ограды с палатами и с позлащенными узорами, с травами многоцветными» жаловался автор «Валаамской беседы». «Украшают себе кельи, как царские чертоги, и везде у них лучшее и завидное все, и покоят себя пьянством и брашном... Возлюбят пьянство, блуд, нечистоту, свирепство и немилосердство... Угождают мамоне, а не душе своей... Сверх казны монастырской еще крадут и себе в собину собирают золота и серебра,—и мир слезят».

С бесконечной ненавистью говорил о них Курбский. По

его словам, эти «презлые иосифляне подобны во злости» Василию III; «они его лютости скорые послушники, во всяком зле потаковники, паче же еще и подражатели». «Прегордые, лютые и вселукавые мнихи, глаголемые осифлянские», только о том и стараются, как бы «выманить имение монастырям или богатство многое, и жить в сладострастиях скверных, как свиньи питаясь, не говорю уж—в кале валяясь». Таковы эти «человекоугодники прескверные», как их называет Курбский. И сам Грозный на Стоглавом соборе говорил, что «в монастырях иные постригаются ради покоя телесного, чтобы постоянно бражничать, и по селам ездят для удовольствия—прохлады для; в кельи жонки и девки приходят,—монахи, монахини и миряне живут вместе».

Но монахи готовы были всеми способами защищать свои интересы. Когда старец Феодорит, основатель Троицкой на Коле обители, запретил монахам в своем уставе приобретать имущество и держать женщин, иноки «сложились с дьяволом», как рассказывает Курбский, и «вознеистовствовали; взяли старца святого и били нещадно, из монастыря его выволокли и из страны той, как врага выгнали». Почти то же случилось в то время и в Троице-Сергиевском монастыре, когда игумен хотел «превратить чернецов на божий путь, на молитву, пост и воздержание»; из-за этого в обители преподобного Сергия «вышел мятеж многий», и монахи хотели даже убить игумена. Верные иосифлянским заветам, иноки готовы были защищать свои права «храбро», даже до «кровопролития», и готовы были проливать кровь не только свою, но и чужую. И сам Грозный, указавший Стоглавому собору непорядки церковной жизни, принял на себя в конце концов защиту иосифлян от нестяжательских обличений. Курбский жаловался, что царь н е с т я-

жателей «наказует», да еще «не наказует любезно, но со всякою яростью и лютостью зверской».

IX.

Служилое дворянство не имело столь больших земель, ни таких капиталов; тем не менее оно делало все возможное, чтобы втянуться в хлебную торговлю и расширить свое хозяйство. Даже те небольшие денежные суммы, какие давались служилому человку из казны в придачу, помещик спешил вложить в хозяйство. И дворянское хозяйство неуклонно росло. Вначале за дворянином числилось полсела, треть деревни, шесть или семь крестьянских дворов; но дворянин не хуже инока монастырского умел позаботиться о себе. При этом постоянно приходилось нарушать чужие интересы, и возникала борьба. Только эту борьбу дворяне вели больше оружием, чем пером и словом. В отличие от шумных диспутов боярско-иноческих дворяне больше делали свое дело молча.

Жертвами хозяйственного развития дворянства становились, одни за другими, крестьяне, посадские, бояре и духовенство. Когда дворянин получал поместье, на земле, данной ему, он находил мирно хозяйничавших крестьян; крестьяне считали своим неотъемлемым правом пахать на себя эту землю; теперь являлся помещик, брал землю себе и обезземеливал крестьян. Согнанные с земли крестьяне должны были или арендовать землю, или наниматься в бобыли-рабочие, или уходить совсем, куда глаза глядят. Так было дело в уезде; если ставили дворянский гарнизон в городе, в посаде, то страдали посадские торговопромышленные люди; дворяне брали себе их дворы, лавки, амбары и огороды и вы-

живали посадских вон из посада, обезземеливали и их. При Иване III, когда производился разгром новгородского церковного землевладения, служилые, дети боярские, расхватали много церковных земель.

При Иване Грозном особенно процвело служилое дворянство. Служилая тысяча, набранная в 1550 г., получила в поместья свыше полутораста тысяч десятин. В шестидесятых и семидесятых годах набраны одна за другой новых шесть тысяч, и эти дворянские полки, получившие название опричников, произвели грандиозный разгром боярского землевладения. Это была настоящая классовая борьба из-за земли; так как казна была враждебна боярству, и сверх того боярство было заподозрено в измене и в крамоле, то дворянство получило в этой борьбе от правительства чрезвычайные полномочия, дискреционную полицейскую власть. Покончив с боярами, дворянство направило новый ряд ударов на церковь. В самый разгар несчастной Ливонской войны, когда служилые люди особенно нужны были правительству, эти служилые люди потребовали большого земельного обеспечения на счет церкви. В 1573 г. митрополит со всем священным собором и с боярской думой, по государеву приказу, приговорили: в большие монастыри вотчин на помин души не давать, а вновь отданные передать в поместья служилым людям, чтобы в службе убытка не было и земля из службы не выходила бы. В 1580 г. те же церковные власти с боярской думой совещались снова. На этот раз церковь сильнейшим образом укрепила за собой все имевшиеся уже в ее руках земли, объявив торжественно, что и впредь эти земли остаются в руках церкви неприкосновенно. Но «ради надлежащего варварского прещения», когда все враги «соединились ярым образом, как дикие звери, надмились гордостью и хотят истребить

православие», решено новых вотчин церкви совсем не давать, а давать ей за помин души, вместо вотчин, деньгами; все это «ради того, чтобы воинский чин ополчался накрепко на брань против врагов креста Христова». Насильственная экспроприация, так удавшаяся дворянам в борьбе с сиротами-крестьянами и с крамольными боярами, очевидно, не была возможна в отношении церкви: церковь была слишком могущественна, с нею надо было считаться, и приходилось довольствоваться (пока) полюбовным дележом добычи.

Всего ярче обнаружилась деятельность дворянства в истории опричнины. На ней стоит остановить внимание. Социальная революция, произведенная дворянством, в союзе с царем, поразила ужасом умы бояр. «Воскурилось гонение великое,—говорил Курбский,—сын дьявольский всеял искру безбожную в сердце царя православного, и от этой искры во всей Святорусской земле пожар лют возгорелся. Полк дьявольский, паразиты, тати и разбойники, кромешники кровожадные, горшие палачей», иначе Курбский не называет опричников. «Попущением Божиим за грехи наши возъярился царь Иван Васильевич на все православие», пишет другой современник. В боярском освещении фигура самого царя, первого среди опричников, выдвигается слишком вперед, и получает трагический вид: «А сам царь и ходил и ездил в черном платье, и все с ним, и была туга и ненависть на царя в миру, и кровопролитие и казни учинились многие». «Боярские фамилии,—рассказывает Курбский,—с женами и детьми их, сосущими от сосцов материних, не пощадил царь с кромешниками своими». И Василий III превзошел Нерона лютостью своею, а Иван IV, этот «новоявленный зверь» и «клеврет сатаны», учинил гонение, неслыханное и у поганских царей. Но эти казни

обыкновенно приписывают больше самому Грозному, чем служившему у него в опричниках дворянству; пора дворянству разделить с царем его «грозную» репутацию. Грозный царь говорил о себе, что он изгнан боярами от своего достояния, и скитается по стране, но скитался он не один, а вместе с дворянами-опричниками, с ними делил и опасности и добычу; «царь-скиталец» был поистине первым дворянином своего времени.

Опричнина была торжеством дворянства над боярством; жертвы опричнины легли в фундамент будущей дворянской России. Жертв этих было немало.

Знаменитый синодик царя Ивана Васильевича, присланный им в Кириллов монастырь для поминания, заключает в себе 3.248 имен; эти имена—жертвы не столько личного гнева царя, сколько хозяйственной политики благородного российского дворянства. Среди множества других имен здесь находим: «Князя Владимира со княгинею и здочерью», бесчисленных Петров, Романов, Иванов и т. д. «зженой и ссыном», «зженою и ссестрой и стещею», «сматерью, и зженой, и ссыном, и здочерью», и целый ряд безыименных—трех человек, семь человек, семнадцать человек, тысячу пятьсот пять человек (новгородцев), и каких-то «двунадцати человек и сстарицами». Курбский изображает самые казни опричнины. Князя Петра Щенятева было велено «на сковороде, огнем разженной, жещи и за ногти иглы бити»; князю Никите Одоевскому—сорочку продернули сквозь грудь и дергали из стороны в сторону; Колычевы были взорваны порохом; князей Мещерских,—Андрея, Никиту и Григория,—убили уже в бою татары, опричники их разыскивали, и найдя, резали их трупы; а когда жгли боярина князя Михайлу Воротынского, сам первый дворянин земли русской, царь Иван, подгребал под него

жезлом уголья. В Новгороде в 1570 г. заподозренных в измене жителей топили в Волхове, и чтобы никто не мог спастись, дети боярские и стрельцы ездили по реке на лодках с рогатинами, копьями, баграми, топорами, и кто всплывал наверх, того прихватывали баграми, кололи рогатинами и копьями и погружали в воду; это продолжалось под ряд пять недель; а потом оставшимся в живых новгородцам было объявлено, что вся эта кровь взыщется на самих перебитых «изменниках», велели им «жить в Новгороде благодарно» и молить бога об одолении других таких же «изменников видимых и невидимых».

В приобретательской своей деятельности дворяне-опричники заботливо устраняли с пути все препятствия, все помехи, и когда ставился в митрополиты Филипп, с него была взята запись: «в опричнину ему и в царский домовой обиход не вступаться, а после поставления за опричнину и за царский домовой обиход митрополии не оставлять». Митрополиту таким путем связали руки, зажали рот, да еще приковали к митрополичьей кафедре. Филипп дал запись, но потом не выдержал, и обличал опричнину. В лицо царю в храме он говорил: «У татар и язычников есть правда, в одной России нет ее; во всем мире можно встретить милосердие, а в России нет даже сострадания к невинным и правым; здесь мы приносим богу бескровную жертву за спасение мира, а за алтарем безвинно проливается кровь христианская», и не дал царю благословения. Дворяне-опричники поспешили убрать неудобного святителя; он был заточен в монастырь, и думный дворянин Малюта Скуратов задушил его там подушкой. Святитель, причтенный церковью к лику святых, был принесен в жертву на алтарь дворянских интересов. Дворянский род Скура-

товых числился в родословных дворянских книгах губерний Тамбовской и Тульской.

X.

Рядом с служилым дворянством вырастает пасадский класс,—московская буржуазия. На арене политической борьбы ее заслоняют другие силы,—княжата, бояре, иноки и дворяне, но за их спиной быстро и ловко работает новый городской класс, лишь изредка выступающий вперед, на историческую авансцену. Там, в глубине торговых рядов и лавок, идет накопление капитала, там слагается то явление экономической жизни, которое называют теперь торговым капитализмом. Впереди новой общественной силы шествует верхний слой московских посадов,—гости, люди гостиной и суконной сотни это,—тогдашние миллионеры. Ростовщики, скупщики и откупщики старой Московии, торговые ее посредники в сношениях с западом и востоком, коммерческие агенты царя в Русской земле и за рубежом,—гости молча плетут ту сеть, которая понемногу, медленно, но верно опутывает собой всю русскую жизнь, вернее, она, эта сеть, сама плетется в их руках. В петлях этой сети оказываются один за другим и княжеский удел, и боярская вотчина, какой-нибудь купец Протопопов оплетает долговыми записями гордого феодала, конкурируя в этом с «жидовинами» монастырских келий; не уйти от этой сети и мелкой ремесленной мастерской: у ее дверей уже появляется скупщик, человек с деньгами, знающий рынок и все условия рынка; рынок, конечно, весь целиком в руках крупной буржуазии, а от этого рынка зависит во многом и жизнь остальной страны. На рынке товар всякий—и свой, и заморский, а

без товара уже не обходится русский человек, за товаром идет на рынок и гордый княжич, и хитрый инок, и негордый еще дворянин, и нехитрый сирота-мужик, и не только идут за товаром, но и сами несут товар: везут хлеб, гонят скот, несут лапти и сапоги, сбрую и калачи. Всем нужны теперь деньги, деньги платятся за товар, перечисляется в деньги оброк, денег требует и казна. Деньги привязывают и приковывают к рынку всех, всю страну. А рынок в руках гостей и их присных. И торговые центры,—два Новгорода, Великий и Нижний, Вологда, Холмогоры,—становятся в ряд с княжескими кремлями, в Москве вырастает в большую силу посад, Китай-город, Белый город окружаются каменными стенами, на манер кремля, за чертой их вырастает новый Земляной город, и окружается земляным валом. Торговый гость становится видной фигурой на фоне московской жизни XVI века.

В конце XV века московский государь Иван III объявляет крестовый поход на крамольный Новгород; и рядом с царем, его армией и попами идет в поход и московский торговый капитал: речь идет о завоевании доходного северного края, равного по величине чуть не всей Западной Европе, со всеми его рыбными и звериными ухожаями, с торговыми барышами и с закамским его серебром. Кто будет владеть этим краем,—Москва или Новгород,—чей там будет хозяйничать торговый капитал, московский или новгородский?—так ставится вопрос. Разрешается он всецело в пользу Москвы. И сейчас же, в интересах московских гостей, закрывается новгородский ганзейский двор, чтобы открыться вновь позднее, когда новгородский Садко уже не страшен будет для московского гостя. Затем посад замешивается в борьбу московских боярских

партий, поддерживает всюду одну из них—князей Шуйских, и едва ли не мстит за них их соперникам князьям Глинским во время московского мятежа 1547 г. Вслед за этим мятежом идет эпоха Избранной рады, у московского посада есть там свой человек, протопоп, коммерсант и экономист Сильвестр, близкий всей торговой Москве. И в реформах Рады не забыты посадские интересы: в реформах губной и земской царя Ивана рядом с дворянами всюду стоит и посадский человек. Завязывается беломорская торговля с «английскими немцами», и тотчас же раздается предостерегающий посадский голос: не слишком ли царь милостив к англичанам, не приносит ли он им в жертву родные московские интересы, интересы московского капитала,—и укоряющий голос: «какой это русский царь, это скорее царь английский!» Покровительство русскому капиталу уже тогда становится во главу угла всех исканий российской буржуазии. Наступает разрыв с Избранной радой, царь уезжает в Александровскую слободу, слагает шапку Мономаха, прощается с этой шапкой, или делает вид, что прощается с ней, и шлет в Москву две грамоты,—одну из них шлет московскому посаду: это—единственная, повидимому, его опора в этот момент, не служилый класс, а посадский. И московский посад ответил на призыв царя, дружно стал за него, против его «изменников и лиходеев», и с его помощью и содействием Москва перешла от соглашательства Избранной рады к боевой политике времен опричнины, с ее экспроприациями и казнями: начинался кровавый период дворянско-посадской диктатуры.

И если российское дворянство обросло в этой борьбе землями и оросилось боярской кровью, то из этого же моря крови посад извлек свои коммерческие бары-

ши: важнейшие торговые пути и торговые города были записаны в опричнину, и торговому капиталу был полный простор собирать с них золотые и серебряные сливки.

И вся внешняя политика московского XVI века ведется в интересах не одной только дворянской усадьбы, но и купеческого кошелька. Приобретение Казани и Астрахани, и всего Поволжья давало земли дворянам и открывало торговые пути на богатый Восток, на тот самый Восток, куда так стремились тогда все Колумбы и Магелланы, Ченслеры и Диацы. Волга была столбовой дорогой к персидским шелкам и индийским пряностям. Не даром позднее, в XVII веке, торговые миссии чуть не всех наций Европы обхаживали московских царей, чтобы проникнуть самим на Волгу. В тех же дворянских и посадских интересах велась и тяжелая, неудачная Ливонская война: российских дворян соблазняли рыцарские поместья и замки немцев, а русских гостей—барыши балтийской торговли со всей Европой. И если борьба за Каспий удалась Москве XVI века, а борьба за Балтику не удалась, то стоили обе они не мало, особенно вторая, затянувшаяся на 20 слишком лет, и потребовали громадного напряжения всех сил страны. И те воины, за интересы коих так распинался служилый человек Пересветов, были воинами той армии, которую посылал на запад и на восток московский торговый капитал. И те реформы, военные, финансовые, административные, какие вызывались этими войнами, были, таким образом, реформами, нужными прежде всего, московскому торговому капиталу. И Покровский собор (Василия Блаженного), воздвигнутый в Москве в память завоевания Казани, знаменует собой не только торжество креста над полумесяцем, но и

победу русского денежного мешка на мировом рынке. Казань открыла Москве дверь к Востоку, так же как полтора века спустя Петербург открыл ей окно на Запад.

Появился московский торговый капитал и в Грановитой палате московского кремля. Если нам неизвестно ничего или почти ничего о земском соборе 1550 г., и можно спорить даже о том, был или не был этот собор, то второй собор царя Ивана, 1566 г., более нам известен, а на этом соборе важнейший вопрос, о ливонской войне, был поставлен ребром; и на этом соборе рядом с боярами, духовными властями и служилыми людьми были и люди посадские,—московские гости и купцы, Чюркины, Зимины, Подушкины, Выбойщиковы, Полусвиньины, Твердиковы, Тулуповы, Прощелыкины, Кукишевы, Трясихины,—и хотя они не были выборными представителями своего народа или своих сословий, но агентами той же царской власти, тем не менее их устами гласил посад, и защищали они посадские интересы. Они подавали на соборе свой голос; «о деле мы говорили, и мысль наша та», заявляли они царю: «государя нашего перед королем правда великая, а королева великая неправда», «а государю нашему как тех своих городов в ливонской земле отступиться?»

XI.

Так шла борьба из-за земли и торговой прибыли между боярами и духовенством, служилыми дворянами и посадскими людьми. Были классы совсем ничего не выигрывавшие и только терявшие в этой борьбе. Крестьяне теряли и ту землю, на которой сидели, и капитала не получали; холопы работали на других на чужой земле, и сами были в чужих руках капиталом,

Холопами можно было свободно распоряжаться. Холоп был полной собственностью господина, его можно было купить, продать, завещать, дать в приданое; его можно было не только уморить трудом и голодом, но и прямо убить; нельзя было только убить чужого холопа.

Число холопов росло и хозяева широко пользовались их трудом: ставили в пастухи, в приказчики, наполняли ими кухню, дворню, кузницу, брали с собой, когда отправлялись «конны, людны и оружны» на царскую службу. Чем более развивалась хлебная торговля, тем более на дворянских, архиерейских и монастырских землях росла барская пашня, и тем больше сажали холопов на эту пашню; в центральных областях и на степном черноземе всю почти барскую пашню пахали холопы. Были, впрочем, холопы не совсем лишившиеся свободы. Пленник оставался рабом до смерти господина, неоплатный должник поступал в кабалу «до искупа»; но хозяева старались задержать их и дольше срока, старались закабалить их потомство. Чтобы умножить еще число своих холопов, чтобы получить лишние рабочие руки, землевладельцы прибегали к насилию над малолетними и над инородцами; вымогали у них нужное согласие, и беззащитные сироты «били челом волею» в холопство. Были холопы и у духовенства. Монастыри по церковным правилам не могли владеть холопами; монастырские холопы назывались поэтому не холопами, а «детенышами».

Крестьяне, лишаясь земли и не имея капитала, шли в наемные рабочие, или арендовали землю, и в таком случае брали взаймы и капитал: семена, орудия и «весь крестьянский завод» и домовую посуду. В том и другом случае землевладельцы получали возможность экс-

плоатировать крестьян. В имениях, где нехватало для барской пашни холопов, сажали на пашню наемных крестьян-бобылей, или арендаторов-должников по условию заставляли ходить на барщину; но гораздо больше накладывали на них оброки. Владельцы земель опутывали крестьян арендными условиями, долговыми обязательствами. Крестьяне обязывались: «деревня распахати, и поля огородити, и старые хоромы починити, и новые поставити, на дело (господское) ходити, как иные крестьяне ходят»; или «оброк хлебный давати, и пашню пахати, и рожь и солод молоти, и дрова привозити, и повоз везти, и двор и гумна поделывати, и новые хоромы ставити, и на дело (господское) ходити на солнечном восходе, и приказчика слушати во всем».

Не всегда в условиях точно обозначались обязанности крестьян, и решение отдавалось на усмотрение господина; крестьянин обязывался всякую страду господину «со крестьяны страдати», как тот ему «прикажет», и платить оброк «чем он его изоброчит»; и хозяева «свои подати на крестьян клали сами, сколько с кого взяти», да еще приказчикам своим разрешали «всякие поборы со своих крестьян, чем бы им поживиться». Крестьяне скоро запутывались в долгах, и, как неоплатные должники, опускались в положение кабальных, в ближайшее соседство к холопам. Кабальные не могли уже уйти; но и тех, кто еще не дошел до этого состояния, землевладельцы старались прикрепить к своему хозяйству, точь в точь так же, как сам московский государь старался прикрепить к своей земле крестьян черносошного севера. Крестьянам позволялось уходить только раз в год, на осенний Юрьев день, когда сельские работы кончены, да и то, если долги выплачены. Старожильцов, давно не уходивших, особенно старались не

выпускать; говорили, что им уйти прошла давность. Обитель, основанная преподобным Сергием, еще от Василия Темного получила право «со своих земель крестьян не выпускати ни к кому». В 1577 г. дворцовый приказчик собирался выводить крестьян с земель Спасского монастыря в царскую вотчину, а спасский архимандрит возражал, что «крестьяне в монастырских селах и деревнях старожильцы, и за монастырь достались те села и деревни с теми крестьянами».

Чтобы крестьяне не убегали, с них брали записи поручные, и поручители должны были отвечать за беглых большой суммой, до тысячи рублей. Если крестьяне убегали, их ловили, «мучили, грабили и в железо ковали». Таким путем старались землевладельцы прикрепить к себе крестьян-арендаторов и рабочих.

В то же время шла борьба из-за крестьян между различными классами землевладельцев. Крупные землевладельцы: бояре, монастыри, архиереи сманивали к себе дворянских крестьян, выкупали должников, похищали; были люди, специально бравшиеся за такие операции, они назывались отказчики. При этом различные классы не уставали обличать друг друга в том, что питаются крестьянскими слезами и крестьянской кровью. Боярские привилегии и особенно церковные тарханы мешали дворянству в этой борьбе: крестьяне охотнее уходили на земли, более других свободные от повинностей; служилые люди заявляли тогда, что им служить «не с чего».

Терявшие своих крестьян владельцы искали судом своих беглых, и суды были завалены делами о крестьянах. Правительство попробовало, под давлением дворян, отменить тарханы; через 5 месяцев пришлось в угоду духовенству их снова восстановить. Тогда правительство попробовало просто сократить число дел, чтобы облег-

чить работу судов; указом 1597 г. запрещено было искать крестьян, убежавших более, чем за 5 лет до указа, (этот указ записан был в указную книгу приказа холопьего суда, как если бы крестьяне были уже холопы). Когда царем сделался Годунов, был издан новый указ (1601 г.), выгодный для дворянства. Для борьбы с привилегированными землевладельцами дворяне сами получили особую привилегию: крупным землевладельцам было запрещено свозить крестьян к себе от мелких землевладельцев-дворян. Дворянство торжествовало. Крестьяне опускались все ниже и ниже, и уже бич гулял по крестьянской спине невозбранно.

Холопы и крестьяне, бессильные и разбросанные на больших пространствах, не могли защитить свои интересы, свою свободу; им оставалось или терпеть, или уходить. Кому было не втерпеж, те уходили, выселялись на Волгу, на новую окраину, поступали на Дон в казаки, шли на большую дорогу в разбойники. Уйдя на новую окраину, переселенцы заводили свое мелкое хозяйство и пахали чернозем на себя, пока и на этот чернозем не налетали новые помещики-дворяне. На Дону русские эмигранты заводили свои, не московские порядки.

На Москве холопы и крестьяне страдали от московского неравенства, на Дону не делали различий; первое время все были равны. На Москве вся страна была вотчиной государя; на Дону власть была в руках всей казацкой общины, всего округа, все казачество чувствовало себя хозяином.

Но не всем удавалось уйти туда, на Дон или на Волгу. Внутри страны развились нищенство и разбои. У ворот монастырей толпились «нищие и сироты, мразом и гладом тающие, горько плачущие скудости сво-

ея ради». На дорогах и в лесах грабили разбойники— и на Волге, и под Стародубом, и в лесах Муромских, и под Можайском. Грозному царю не раз били челом с Белоозера, и с Ваги, и от Троицы Сергия, что у них «в волостях многие села и деревни разбойники разбивают, имения грабят, села и деревни жгут, на дорогах много людей грабят, разбивают и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди разбойников у себя держат, а к иным людям разбойники с разбоем приезжают и разбойную рухлядь к ним привозят».

Все это было неудобно для землевладельцев, а разбои и для всех вообще собственников. От ухода рабочих и арендаторов земли пустели; на протяжении сотен верст встречались одни полуразвалившиеся избы, тянулись заброшенные полосы, а дороги поросли такой травой, что и не продерешься; церкви стояли без пения, пашни поросли лесом.

Землевладельцы, борясь между собой, всеми мерами боролись и против этого ухода, ловя беглых и вводя крепостное право. Когда руки, работавшие на барщине и приносившие оброки, протягивались за милостыней, сытые монахи с «горькими» ругательствами гнали нищих прочь, «кинувши кус хлеба гнилого». Когда эти руки превращались в разбойничьи кулаки и грозно поднимались к лицу и кошельку, собственники принимались сами «лихих людей разбойников обыскивати», а поймав, наказывати. Старые областные власти—кормленщики недостаточно принимали к сердцу интересы местных собственников и хозяев; собственники и хозяева били царю челом и получили от царя право самим взяться за это дело. Так возникли губные учреждения.

Белозерцам и каргопольцам в губной грамоте бы-

ло писано: «Где сыщете разбойников или тех, кто у себя их держит и разбойную рухлядь принимает, то вы таких людей пытайте накрепко; а допытавшись и бивши кнутом, казните смертью». Галичанам было писано: «В которые дворы какие люди с чем-нибудь приедут, покупать ли соль, или проезжие люди, объявляйте этих людей десятским; и пусть этих людей осматривают и записывают. Остановятся на дворах люди проезжие незнакомые, и станут сказываться не по именам и непутно, таких людей брать и приводить к городовым приказчикам, и с городовыми приказчиками обыскивать вправду, без хитрости, какие они люди. Обыщете, что они люди добрые, то перепишите их и отпустите без задержки. Если же окажутся лихие люди, то пытайте их накрепко с городовыми приказчиками... и уличенного разбойника, бив кнутом по всем торгам, казните смертью». В поисках лихих людей выборные старосты и целовальники ездили по всей волости, собирали сходки и требовали, чтобы им указывали лихих людей. Достаточно было, чтобы на таком «лихованном обыске» оговорили кого, довольно было даже одних слухов,— «молвки» о лихости,—чтобы такого человека сажать в тюрьму, пытать, бить кнутом, казнить смертию. Если спрошенные на обыске не могли указать лихих людей, а потом обнаружились татьбы и разбои,—убытки взыскивали с «обыскных людей», и их самих наказывали кнутом. Выборные получали громадные полицейские и, можно сказать, военно-полевые полномочия, и самый откровенный и безграничный террор был орудием этой «усиленной охраны» XVI-го века,—охраны, которую не правительство навязало обществу, а само общество выпросило себе у правительства.

XII.

Когда Иван III отбирал у новгородского духовенства земли и раздавал их служилым людям — детям боярским, духовенство было в оппозиции; «правительственную партию» составляли бояре и дети боярские, жидовствующие и заволжские нестяжатели. Курбский говорил впоследствии об этом времени, что государь «много советовался с мудрыми синклитами, был любосоветен и ничего не починал без глубочайшего и многого совета». Нил Сорский на церковном соборе открыто предлагал полную секуляризацию церковных имуществ, чтобы чернцы «жили по пустыням, а питались бы рукодолием». Жидовствующие были при дворе—невестка Ивана III княгиня Елена, дьяк Курицын и др. Митрополит Геронтий «не докучал государю о еретиках», как жаловались иосифляне, а митрополит Зосима хотя и не был еретиком, был против казней еретиков, «пития непомерно держался, а церкви божией не радел». И о самом Иване III говорил в то время Иосиф Санин, что он прозабыл дело божие во многих своих делах царских, а «божие дело всех нужнее». Царь должен быть божьим слугой; если же над царем царствуют «скверные страсти и грехи и злейшие всех неверие и хула», то такой царь—«не божий слуга, но дьявольский, и не царь, но мучитель». Государю, отбиравшему церковные богатства, волоцкой игумен твердил, что сребролюбие царское—служба дьяволу; только богатство еретиков можно и должно «предать на расхищение». И он грозил «слуге дьявольскому», что он «во пса место будет сведен во ад».

Борьба кончилась торжеством иосифлянского духовенства; положение партий переменилось. Иван III сде-

лался «отмстителем Христу на еретики», как говорил Иосиф, «мстителем неправдам», как говорил Грозный. Секуляризация была отвергнута: святители не благоволили отдать божия «стяжания». Жидовствующие подверглись казням, как «воинство сатанинское». Сын княгини Елены развенчан, сын гречанки Софьи венчан на царство. Бояре жаловались, что Иван III «переставляет старые обычаи». При Василии III торжество иосифлян продолжалось. Максиму-греку в его келье бояре жаловались, что государь с ними не советуется, старых людей не почитает; «запершись сам-третей у постели, всякие дела делает». Место боярской думы занял небоярьский комитет; пять дьяков, да дворецкий Шигона Поджогин оттеснили бояр от власти. За такие жалобы члену боярской думы Берсеню Беклемишеву отрубили голову, дьяку Федору Жареному, бив кнутом, отрезали язык; Максима-грека обвинили в ереси и заточили в монастырь; он пострадал «по зависти Даниила митрополита, прегордого и лютого, и от вселукавых мнихов, глаголемых иосифлянских», рассказывает Курбский. Говоря о великом князе Василии, Курбский называет его «великим паче же в гордости и в лютости князем». Совершенно противоположную оценку дают Василию иосифляне. Митрополит Даниил называет его всему народу «о благочестии твердым поборником», а патриархам и священному собору «благоразумным согласником». Такому государю нужно было «от сердца воздавать любовь, и должное покорение, и послушание, и благодарение, и работать ему по всей воле, не как человеку, а как богу», как писал Иосиф Санин. И в монастыре, где Иосиф Санин был игуменом, так любили Василия, что дьякон не мог за него молиться без слез, и игумен с братией от любви тоже плакали.

Теряя значение и власть, боярство теряло и старинное право отъезда, которым оно так дорожило. При Иване III и Василии III больше отъезжало бояр из Литвы в Москву, чем наоборот; но московское правительство принимало свои меры против отъездчиков, и иосифлянское духовенство его в этом, конечно, поддерживало. Бояре имели дерзость заявлять какие-то права, какое-то право отъезда, но московский государь считал все государство своею вотчиною, весь народ своими холопами; какие же могли быть права у холопов? И по мнению иосифлян, бояре княжеского и некняжеского рода должны были предаться воле государя, и готовыми быть от него вся терпеть, аще и смерти предаст их: «волен бог да государь». Иван III брал со своих бояр «проклятые грамоты». Такую грамоту взял он с боярина князя Холмского, а боярина Воронцова заставил поручиться за Холмского большой суммой. При Василии III грамоты о не-отъезде дали князья Шуйский, Бельский, Воротынский, Глинский, Мстиславский. Шуйский клялся «от своего государя и от его детей из их земли в Литву, также к его братьям и никуда не отъехать до самой смерти». За Мстиславского ручались митрополит и все духовенство, и он сам целовал крест у гроба чудотворца Петра, и все-таки хотел отъехать к Сигизмунду; и «государь по его вине опалу на него положил», как рассказывает сам Мстиславский. Ручательства духовных лиц было мало; требовались ручательства бояр и денежные гарантии: за Глинского ручались три боярина, да за этих трех еще 47 бояр.

При Иване IV произошло опять перемещение партий. Малолетством его широко воспользовались бояре. У власти сменяли друг друга бояре Глинские, Бельские, Шуй-

ские. Позднее Грозный жаловался Курбскому, что в то время, «те, которые должны быть подданными нашими, стали самоуправничать, ибо государство было без владетеля. Они ничего сообразного с нашим благом не делали, сами предались достижению богатства и значения». Обращаясь ко всем боярам, Грозный обвинял их, что они державу, данную ему богом, «под свою власть отторгли». Когда в 1547 г. Иван объявил себя совершеннолетним, женился и венчался царем, боярам уже нельзя было действовать попрежнему, нельзя было править за царя. Образовалась избранная рада, с Сильвестром и Адашевым во главе, и дела решались государем опять «сам-третей у постели». Если избранная рада не была боярским комитетом, то политику она вела соглашательскую, примирительную с боярством. Но и соглашательская рада сумела ограничить царскую власть боярской думой, по крайней мере в одном пункте: о невнесении в судебник новых статей без думского приговора. На эту раду Грозный жаловался Курбскому: «Я хотел вами государить, а вы не хотели под моею властью быть, и я за то на вас опалялся... Вы сами государились, как хотели, а с меня все государство сняли: словом, я был государь, а делом ничего не владел... Вы хотели, чтобы я и вся русская земля у вас были под ногами». Совсем в ином тоне вспоминает об этом времени Курбский. «Се таков наш царь был, пока любил около себя добрых и правду советующих, а не презлых ласкателей». Об Адашеве Курбский отзывается, что это был муж «отчасти, в некоторых нравах, ангелам подобный». Сильвестр «отгонял от царя оных предреченных прелютейших зверей, сиречь ласкателей

й человекоугодников». Оба, Сильвестр и Адашев, «собирали к царю советников, мужей разумных и совершенных», и так ему их в приязнь и в дружбу усвояли, что без их совету он ничего не устраивал и не мыслил». В то время царь Иван был не меньше любим боярами, чем его отец волоколамскими монахами.

Но на избранной раде оборвалось торжество бояр. Вперед опять выступили «презлые ласкатели» иосифляне, а за ними «кромешники, нарицаемые опричниками». Тогда «в предобрый русских князей род всеял дьявол злые нравы». Царь принялся «самого дьявола волю исполнять... Он избрал себе пространный антихристов путь... Он отворил оба уха своим презлым ласкателям, а они ему клеветали и сикованции в уши шептали заочно». Бывший епископ, живший в Песношском монастыре на покое, Вассиан Топорков, «прежний мних из той лукавой иосифлянской четы», рекомендовал царю, «если он хочет быть самодержцем, не держать при себе ни одного советника, который был бы умнее его». По мнению Курбского, Вассиан на вопрос царя, «как ему царствовать, чтобы вельмож своих держать в послушании», должен был отвечать, что «самому царю следует быть, яко главе, а мудрых советников своих любить, как члены своего тела»; вместо того он «соплел силлогизм сатанинский», и «царя прелютостью наквасил».

При Грозном усилился отъезд московских бояр в Литву. Царь Иван всех бояр старался связать записями и круговой порукой. За князя Воротынского ручались ему 7 бояр, да за них 56; за князя Бельского 29, да за поручителей других 120. Но отъезд не прекращался. Этот самый князь Бельский чуть было не убежал в Литву, с королем Сигизмундом уже «ссылался» и «грамоту от

него себе опасную взял», и потом должен был бить челом за свою «измену». Князь Курбский, которого царь называл «любимым своим», отъехал в Литву и не бил челом за свою измену, а вступил с царем в дерзостную переписку и отстаивал боярское право отъезда. Самого Курбского достать было нельзя; зато были казнены его советники и единомышленники: князья Горбатый Шуйский с сыном, двое Ховриных, князья Сухой Кашин, Шевырев и Горенский. Брались новые записи, принимались новые крутые меры против отъездчиков. «Ты затворил царство Русское», упрекал царя из-за литовского рубежа Курбский.

В 1564 г. из Москвы отъехал уже не боярин, а сам царь Иван Васильевич. Исчез тот хозяин московской вотчины, который до тех пор во всех комбинациях московской политики был всегда первой величиной. Население могло стать хозяином, само могло взяться за государственную постройку, за самый план ее. Но царь, устранившись от власти, еще раз спутал ходы. Через месяц, из Александровской слободы, он прислал в Москву свои грамоты. Он объявил одним свою милость, другим свой гнев и свою опалу; это можно рассматривать, как попытку в своих собственных интересах поднять одну часть населения на другую, или, вернее, воспользоваться для себя классовой борьбой. Любопытно, как представлялась царю эта борьба, и какую позицию он старался занять в ней. Опалу и гнев он объявил одновременно и боярам и духовенству: боярам за их «измены», духовенству—за печалование о боярах. На-ряду с боярами царь объявил своими врагами и тех дворян, которые будут потом его опричниками и с метлой и собачьей головой у седла будут рыскать по всей стране и выметать боярскую из-

мену, и тех детей боярских, которые будут прикалывать новгородских бояр, тонущих в реке Волхове. Грозный думал, что против него сложились бояре, духовенство. дворянство. Против них, и, стало быть, за царя, стояли, по его мнению, одни посадские люди, или, точнее, один город Москва; и царь, думая так, сделал попытку опереться на московский посад. Московские посадские люди, действительно, оказались крайними монархистами; они стали решительно за царя, говорили, чтобы «государь государства не оставлял и их на расхищение волкам не отдавал, особенно избавлял бы их от рук сильных людей; а за государевых лиходеев и изменников они не стоят и сами их истребят». Волками и лиходеями были, конечно, бояре, которым и грозили истреблением московские монархисты. Духовенство, неожиданно для самого себя, оказавшееся в опале, считало это, конечно, недоразумением, и хотело рассеять недоразумение и примирить с собой царя. Дворянству, как и духовенству, быть может, уже мерещился возможный разгром боярских вотчин. И все эти классы московского общества соединились, чтобы просить царя вернуться в Москву на царство. Боярству оставалось только подчиниться,—и царь вернулся.

Тогда началась опричнина. Дворяне-опричники, как выражается Курбский, присягали Грозному «во всем только ему угождать и скверное его и кровоядное повеление исполнять». Этот «полк дьявольский» со своими метлами и собачьими головами торжествовал победу над боярством. Духовенство иосифлянское тоже торжествовало, подбирая куски боярских вотчин, а при царе Федоре и правителе Годунове воздвигло рядом с царем новый для себя оплот—патриарха. Одни посадские, которым

всего больше обещал Грозный, остались как будто в тени; и самая честь истребления крамольников досталась не московской буржуазии, а благородному российскому дворянству.

Боярам оставалось только протестовать бессильно против этого оборота дел. Исход борьбы был не в их пользу, и писатель боярской партии давал волю совоему гневу, обличая противников и самого царя в своей «Истории» и в своих «Посланиях». «Христианский, речешь, царь?»—восклицал с пафосом Курбский. «И еще православный, отвечаю тебе; христиан губил и от православных людей рожденных и сосущих младенцев не пощадил». Но Курбский все еще не хотел считать дело совсем проигранным и из Литвы пытался влиять нравственно на Ивана. Два раза, в 1579 г., он писал к царю, призывал его опомниться, покорить в себе зверя, вернуться к прежним дням. Близок ответ на суде божием! «Усмириться уже пора и укротиться твоему величеству и войти в чувство: уже время». «Очнись и воспрянь! Не губи себя и дома своего». Так писал царю Курбский.

XIII.

«Сказания» князя Курбского и анонимная «Беседа валаамских чудотворцев» дают возможность вникнуть в политические взгляды бояр, выяснить их политические идеи. На эти их взгляды и идеи налагало прежде всего печать все их прошлое; они приносили с собой в Москву традиции права и власти, и их всего труднее было обратить в безгласных холопов государевой вотчины. С другой стороны, накладывала на их взгляды печать классовая борьба, какую они вели с дворянством и духовенством. Влияла на них и политика избранной рады, к которой принадлежал князь Курбский.

Понятие Курбского о государстве и о власти государя совершенно расходится с московскою вотчинною теорией. Государство—не вотчина царская! таков главный вывод из рассуждений Курбского. «Сану царскому воистину приличны суд праведный и оборона», пишет Курбский; цари «только того ради и существуют, чтобы прямо судить, и царство, врученное им от бога, оборонять от нахождения варваров». Для московских государей должен был показаться нелепостью самый вопрос о том, чего ради цари существуют; их мог скорее занимать другой вопрос: для чего существуют подданные? Курбский говорит не о правах царской власти, а о ее обязанностях, не об обязанностях подданных, а об их правах. Царь обязан оборонять страну и давать суд прямой и праведный и не наказывать без суда; и подданные имеют право всего этого от царя требовать, потому что только ради этого суда и обороны и существует царская власть. Ни того, ни другого Курбский не находил в московской действительности. Рассказывая о нежелании царя воевать с крымцами и оборонить землю, Курбский упрекал его, что он о своем помазании царском не памятал и басурманам за кровь христианскую не мстил. С тех пор, как окружили царя вместо советников разумных ласкатели, царь великий христианский «пеперед басурманским волком бегает, стал бегун пред врагом и хороняка, за леса забившись, трепещет и исчезает», когда за ним никто и не гонится. В другом месте Курбский рассказывает о разрыве царя с Сильвестром и Адашевым. Умерла царица Анастасия, и клеветники нашептали царю в ухо, что «счаровали» ее Сильвестр и Адашев; и царь поверил. Сильвестр и Адашев требовали над собою суда: «Мы не отказываемся умереть, если будем повинны,—говорили они,—но да будет суд явствен-

ный перед тобою и перед всем сенатом твоим». И их судили, но судили заочно, не спросив и не выслушав, хотя и митрополит доказывал, что «следует слышать, что они на то ответят». «Се царя нашего христианского таков суд!» заключает свой рассказ Курбский. Так, без суда погибли при Грозном не одни Сильвестр и Адашев; вспоминая все казни Грозного, всех, кого царь «различными смертями растерзал и всенародно погубил», Курбский подчеркивает, что все это было сделано «без суда и без права». Таким образом в Московском государстве не оказывается ни суда, ни обороны, ничего того, для чего существует царская власть. В третьей главе своей «Истории» Курбский рассказывает о черемисском царе. «Взяла себе Черемиса Луговая,—говорит он,—царя из ногайской орды; потом же, когда рассмотрели, что мало им прибыли с того царя, убили его и сущих с ним татар, человек триста, и голову ему отсекли и на высокое древо воткнули, и говорили: «Мы было взяли тебя на царство с двором твоим, чтобы ты оборонял нас; а ты и сущие с тобою не сотворили нам помощи столько, сколько волов и коров наших поели; а ныне голова твоя да царствует на высоком коле!»

Бояре очень дорожили своей породой и хорошо знали в ней толк. Они требовали, чтобы с их породой считались, и местничались постоянно: в полках, при дворе и за царским столом. Если в Москве не хотели знать их породы и нарушали их родословные счеты, или объявляли поход без мест, бояре били челом в бесчестии, говорили, что это им «поруха» или «потерька», и скорее соглашались сползать под стол, чем сидеть за столом не на своем месте. Они никак не соглашались признать, что государева приговора достаточно, чтобы боярской чести и без мест порухи не было; они

верили, что их честь не зависит от государева приговора, и стояли на своем, как их ни выдавали другой стороне головой и не били за излишнюю «честь» батогами. Не менее ревностно защищали бояре свое старое боярское право отъезда. Запрещая боярский отъезд, царь «затворил царство русское, сиречь свободное естество человеческое», говорит Курбский.

Старая удельная вольность выводилась здесь из естественной свободы, из прирожденных и неотъемлемых прав человека. Грозный называл бояр изменниками и клятвопреступниками, так как они нарушали отъездом свою присягу. Курбский отвечал: «Ты называешь нас изменниками, потому что мы принуждены были от тебя поневоле крест целовать, как там есть у вас обычай, а если кто не присягнет, тот умирает горькою смертью». На это тебе мой ответ: все мудрецы согласны в том, что если кто присягнет поневоле, то не на том грех, кто крест целует, но преимущественно на том, кто принуждает, если даже и гонения не было. Если же кто во время прелютого гонения не бегает, тот сам себе убийца, противящийся слову Господню: Аще гонят вас во граде, бегайте в другой; образ тому Господь бог наш показал верным своим, бегая не только от смерти, но и от зависти богоборных жидов». Отстаивая право отъезда, Курбский превращает его даже, для подданных московского государя, из права в прямую обязанность, считая самоубийцами тех, кто не бегает от царя, как, по его мнению, Христос бегал от иудеев.

Курбский не раз упрекал царя, что он расстался со своими мудрыми советниками. Эти мудрые советники— бояре, боярская дума, или избранная рада. Ивана III он хвалил за то, что он вначале был «любосоветен», хвалил и Ивана IV за его прошлое, когда он «без совета

ничего не устраивал и не мыслил». Царь аще и почтен властию, должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у всенародных человек». В «Беседе валаамских чудотворцев», отражающей взгляды той же боярско-нестяжательской партии, не раз указывалось, что «царям и великим князьям достоит... всякие дела делать... со своими князьями и с боярами и прочими мирянами», «царям с боярами и с ближними приятелями о всем советовати накрепко». И Курбский и автор «Беседы», не ограничивают круг царских советников одними боярами, но допускают в этот круг и прочих мирян и всенародных человек. Позднейшая приписка к «Беседе» добавляет, что царь должен иметь при себе «вселенский совет, из всех мер людей погодно», и его «добре, добре расспрашивать обо всех делах»; такой порядок должен был «скрепить» всю администрацию от посулов и всяких «властелинских грехов», и оградить подданных от произвола администрации. Курбский вообще сторонник соборного начала; один раз, вспоминая о временах избранной рады, Курбский цитирует св. Писание: «Якоже сам господь рече: идеже собраны два или три во имя мое, ту аз посреди их». Боярский совет освящается присутствием в нем самого бога.

Но допуская в царский совет прочих мирян и всенародных человек, бояре жестоко спорили против советников—иосифлян и опричников, и против приказного элемента—дьяков с подъячими. Не зачем еще раз повторять те громы, которые метал Курбский против презлых ласкателей—мнихов и кромешников, опричниками нарицаемых. Не менее суров он с «писарями рускими, которым князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского рода, ни от благородного, но

паче из поповичей или из простого всенародства, и то ненавидячи творит вельмож своих». Этим поднявшимся к власти из низших слоев народа, с самого дна его, писарям Курбский приписывает неудачи обороны против татар: писаря эти, «что было нужно таити, сие всем велегласно проповедали»: по их милости татары проникли в тайны московской обороны, и приняли свои меры. Автор «Беседы валаамских чудотворцев» особенно восставал против иноков. «Где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, там милости божией нет». Самодержавие царское в том и состоит, чтобы царю владеть царством не с иноками, а со своими приятелями— князьями и боярами; если же царь владеет с монахами, с непогребенными мертвецами беседует, то пусть и не пишется самодержцем: не сам царство держит, а с пособниками. «Не с иноками Господь повелел царям царство и грады и волости держать,—с князьями и с боярами и с прочими мирянами, а не с иноками. Инокам повелел Господь за царя и за великих князей в смиренном образе бога молить». К тому же иноки отреклись от мира и мирской суеты, и нельзя их от душевного спасения отвращать: это им «душевредство и бесконечная гибель», и «лучше царю степень свою и жезл свой и царский венец отдать, и царского имени и престола не иметь», чем инока душу погубить.

XIV.

Иноки, о спасении души которых так заботились бояре, были на этот счет несколько иного мнения. Иосифляне выработали свою политическую теорию, боярской партии во всем противоположную. Но вотчинная московская теория не удовлетворяла и их; они ставили власти

свои задачи. Иосиф Санин внушал одному из князей, что ему следует «не только о своих пещися и своего только жития править, но и все обладаемое от треволнения спасать и от нужды и скорби и от бед избавлять». Суд, закон и правду Иосиф Санин ставит задачей царской власти; но не забывает при этом специально монашеского интереса. «Праведный царь или князь ангельский и святительский имат чин, аще сохранит закон и суд и правду, и не обинется лица сильного на суде, ниже приимет мзды, ни уповает на неправду, и на восхищение не желает». Византийские императоры, которым рекомендуется подражать, во время голода великое попечение имели,—«да не измрут гладом сущие под ними нищий и убогий человецы»; подражая греческим царям, следует в голодные годы раздавать хлеб из царских житниц. К обязанностям власти волоцкой игумен отнсит здесь, на-ряду с охраной суда и закона, нежелание царя восхищать чужое добро,—этим ограждаются церковные имущества от секуляризации, а нищие и убогие, питающиеся от церкви божией, в голодный год переводятся с монастырских хлебов на хлеба из царских житниц. В борьбе с секуляризацией иосифлянское духовенство не раз заявляло, что обязанности государя— «защищать пастыря своего с вещьми церковными», «в вещи священные соборной церкви, движимые и недвижимые, не вступаться и их не отымать».

Но важнейшей задачей царской власти иосифляне ставили охрану того учения, на которое только и могла опираться православная церковь: охрану православия. Это была старинная традиция русской церкви. Еще Владимиру Мономаху митрополит советовал «сохранити предание старое отец своих». Василия II Темного особенно выхваляла церковь за то, что он «Сидора прелестно-

го», принявшего флорентийскую унию, лишил митрополии и запер в Чудов монастырь. «Он поборал по божьей церкви и по древнему благочестию,—говорили о великом князе,—разжегаяся теплотою сердечною и ревнуя святым своим прародителям». Бог его вразумил «о православной святой вере христианской велие попечение имети». «Духом божественного закона распаляем, возревновал по бозе и по св. закону благоверия и утверждал св. церковь непоколебиму от мысленных волк, губящих веру истинного в рустей земли воссиявшего благочестия». Иона митрополит титуловал «в православии цветущего» Василия II Темного «православным великим самодержством, царем русским». Василий II «только смирения ради и благочестия... не зовется царем». Когда пал Царьград и Москва стала третьим Римом, охрана православия стала для московского государя еще более обязательной; московское духовенство не уставало внушать Ивану III, чтобы он «правил и окормлял Христову церковь и утверждал православную церковь». Восточные духовные лица, приходившие в Москву, называли Василия III «святым царем», а Ивана Грозного—«солнцем христианским, сияющим на востоке и севере и озаряющим всю подсолнечную,—утверждением седми соборных столпов, украшением церковным,—хоругвью христианской», и внушая ему все это, припадали «к святым его стопам». Митрополит Макарий в своих посланиях поучал Ивана IV, что царю «подобает подвизаться за благочестие, за порученную ему от бога паству, да не расхитят безбожные волки порученных ему овец... Подвизаться за свою святую веру христианскую греческого закона». Во время самой коронации царя Ивана митрополит поучал его бороться с ересями.

Ставя царской власти преимущественно церковные за-

дачи и рассчитывая пользоваться этой властью, как своим орудием, иосифляне всеми мерами усиливали эту власть. «Царь убо естеством подобен есть всем человекам, властию же подобен вышнему богу», говорил Иосиф Санин. Из Ефрема Сирина брали текст, в котором цари называются прямо богами. От бога царь получил всю полноту власти: «милость и живот положи у вас и меч вышняя десница вручила вам». Царю бог дал «и церковное, и монастырское, и всего православного христиантства власть и попечение». «Царский суд святительским судом не нарушается ни от кого». Так создавалась иосифлянами теория неограниченной царской власти, власти божией милостью, которой подчинена и сама церковная власть. Иосифляне не спорили, если государь вмешивался в назначения епископов, и вручал митрополиту митрополичий жезл и посужал суд святительский; важно было одно, чтобы царь действовал при этом в интересах церкви, чтобы он оставался ее орудием. Такого царя надо было слушаться и ему покоряться, как самому богу; еще Алексей митрополит говорил: «да будет из вас всяк скор на послушание, а медлен на глаголание». Если самый термин «самодержавие» понимали тогда, как независимость сверху от чужого ига, то московские иосифляне, несомненно, придавали этому самодержавию все черты власти, и снизу ничем неограниченной. Внешние атрибуты этой неограниченной царской власти были взяты из Византии. Духовенство иосифлянское, всего ближе знакомое с византийскими образцами, было при этом главным передатчиком; византийская политическая теория разрабатывалась под пером московских иосифлян; Софья Палеолог со своими традициями попала в самое русло этого движения. Трон, герб, обряд коронования, самый царский титул—все было

взято у греков. Если Василий II после флорентийской унии, признанной в Царьграде, отказался называть византийского императора царем русским, говоря: «мы имеем церковь, а царя не имеем и иметь не хотим», то теперь звание русского царя с удовольствием взяли себе сами московские государи, и духовные писатели утверждали, что «христианам невозможно иметь церковь, но не иметь царя». Самому апостолу Андрею приписывали теперь, что он «жезлом своим прообразил в Руси самодержавное царское скифетро-правление», и ставили Калиту прямо после «Рюрика, короля римского»; самую Греческую империю называли теперь «вотчиной» московских государей. Византийский царь, от которого все это передавалось по наследству в Москву, в свое время был персона довольно значительная. Во дворце царьградском трон царя стоял рядом с троном бога; бог, конечно, никогда не садился на свой трон, но ведь мог бы и сесть, и тогда бог и царь сидели бы рядом. В Москве это несколько изменили, божия трона рядом с царским не ставили, да это и не требовалось, так как церковь, обращаясь к царям, говорила: «вы сами боги, и сыновья вышнего».

Но все эти рассуждения имеют силу лишь постольку, поскольку царь остается послушным орудием в руках церкви. «Несть власть, аще не от бога», твердит духовенство, и даже хан Золотой Орды оказывается царем божией милостью, но нет такой власти, которая не была бы ответственной перед богом. Еще князьям русским церковь грозила, что они «во пса место в ад сведены будут»; и цитируя святых отцов, производила князьям жестокую критику: «Не добр позор лисица в курех и нелепо льву в овцех паствити; един волк всю чреду смутит; один тать на всю сторону мерзит; царю

неправедну все слуги под ним беззаконны суть». Когда при Иване III в Москве торжествовали бояре, нестяжатели и еретики, и государь московский казался орудием в их руках, Геннадий с Иосифом не могли опираться на светскую власть; Геннадий старался сплотить архиереев для общего дела защиты православия и для борьбы с секуляризацией, и Иосиф убеждал епископов «отбросить всякое малодушие и пострадать за благочестие». Светская власть действовала таким образом, что Иосиф говорил, что такой царь «не божий слуга, а дьявольский, не царь, а мучитель», и настаивал на праве сопротивления: «И ты убо таковаго царя или князя да не послушаешь, на нечестие и лукавство приводящего тебя, аще мучит, аще смертию претит». Эти оговорки показывают лучше всего истинный смысл политической теории духовенства.

Сообразно с этим от государя церковь требовала послушания себе, как от остальных подданных—послушания государю. Еще Александра Невского хвалили за то, что он был «иереелюбец и мнихолюбец, митрополита и епископа чтил и слушался, как самого Христа», а о Михаиле Тверском рассказывали, что он священников, как слуг божиих, называл князьями и считал «честнее себя». Иосифляне целиком усвоили и дальше развили эту теорию. Вассиан Рыло говорил Ивану III: «Наше дело, государь великий, вам напоминать, а ваше дело—нас послушать». И когда Иван III не послушал Вассиана и не дал битвы Ахмату на берегах Угры, Вассиан не постеснялся назвать великого князя «бегуном»,—точь в точь, как позднее Курбский называл Грозного. Геннадий, новгородский архиепископ, внушал одному из удельных князей: «Нас поставил Христос пастырями и учителями», с правом самим государям «молити и запретити».

Иосиф Санин говорил Василию III, что ему, Иосифу, лепо напоминания делать «царскому остроумию и богопреданной мудрости», и что «таким молениям и наказаниям святых отцов благочестивые цари повиновались и еретиков и отступников проклинать повелевали». «Подобает покоряться властям, лишь божие повеление творящим», «по закону божию начальствующим», повторял в то же время волоцкой игумен.

Иосифляне всеми способами добивались от царя послушания, грозя ему судом божиим, и муками адскими, и «пущая» в него, по выражению Курбского, другие подобные «ужасновения». Иосифляне и царю советовали править подданными при помощи «ужасновений». Система управления, созданная иосифлянами, была система террора. Инок Зиновий доказывал, что без царя и без начальства нельзя обойтись христианам; у бесцарных людей только несогласие и мятеж бывают. Другие говорили, что люди, только «страх видевши, казни и бога убоятся». Митрополит Даниил учил, что власти устроены богом,—«в отмщение злодеям, в похвалу же благотворящим»,—да, боясь земных начальств, не поглощают друг друга, яко рыбы». «Страх причина нам бывает ко благому житию», говорил Даниил, и потому страхом «много благодействуют нам владущие». И другие духовные власти находили, что царь должен быть своему народу «страшен».

Флетчер в своей книге о государстве русском дополняет эту программу духовенства еще одною чертой. Духовные власти, по его словам, «будучи сами невеждами во всем, стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, опасаясь, как бы не обнаружилось их собственное невежество. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании

может произвести переворот в государстве, и, следовательно, должен быть опасным для их власти».

Так, черта за чертой, слагалась московская политическая теория. Эта теория вышла из-под пера иосифлянского духовенства; ее усвоили и другие классы, создавшие царскую власть,—дворянство и посадские люди. Те и другие брались осуществлять теорию и на практике. Когда царь уехал в слободу и объявил свою опалу изменникам, московские посадские люди вызывались сами истреблять царских лиходеев; дворяне-опричники их действительно истребляли. Под «клятвами страшными» опричники отрекались от семьи, от отца и от матери, и присягали «во всем царю угождать, и скверное его и кровоядное повеление исполнять», как выражался Курбский, и грызть и выметать из страны крамолу.

Но приняв иосифлянскую теорию самодержавной власти и террористического режима, дворянство рассчитывало повернуть эту власть и использовать этот режим в своих интересах. Это видно из практической деятельности опричников и из писаний публициста дворянской партии, Ивашки Пересветова. Он ставит царской власти еще новый ряд задач. Царь должен служилых людей к себе допускать, челобитные их принимать, жалобы позлащать и сердца утешать. Все, что вредно для дворянского войска, следует уничтожить; такой отмене подлежит местничество—привилегия бояр, «ослабляющая» царево воинство. Царь должен обеспечить содержание служилых людей, положить им из казны жалованье. Ценою таких уступок царь получит в свои руки поддержку всего дворянства, и тогда ему можно будет осуществить полностью программу самодержавия, «быть грозным и самоупрямливым и мудрым без воспрашивания», и «боярами своими тешиться, как младенцами». Бояре коман-

довали приказами, из бояр выходили кормленщики, и в «потехе» над ними всегда готовы были участвовать и посадские, и уездные люди.

XV.

Московские государи усвоили себе всю иосифлянскую теорию, с некоторыми только оговорками. Наиболее ярким представителем этих идей на престоле был царь Грозный; он и дал им официальное выражение.

Царь Грозный целиком сохранил от удельных времен свое понятие о государстве, как о своей вотчине, и о подданных, как о своих холопах. Было бы ненужным повторением еще раз на этом настаивать. С этим должны были сообразоваться и подданные в своих обращениях к верховной власти. В челобитных, сохранившихся от того времени, челобитчики называют себя не иначе, как уменьшительными именами: Ивашка, Васюк, Олексейка, Федька, Степанка, Ромашка, да Филька, да Фомка; подписываются все царскими холопами, даже бояре княжеского звания. Князь Стригин пишет «холоп твой Олешка Стригин». Даже сам царь Иван Васильевич, бия челом великому князю всея Руси Семену Бекбулатовичу и разыгрывая перед ним холопа-подданного, называл себя уменьшительным: князь Иванец челом бьет.

Но на-ряду с этим старым представлением о власти появляется и нечто новое; у московского государя есть уже и не хозяйственные только задачи. Сам Грозный в ответе Курбскому заявляет, что он «тщится с усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного бога, в троице славимого, и от бога данного им государя; а от междоусобных браней и строптивого жития да престанут, ими же царства растлевают-

ся... Аще убо царю не повинуются подвластные, никогда же от междоусобных браней престанут. Се убо злоба обычна: сама себе хапати».

Все это взято у иосифлян. Оттуда же взял Грозный учение о неограниченности своей власти, об ответственности ее только перед богом и неответственности перед людьми. «Кто поставил судию и властеля над нами?» спрашивает Грозный. «Никто не может царям указ чинить... Я верую, что о всех согрешениях вольных и невольных суд приму, как раб, и не только о своих грехах, но и о грехах подвластных мне дам ответ, если моим несмотрением погрешат». Но на земле давать ответ некому; «русские владетели доселе с подвластными своими не судились ни перед кем и вольны были их жаловать и казнить». Долг подданных—беспрекословно повиноваться царю; Грозный цитирует апостола Павла: «Всякая душа властям предержащим да повинуется, несть бо власть аще не от бога», и—«рабы, господам своим повинуйтеся». Все божественные писания, по словам царя, требуют, чтобы дети отцам и рабы господам не противоречили ни в чем, кроме разве веры. «Укорять» царя не полагается. «Российские самодержцы изначала сами владеют своими царствами;» государь не может назваться самодержцем, если «не сам строит». Царь должен все один строить: как бы ни были начальники «крепки, храбры и разумны», многоначалие «женскому безумию подобно». А в какую гибель пришли царства, в которых цари епархов и синклитов слушались! Только недостигшим совершеннолетия младенцам прилично слушаться чужих советов и не самим строить; но он, Грозный, уже не младенец, и «под повелителями и приставниками быть ему не пригоже». Вспоминая времена Адашева и попа Сильвестра, царь Иван находит, что не боярам и не попам

владеть царством. Царь должен и царствовать и управлять сам, должен быть государем не на словах только, а и на деле, иметь не один почет царский, но и власть царскую и среди вельмож быть не председателем только. Не подобает «рабам лукавым, злодеям и изменникам царем повелевать, ига своего рабского отметаться, и поучать, и обличать, и учительский сан на себя брать; не подобает и священникам «царское творить»—это смеху достойно,—царю попа слушаться!» Любопытно следить как в уме Грозного сплетаются в одно целое возражения иноков против боярского совета и возражения бояр против влияния иноков. По мнению Грозного, самодержавная власть царя настолько сама собой держится, что людского совета царю совсем не нужно ни от бояр, ни от иноков; на что было бы похоже, если бы царь владел множеством народа, а разума требовал себе от своих подданных? Потому царь совсем «от человек учения не требует».

Грозный всецело усвоил себе и все аргументы иосифлян в защиту террора. В переписке с Курбским царь защищает свое право казнить изменников, понимая под изменниками и тех, кто его только «укоряет». «Доброхотных своих жалуем великим всяким жалованием; которые окажутся в супротивных, то по своей вине и казнь приемлют. Изменникам везде казнь и опала бывает». Царь вообще должен наводить страх. Царю подобает быть когда кротчайшим, а когда ярым; «ко благим милость, ко злым же—ярость и мучение; если же этого не имеет, несть царь». Цитируя апостола, царь пишет: «Видишь ли, и апостол повелевает страхом спасать». Террор, по учению Грозного, специальная принадлежность самодержавного режима: «царское правление,—говорит он,—«требует страха и запрещения, и обуздания,

и конечнейшего запрещения, по безумию злейших человек лукавых».

Себя самого Иван Грозный ставит очень высоко в ряду других государей. Он не такой государь, как другие. Он государь наследственный, а не избранный и самодержавный, а не ограниченный. «Народился есми, божиим изволением, на царстве», говорит он о себе. А «который государь крепче, вотчинный или посаженный, сами рассудите». Грозный—государь «божиим изволением, а не многомятежного народа хотением»; польский же король—«посаженный государь, а не вотчинный, и как его захотели паны его, так ему в жалованье и дали». Потому Курбский и бежал не к кому другому, а к королю польскому, что он «искал себе государя по своему злобесному хотению, государя без власти, худейшего из рабов худейших, никем не повелевающего, но повелеваемого всеми». Вообще в других государствах государи «царствами своими не владеют, но как им повелят рабы их, так и владеют». Сравнивая свою власть с их властью, московский государь говорит: «Наших великих государей вольное царское самодержавство не как ваше убогое королевство, великим государям не указывает никто, а тебе твои панове как хотят, так и укажут». Сыну шведского короля о его отце царь Иван говорил: «А отец твой у них (у шведов) в головах, как бы староста в волости». Ядовитые насмешки вызывали у Грозного государи с ограниченной властью, хотя бы и не выборные, а наследственные. Елизавете английской он писал: «Мы думали, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь, а у тебя люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, а ты пребываешь в своем девическом чине, как есть пошлая девица». Потому и в отношениях с другими государями мо-

сковский государь считался породой и честью и местничался с ними, как местничались между собой бояре. При Василии III в Москве явился посол от индийского Бабур-паши; что это был за паша, никто не знал, и потому индийскому паше о братстве писать не приказали, так как неведомо, самодержавный он государь или ограниченный, «государь ли он, или простой урядник?» Иван IV считал для себя возможным называть братьями только султана турецкого, кесаря римского, короля польского, да крымского хана. О шведском короле царь Иван с ужасом рассказывал, что он рода мужичьего, страдник, раньше животиною торговал; шведский король возражал, что король польский зовет его братом, а царь Иван велел отвечать на это: «что брат наш не бережет своей чести, пишется шведскому королю равным, то это его дело, хотя бы водовозу своему назвался братом». Да и польского короля, с тех пор, как королем стал Баторий, Грозный не хотел, «ради его родства низости», звать братом, а называл просто «суседом». Не таков породой был московский царь. Самодержавства своего начало он считал от святого Владимира, а род свой вел от Пруса, брата Августа, кесаря римского; недаром восточные иноки уже супругу Василия III называли по-новому, Августиею. В конечном счете оказывалось, что «божиим милосердием ни которое государство нам высоко не бывало, а самому московскому государю мог быть ровней только султан турецкий: «кроме нас да турецкого султана,—говорил Грозный,— ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал через 200 лет»; а московский род царствовал еще втрое дольше, шесть столетий под ряд.

Но приходилось московскому государю иной раз поступаться своей честью и бывать «без мест». Когда в

Польше были выборы, Иван IV очень хлопотал, чтобы выбрали его или его сына; а литовцам он прямо давал обещание, что «прав и вольностей их переставлять и убавлять ни в чем не будет, и как прежде у них велось по старым обычаям, так и он вести будет, и крестным целованием по договору затвердит». Так, для польско-литовской короны царь Иван не брезговал властью выборной и даже ограниченной. Этого мало. В своей собственной московской вотчине он нашел людей, которые «ига своего рабского отметались» и хотели царством владеть; царь в конце концов победил и «боярами своими тешился, как младенцами»; но в этой борьбе он облысел, у него сделалась, как он жаловался Курбскому, боль в пояснице. У царя развилась даже настоящая мания преследования, и в завещании, составленном за 12 лет до смерти, он учил детей своих, как «людей держать и жаловать и от них беречься», и о себе говорил, что бояре его «выгнали и заставили скитаться по странам»; он подыскивал себе на всякий случай убежище за границей и вел об этом тайные переговоры с Англией, с той самой страной, где царствует «пошлая девица Елизавета» и царством «торговые мужики владеют». Грозный не надеялся, что его детям удастся сохранить московский престол, и просил их в своей духовной молиться за него, «если даже они в гонении и изгнании будут». Так дорого обошлось самому царю его исконное самодержавие.

Мы проследили происхождение русского абсолютизма в Московском государстве XV и XVI веков. В результате долгой и сложной классовой и политической борьбы, уже в тогдашней Москве созрел тот порядок, отдельные элементы которого были позднее объединены в триединой формуле—«самодержавие, православие, на-

родность». (Народность в смысле национального учреждения—крепостного права.) Все это уже тогда не только в жизни, но и в теории соединялось с террором; террором против «крамолы», террором против ересей, террором в защиту собственности; царь должен быть страшен, должен страхом народ спасать, чтобы подданные не поглотали друг друга, как рыбы, по обычной злобе сами себя не схапали; так говорили в Москве, и иначе не представляли себе правительства, как в виде настоящей боевой террористической организации. Основанное на страхе, на ужасновениях, самодержавие московских государей не было мягким самодержавием. Монтескье назвал бы Московское государство не монархией, но деспотией. Московский эмигрант XVII века, Котошихин, писал о царе Иване, что он «правил государство свое в ярости и в злобе сильной, тиранским обычаем... Когда ему не случалось быть с окрестными государстами в разрыве, и в войне, тогда брал в плен подданных своих, единоверных христиан, и многие мучительства над князьями и боярами своими показал; понеже и сына своего смирил на тот свет, пробивши его колом своим». И сам благонамеренный Карамзин называл Грозного царя тираном. Тираническим и похожим на турецкое называл московское правление при царе Федоре, бывший в Москве англичанин Флетчер; наблюдая московскую жизнь, он прямо предсказывал «всеобщее восстание», которым неминуемо должно кончиться дело: «так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть—низкая политика и варварские поступки» царя Ивана. И в этом «всеобщем восстании» и «перевороте», которые неминуемо произойдут, как только пресечется царствующая династия, дело не обойдется без вмешательства соседей; по-

ложение народа так безнадежно, что это его заставит мечтать о «вторжении какой-нибудь внешней державы, которое (по мнению его) одно только может его избавить от тяжкого ига такого тиранского правления». Флетчер начертил в этих строках историю смуты.

XVI.

В смутное время, когда пресеклась династия московсковских государей, и престол сделался выморочным имуществом, московское население само выступило на место исчезнувшего хозяина, и стало по-своему распоряжаться судьбами бывшей царской вотчины. Не все классы имели в этом деле одинакий успех. Боярам не удались ни царь Борис, ни царь Дмитрий, а «боярский» царь Шуйский не был даже выбран боярами, а московскими «купцами, сапожниками и пирожниками». Не имели успеха и низшие классы, крестьяне, холопы, мелкие посадские люди и донские казаки, которые клином врезались здесь в московскую историю. Социальная революция, поднятая ими и грозившая собственности имущих классов, была неудачна. Она была сильна, пока враги действовали врозь, и терпела крушение, как только они объединялись; так было и с Болотниковым и с Тушинским вором. Правительство Шуйского тоже оказалось без чужой помощи слишком слабым, и, не сумев справиться с революцией, призвало на помощь шведов; оно и пало жертвой своего бессилия. Когда москвичи всех чинов сводили с престола Шуйского, они ему говорили, что он на царстве несчастен, что его воеводы, как выйдут в поле, теряют битвы, и из-за него кровь христианская напрасно льется.

Борьба с революцией из рук царя Шуйского перешла в

другие руки. Вперед выступили дворянство, духовенство, высший слой посадского класса. По договору с Владиславом, все права и богатства церкви объявлялись, как и права и богатства всех других чинов, неприкосновенными; в договоре было также сказано: «к церквам и монастырям всякого надания прибавливать»; обеспечивалась охрана православия, особенно важная при царе польского происхождения; патриарх должен был венчать царя на царство. Известна роль церкви, Троицкой Лавры и Гермогена, в дальнейшей борьбе с тушинцами и с поляками. Не меньше духовных отцов действовали посадские «лучшие» люди. Во время отъезда Грозного царя в слободу, москвичи сами предлагали истреблять царских врагов, но с тех пор они пережили опричнину, и сажая на трон боярина Шуйского, связали его крестоцеловальной записью. Они заставили его целовать крест, что он никого не будет предавать смерти, не осудив со своими боярами, не будет с осужденными вместе губить их невинную родню «вседродно» и отбирать у этой родни вотчины и дворы, животы и лавки, не будет доносам давать веры, не сыскав «всякими сысками накрепко» и не ставив «с очей на очи». Московские посадские люди повторяли здесь старые боярские требования суда и правды, на которых настаивал еще Курбский; боярская программа становилась посадской программой. Но гарантии суда и правды пали вместе с царем Шуйским, а потом открылась совсем иная борьба—уже не против царя, а против поднявшихся низших классов. В этой борьбе громадную роль сыграло посадское население севера; посадский царь Шуйский поднимал их усиленно на тушинцев, желая сплотить против общего врага всю русскую буржуазию; и города поднялись. Горожане сходились на думы,

города пересылались грамотами, выбирали своих представителей для совещания и руководства, снаряжали и посылали полки. Так действовали против тушинцев, отбиравших богатства и земли, потом против поляков, отбиравших земли и богатства. Усмирители революции низших классов преображались тотчас же в патриотов, и Минин с Пожарским спасали святую Русь.

Но впереди всех, и в патриотизме, и в усмирении шло дворянство. Оно не задумывалось, когда это казалось выгодным, соединяться с «ворами» Болотникова, которых потом и предало и само усмиряло; не задумалось, при всем своем патриотизме, сулить русский престол полякам. Дворянство осталось настоящим хозяином положения, сменив в этой роли прежнего вотчинного хозяина. Насколько неуклонно боролось дворянство за свои интересы, настолько же разнообразны были в эпоху смуты способы борьбы. Дворянские интересы должны были защищать равно самодержцы Борис и Дмитрий, «самодержавие выше человеческих обычаев устроя», и ограниченный в своей власти королевич Владислав, который не мог казнить смертию и налагать новые налоги без боярской думы, и законодательствовать без земского собора,—и дворянский земский собор в первом ополчении, взявший верховные права себе, а исполнительную власть поручивший выборным и сменяемым воеводам—Трубецкому, Ляпунову, Заруцкому, а во втором ополчении—Минину и Пожарскому. Царь без земского собора, царь с земским собором и земский собор без царя—все три политических порядка были испробованы дворянством и испробованы с успехом. Самодержцы, Борис и Дмитрий, раздавали дворянам земли и закрепляли под ними крестьян. Когда при Борисе был голод, землевладельцы подняли цены

на хлеб, а холопов своих, не желая кормить в голодный год, выгнали на улицу, не дав отпускных грамот, чтобы вновь вернуть их к себе после голода. Царской казне приходилось кормить сотни тысяч голодных, и казна делала усилия, чтобы отбросить прочь лишние рты; и Борис, и Дмитрий пытались остановить изгнание холопов, выдавая выгнанным отпускные грамоты из холопьего приказа. Для дворян это было неудобно, и в договоре с Владиславом было сказано, что Владислав не только запретит переход крестьянам, но и не будет давать вольности холопам. А по соборному приговору первого ополчения, в котором были и казаки, несмотря на это было решено казаков,—беглых крестьян и холопов,—возвратить неукоснительно к прежним их господам, в прежнюю зависимость и неволю.

По окончании смуты за новое строение государства принялись те же люди, которые спасали отечество, усмиряли революцию, водворяли порядок. Они были теперь одни хозяевами положения. Им не за чем было считаться с интересами государя-вотчинника, их новый царь был не вотчинный, а избранный, и избранный в интересах земли собором. Не надо было обращать внимания и на боярские интересы,—боярство давно потеряло силу. Но и интересы низших классов, крестьян, мелких посадских людей, холопов, можно было не брать в расчет,—их дело было проиграно во время смуты.

Строителями нового Московского государства были дворянство, духовенство, посадские «лучшие» люди. Постройка велась по старому плану. В фундамент опять были заложены низшие классы. Посадские меньшие людишки жаловались, что торговля их от податей оскудела, что лучшие люди перекладывают на них, меньших, податное бремя, «пишут их в службе без череды, по вся

годы, без престани», отчего они и «обнищали до конца»; были посады, в которых не оставалось совсем жителей; в Алексине был всего один, да и тот умер. И крестьяне жаловались, что «оскудели ныне и обнищали от великих пожаров, и от пятинных денег, и от даточных людей, и от подвод, что мы сироты твои, давали тебе государю в смоленскую службу... и от твоих государевых великих податей. И от тое великие бедности многие тяглые людишки из сотен и из слобод разбрелись розно и дворишки свои мечут». Такие жалобы слышались на соборах; и на соборе же 1649 г. окончательно введено крепостное право и Уложением окончательно прикреплены все крестьяне, по закону, общему для всей страны, и при том наследственно—«с племенем вместе». Затем началась и торговля крестьянами без земли, а в распоряжении помещика оказались тюрьма и кандалы, колодки, кнут и батоги. Крестьяне все больше опускались на «дно», к холопам. Опустилось со своих верхов и стало в ровень с дворянами и боярство, потерявшее при Федоре право местничаться; боярские честь и порода были отныне пустые слова, всем было велено быть «без места», все места стали царскими. И судьба хотела, чтобы представитель падавшего вниз боярства первый выступил на защиту падавших вниз крестьян: князь Василий Васильевич Голицын говорил при Софье о крестьянской свободе, об освобождении крестьян с землей.

Новая монархия была больше всего дворянская, хотя сам родоначальник новой династии и был выдвинут не дворянством и навязан собору тушинцами, казаками, как это видно из новых документов. Дворянство принялось за работу рука об руку с «избранником земского собора» царем Михаилом. Ограничительные и республиканские идеи дворян, обнаружившиеся во время смуты, ока-

зались мимолетной накипью и исчезли с окончанием смуты. Выбрав нового царя, формально его, повидимому, не ограничили (об ограничении царя Михаила говорят глухо лишь некоторые источники); не стали ограничивать и следующих царей. Но и без формальных ограничений царь Михаил правил в согласии с земскими соборами, которые при нем созывались 12 раз, а первые 9 лет заседали почти непрерывно; и царь Алексей 4 раза созывал соборы. И чем дальше шло время, тем сильнее выступало вперед дворянство, и тушинский ставленник тем быстрее превращался в дворянского государя. Дворянство так было уверено в своей силе, что, когда одному из выборных на одном соборе не удалось провести все желания его избирателей—курских дворян, он мог опасаться с их стороны серьезного себе преследования, и просил у царя охранной грамоты, чтобы царь взял на себя его защиту. И как законодательным памятником эпохи Грозного был царский судебник, так плодом эпохи соборов явилось соборное уложение. Рядом с дворянством цвело и возвышалось духовенство. Патриархи Филарет и Никон были вторыми великими государями. Филарет устраивал и земские, и ратные дела, и был так «властителен», что сам царь его боялся. Никон обязал клятвой всех, и самого царя, чтобы его, Никона, во всем слушались, «яко начальника, пастыря и отца крайнейшего». Значение патриархов возвышалось еще тем, что Филарет был отец государя, а Никон—«собинный друг» царя.

Согласие, бывшее сначала между строителями, скоро нарушилось, и равновесие не сохранилось. Дворянство, господствуя в центре, на земском соборе, распространяло свое влияние и на области; губные учреждения оно целиком захватило в свои руки, устранив от выборов

посадских, и посадские люди жаловались, не хотели признавать губных старост, в которых «выбору их не было», и кричали, что от них посадским людям «убытки и погибель в конец». У посадских с дворянами борьба велась на местах, в областях; в центре кипела борьба у духовенста с дворянством.

В Соборном уложении 1649 г. дворянство задумало нанести церкви сильный удар. Оно било челом на соборе об отобрании церковных земель и о раздаче их служилым дворянам; это была бы полная секуляризация. Правительство не решилось на такую меру, и только подтвердило старое запрещение духовенству приобретать новые вотчины. Зато духовенству был нанесен другой удар: оно было отныне подчинено не церковному суду, а светскому, суду монастырского приказа. Это вызвало целую бурю; Никон называл Уложение «проклятою» книгою, полною всяких «беззаконий», и сумел добиться от тишайшего царя прекращения земских соборов, оказавшихся столь опасными для церковных привилегий. Разъединение общественных сил, строивших государство, развязало руки новому правительству, и оно поспешило этим воспользоваться. Дворянство с посадом лишились своего политического органа—земского собора, и тщетно потом посадские люди напоминали царю о возможности, о желательности, о необходимости «созвать на Москве изо всех чинов и из городов лучших людей». Но и церковь от этого мало выиграла. Монастырский приказ уцелел, из столкновений патриарха с царем победителем вышел царь, и крайнейший отец, признававший царскую помощь для себя «негодной и ненадобной», и желавший, по собственному его выражению, на царский совет «плевать и сморкать», потерял власть, а через полвека после земского

собора, упразднен был и патриарший сан. Последнюю победу собиралась церковь одержать над расколом, но раскол, несмотря на гонения, уцелел.

Работая долго рука об руку с царем, общество, главным образом, посад и дворянство, помогали ему восстановлять его царское самодержавие, вводить вновь и усиливать приказную администрацию, усиливать и улучшать войска, наполнять казну. Царскому правительству приготовлена была прочная опора. Скоро сказались плоды всего этого общего строительства. Земские соборы и патриарх выковали вновь самодержавие, и потом были им отброшены прочь за ненадобностью; крепостное право и приказные порядки расцвели пышным цветом. Таково было государство, выстроенное вновь самим населением, в его собственных интересах, в интересах «общего блага». Каковы были эти порядки и в какой мере служили они общему благу, легко видеть из следующего ряда фактов. В 1619 году, через 6 лет по окончании смуты, царю Михаилу пришлось уже учреждать новый приказ для приема жалоб на администрацию,—«приказ, что на сильных людей челом бьют». В 1642 г. на земском соборе царю жаловались, что «дьяки и подъячие, обогатев богатством неправедным от своего мздоимства, накупили многие вотчины и палаты себе выстроили каменные, такие, что неудобьсказаемые». Московские же люди «разорены пуще татар и басурман московскою волокитой по разным приказам». Главный судья земского приказа при Алексее, тишайшем царе, «без меры драл и скоблил кожу с простого народа», как выражается Олеарий; «подарками не насыщался, но, когда тяжущиеся приходили к нему в приказ, то он высасывал у них мозг из костей до того, что обе стороны делались нищими». Когда летом 1648 г. московский народ, выведен-

ный из терпения, дождался на улице проезда государя и подал-таки ему жалобу, вельможи, как только государь проехал, «начали бранить народ, били некоторых из среды его кнутьями по головам, а иных даже сшибли с ног на землю». Народ отвечал градом камней; вельможи спаслись бегством во дворец; судью земского приказа и других ненавистных людей пришлось выдать народу, а воспитателя своего, боярина Морозова, головы которого тоже требовал народ, царь спас только тем, что при всем народе публично расплакался. Так на произвол и злоупотребления администрации народ, преимущественно посадские люди, отвечал мятежами и волнениями. Волновались и другие посады; царю была от челобитных «докука великая», и одним словом, как говорили тогда на Москве, «весь мир качался». Земские соборы тогда еще не были упразднены, и для успокоения умов был созван земский собор; тот самый, который своим Уложением закрепостил крестьян и освятил систему приказов.

Котошихин, русский эмигрант времен Алексея Михайловича, рассказывает о московском мятеже 1662 г. изза медных денег. Много мелких воров, фальшивых монетчиков было казнено, а «которые воры были люди богатые» и они от своих бед откупались, давали посулы большие боярину Милославскому и думному дворянину Матюшкину. На Милославского царь был только гневен, Матюшкина только отставил от приказа, «а казни им не учинил никакой». С этого и начался мятеж: московский народ требовал казни главных виновников, по всей Москве были расклеены прокламации, и в Коломенское, где тогда находился царь, пошли из Москвы «многие люди, без ружья, с криком и шумом». Царица с царевичем во дворце попрятались, а царь мо-

сковских людей принял и уговаривал их «тихим обычаем», чтобы они возвратились в Москву, а он, царь, дослушав обедню, тотчас будет к Москве, и в том деле «учинит сыск и указ». И те люди «говорили царю и держали его за платье, за пуговицы: чему де верить? и царь обещался им богом и дал им на своем слове руку, и один человек из тех людей с царем бил по рукам, и пошли к Москве». На первый раз царь не велел им «чинить ничего», но, когда они, не дождавшись в Москве царя (расстояние было семь верст), пришли во второй раз и говорили царю «сердито и невежливо, с угрозами», царь дал приказ стрельцам и дворянам, чтобы «всех тех людей били и рубили до смерти и живых ловили». Погибло при этом свыше 7.000 человек, из них, по замечанию Котошихина, только 200 виновных, а прочие все были «правые», пришедшие только зрителями, посмотреть, что будет, из любопытства. Такая же экзекуция произведена была и в Москве, когда царь, наконец, приехал для «сыска и указа»; москвичей вешали прямо у их ворот. При этом разыскивали иноземных, особенно польских интриг и провокаций; но как не старались, ничего не нашли: «не сыскано в том деле ни единого человека, кроме русских».

В 1670 г. поднялся грандиозный бунт Стеньки Разина. Люди московские, бежавшие на Дон и на нижнюю Волгу от московского казенного гнета, приказной администрации, крепостного права и холопства, когда им заперли выход в море, опрокинулись назад внутрь Московского государства со всей своей злобой и ненавистью против московских порядков; бунт запылал по всему Поволжью, разлился по Оке, перекинулся к северу до Белого моря—до Соловков. Астрахань, Царицын, Саратов были обращены в казачьи республики.

Крестьяне, холопы, посадские везде приставали к несшим им волю и облегчение казакам; в усадьбах резали господ, в городах—воевод и приказных. Разин своих врагов прямо жег в печи, как дрова. Дворянству опять пришлось выступить в привычной ему роли усмирителя революции. Бунт Разина был подавлен военной силой, подавлен с страшной жестокостью; дворянское правительство тишайшего царя Алексея, производя усмирение, жгло села и деревни, умерщвляло жителей без разбора, обращало их в рабство. Кроме казненных потом по суду, погибло без суда до ста тысяч. Пленников казнили без суда; воевода князь Барятинский повесил и четвертовал 600 пленных, также поступили со своими пленниками Щербатов и Леонтьев. Князь Долгорукий повесил попа и сжег ведьму. Патриарх, с своей стороны, торжественно предал Стеньку анафеме.

Крижанич, южный славянин, гостивший в Москве при тишайшем царе, а потом сосланный из Москвы в Тобольск, называл московские порядки «людодерством». Он предлагал желающим «спросить всех королей на свете, как они понимают свои обязанности»: «Много,—говорил он,— найдешь таких, которые не смогут объяснить отчетливо, зачем бог создал на свет королей, и зачем дал им власть над народом. Мнят короли, что не они созданы ради королевства и народов, а королевства ради них. Мнят короли, что их дело только господствовать, повелевать и пользоваться удовольствиями, а не промышлять день и ночь о народном благе». Сам Крижанич был сторонником самодержавия, только мягкого и направленного к народному благу.

XVII.

Посадский класс, игравший уже такую роль в Московии царя Ивана, царя Шуйского и в ополчении Минина и Пожарского, рука об руку с дворянством победивший смуту и ликвидировавший ее последствия, скоро, однако, был заслонен дворянским классом, голос его, раздававшийся легально на земских соборах и нелегально—в московских метежах, звучал все слабее и слабее. Московия становилась по преимуществу страною дворянской. Только к концу XVII века, когда страна оправилась от хозяйственной разрухи, вызванной смутой, оправился и торговый капитал, и снова выдвинулся вперед. Впервые в русской истории зарождалось крупное хозяйство; гости ворочали большими капиталами, своими и царскими. Западная Европа усиленно рядилась в русские меха и персидские шелка, и кушала с аппетитом икру и рыбу из русских рек, заполняя в обмен московские рынки иголками и гвоздями. Строились и в России свои заводы, хотя бы и с помощью иноземцев,—железные, суконные, полотняные, свои бумажные мельницы и канатные фабрики, делались уже первые, до-петровские попытки заводить свои корабли, а московский боярин Ордин-Нащокин писал уже свой Новоторговый устав и вводил Московию в русло западного меркантилизма. Все это было уже до Петра. При Петре русская буржуазия была уже такой силой, что могла спорить с господствующим сословием дворянства, и даже побеждать его в отдельных битвах. Так, реформы Петра начинаются освобождением посадов от власти дворянской администрации воевод,—созданием выборных посадских учреждений, с ратушей и бурмистрами,—а заканчиваются 20 лет спустя систе-

мой городовых магистратов. Вся внешняя политика Петра руководится и направляется интересами торгового капитала, начиная с азовских его походов, продолжая громадной Северной войной и кончая персидским походом, и пушкинская «Полтава» воспевает таким образом победы не одного Петра, но всех тех Кукишевых и Полусвиньиных, которых мы видели в рядах московской буржуазии. От внешней политики между тем зависели все реформы Преобразователя, как называли Петра историки: регулярная армия и флот, подушная подать и орленая бумага, губернии и коллегии, сенат и синод. Эти реформы стремились перестроить все неуклюжее здание старой московской администрации, с его бесчисленными пристройками, по стройному образцу большого торгового дома, где каждый рубль на счету и учитывается каждая копейка; не даром иноземцы говорили, что московский (и петербургский) царский двор больше всего похож на купеческий, и сам царь—первый купец в своей стране.

В то же время Россия покрывалась и русскими фабриками и заводами, и эти фабрики и заводы были купеческие фабрики и заводы, работавшие торговым капиталом, фабрики Сериковых, Твердиковых, Затрапезных. А тогдашний железный король русского Урала, Никита Демидов, не был еще тогда Демидовым Сан-Донато, не блистал княжеским титулом, он только что вылупился из мужицкого зипуна. Русские и заморские советчики внушали Петру идеи меркантилизма, и те же идеи проводил в своей книге первый русский экономист Посошков, автор книги «О скудости и богатстве», заставлявший от имени российской буржуазии, что отныне не один уже дворянин на сцене, и купец уже «воину товарищ». Тот хозяйственный подъ-

ем, который видим в эпоху Петра,—подъем, связанный с ростом торгового капитала, вызывал оживление и во всей культурной жизни страны; не даром время Петра сравнивали с эпохой итальянского Ренессанса: городская культура Запада стучалась в те окна и двери, какие прорубал в Европу русский царь-плотник со своей буржуазией. И Россия садилась на школьную скамью, училась цыфири, геометрии, космографии, навигацкой науке, переучивалась на светский заморский лад, начинала печатать и читать газету, ходить в театр и танцовать на ассамблеях. Сам Петр далеко ушел от той Немецкой слободы, где начиналось некогда его воспитание, и пришел сам и всю страну привел в свой излюбленный Петербург, выстроенный уже всецело на немецкий лад. И этот царский городок, столица новой России, являлся в то же время столицей русского торгового капитала, столицей новой, буржуазной Руси. И если царя Грозного можно назвать первым русским дворянином своей эпохи, то Медный Всадник скачет пред нами во главе процессии золотых мешков, завоевывающих старую Россию. Эпоха Петра была воистину эпохой торжества торгового капитала, завоевания им России, эпохой торжества посада над вотчиной и поместьем, купца над воином, города над деревней. Торговый человек, гость старой Руси, становился при Петре хозяином всей новой России.

Но та же эпоха была веком расцвета российского абсолютизма. Медный Всадник обогнал в своей скачке и боярскую думу, и земский собор, и святейшего патриарха, а торговый капитал подготовил ему новое орудие власти, ценное и нужное и для него самого, и для его коронованного вождя,—московскую бюрократию. И как ни плоха была на практике эта бюрокра-

тия, но без нее не мог обойтись и Петр: вся задача была перестроить ее и перевоспитать на заморский лад, и возвести ее в перл создания; эта бюрократия заполняет собой всю арену русской жизни и командует ею в течение двух веков, двух последних веков русской монархии, вплоть до русской революции. Сама эта бюрократия выростала не сверху, а снизу, ее тоже строило само московское население в эпоху, последовавшую за ликвидацией смуты.

Плодом тех обширных строительных работ, какие предприняло после смуты само московское население, явилось в конце концов полицейское государство Петра Великого. Петр воспользовался всеми реальными силами, какие создал для него XVII век, и еще усилил средства правительства своими финансовыми, военными, административными и иными реформами. Правительство вооружилось всеми нужными ему орудиями: армией и флотом, казной и бюрократией. Все силы, сколько-нибудь независимые, исчезли. Боярство слилось со всем дворянством и рассыпалось по графам табели о рангах; прекратилось существование боярской думы. Через полвека почти после последнего земского собора, отошел в вечность последний патриарх, и новый поставлен не был, потому что «простой народ единого правителя духовного почитает вторым государем, самодержцу равносильным, или еще и больше его, и когда услышит между ними распрю, то более духовному, чем мирскому правителю сочувствует»; взамен того церковь подчинилась власти синода и усмотрению обер-прокурора,— «из офицеров доброго человека». Монастырскому приказу был поручен не только суд, но и все ведение церковного хозяйства, с передачей всех доходов в казну. Донское казачество, попав в кольцо владений Пет-

ра, потеряло свои вольности, лишилось выборных атаманов. Попытка Мазепы поднять Малороссию и отложиться не удалась, и запорожское казачество также стало терять права. Из всех работников, самостоятельно строивших государство, остался самостоятельным один—работник на троне.

От времени, когда сам народ, или по крайней мере высшие его классы, строили для себя государство, самодержавие Петра наследовало новую задачу: общее благо, или вернее—благо этих высших классов. Но эту задачу всю целиком самодержец брал на себя, предоставляя другим быть только исполнителями его предначертаний. Это был абсолютизм западного, а уже не византийского и не вотчинного образца, политический тип, всего шире распространенный в то время в Европе; и внешнюю оболочку, и нужные политические идеи государство Петра взяло с Запада. Идеи были заимствованы у Гроция, у Пуффендорфа, определение в уставах царской власти переведено со шведского, и сам царь зачислен в ряды европейских монархов своего века—Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов. Сам Петр определил характер своей власти и ее задачи. В его уставах читаем: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять».

В одном из своих манифестов Петр говорил о своем намерении «государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Задача государя—«трудиться о пользе и прибытке общем», «от чего облег-

чен бывает народ». От чиновников своих Петр требовал, чтобы они «сыскивали новые токи (источники) прибыли без тягости народа»; к себе самому он применял правило, что брать жалованье и не служить стыдно. Но народное благо и облегчение Петр понимал и хотел понимать по-своему, не требуя разума от своего народа, как выражался еще Грозный, и правя Россией не для себя, а для России, хотел один оставаться полным хозяином судеб России, «по своей воле и благомнению своему», в виду полной «глупости и недознания невежд»—его подданных. Об этих подданных Петр говорил, что их еще нужно обратить в людей.

Обращая их в людей и заботясь один обо всех их интересах, Петр, как хороший рачительный хозяин, вмешивался во все их отношния, в весь ход их жизни. Царь сам переводил и печатал книги, изобретал шрифты, устанавливал для ткачей ширину холстов, требовал, чтобы пеньку в город на торг мокрую и с лапками не возили, а возили без лапок и сухую, хлеб жали не серпами, а косами, и по Неве ездили не на веслах, а на парусах, хотя бы на парусах ездить не умели и тонули, и чтобы печи в домах делали не с пола, а с фундамента, и трубы были бы широкие, так, чтобы человеку пролезть можно было, а потолки были бы с глиною, а не бревенчатые, чтобы в церковь ходили и у исповеди бывали, епископы во время литургии упражнялись бы в богомыслии, а «коров, коз, свиней и других в Петербурге всякого чина люди без пастухов из своих дворов не выпускали, понеже оная скотина, ходя по улицам и другим местам, портит дороги и деревья». Неудивительно, что, как признавал сам Петр, нельзя было «одному человеку, ниже ангелу, за так многими усмотреть». Го-

раздо большее значение, чем народу, Петр придавал полицейской деятельности правительства. Полиция, по его словам, не только обеспечивает безопасность и внешнее благоустройство и города и улицы «сочиняет», но и «добрые порядки и нравоучения рождает, принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, приносит довольство во всем потребном в жизни человеческой, по заповедям божиим воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках, и запрещает излишек в домовых расходах... Вкратце же над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой бесопасности и удобности».

В громадном хозяйстве Петра Великого дело велось широко, в крупном масштабе; работа кипела, тем более, что сам хозяин поспевал всюду, и даже вельмож с депешами принимал где-нибудь на верфях, на верхушке мачты, где, стоя на веревочной лестнице, нельзя было даже сделать привычный реверанс. Но это крупное хозяйство работало несвободным трудом. Рядом с потерею прав шло усиление обязанностей. Войны, которые непрерывно вел Петр, требовали крайнего напряжения всех сил—военных и тяглых. Пришлось заводить всесословную регулярную армию, строить флот, усиливать даже службу дворянства; все служилые люди с земли служат,—говорил Петр,—а даром землями никто не владеет; и сравнивая дворянство с остальным «подлым народом», Петр находил, что дворянство только «ради службы благородно и от подлости отлично»; и повышая дворян в ранге только по мере службы, Петр «для знатной породы никому никакого ранга не позволял, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за то характера не получат». Тяглые люди были лучше преж-

него уловлены в мелкую сетку подушной подати; гулящие люди, холопы, поповичи и излишние церковнослужители обложены налогами на-ряду с крестьянами и на-ряду с крестьянами расписаны за помещиками для удобства сбора казенных податей. В то же время обложены пошлинами бани, бороды, религиозные верования (раскольничьи), а продажа табака и дубовых гробов сделана казенной монополией. При Петре еще труднее стало, чем при Грозном, «работным людям» от своей работы «отметаться». Даже «святые» должны были на-ряду с царем-плотником потрудиться, и сам старец Митрофан, воронежский «чудотворец», собирал для царя деньги «на флот и на ратных». Царская усадьба Питербурх, которую сам Петр называл своим Парадизом, строилась, как египетские пирамиды, подневольным трудом. Каждый год сорок тысяч рабочих в три смены являлись со всей России на царскую барщину в устьях Невы; туда же на стройку высылали ссыльных и пойманных дезертиров; десятками тысяч брали на Петербург деньги, скобели, топоры; а с извозчиков и барочников на заставах—камни для петербургских мостовых. Для заселения этого Парадиза там заставляли селиться и строиться на болоте вельмож и дворян, у которых домы тряслись от всякого проехавшего экипажа, и ссылали в этот «Рай» на житье бессрочно недорослей, к делам и к службе и для науки в школе неопределенных, мастеровых всех художеств, непомнящих родства и незаконнорожденных.

Насколько на самом деле всеми этими реформами, полицейскими мерами и крепостным трудом обеспечивалось благо народное и облегчен был народ, видно из следующего небольшого подсчета. Иностранцы-современники замечали, что Петр всего более заботился

об одном, чтобы у флота и армии было довольно денег, леса, рекрут, матросов, провианта и амуниции, и первые 30 лет своего царствования почти или вовсе не думал об улучшениях во внутреннем государственном строе. Корабельное дело было самым любимым делом Петра, он, кажется, больше всего корабли строил. Но весь флот, построенный для Азова, пришлось забраковать; а он обошелся без малого в миллион (весь бюджет был тогда в 2—3 миллиона); когда понадобился флот для завоевания Финляндии, оказалось всего 6 кораблей вместо восьмидесяти, которыми хвалился Петр. Из 200 слишком фабрик и заводов, открытых по приказу Петра, через полвека уцелело только 80. В академическом университете, открытом по плану Петра его преемницей, профессора были выписаны из Германии, и слушателей, за неимением русских студентов, выписали оттуда же; 17 профессоров немцев читали лекции 8 студентам немцам. Сама Академия учреждалась «для славы среди иностранцев», чтобы украсить горшком цветов то окно, которое Петр прорубил в Европу, как выразился один историк. Таковы были плоды правительственной опеки над народом. Административные реформы, введение «коллежского обряда», должны были изменить и улучшить порядки и нравы московской администрации. Но все это были плоды того же творчества, той же опеки. Каковы были эти плоды, тому нам свидетель сам Петр. О сенаторах своих он говорил, что вместо возложенного на них дела они в сенате—«зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды». Главный сотрудник Петра, Меншиков, по словам царя, «в беззаконии зачат, во грехах родила его мать его и в плутовстве скончает живот свой, и если не исправится, то быть ему без головы». «Говорю тебе

последний раз: перемени поведение, если не хочешь большой беды», писал ему Петр. Ягужинскому в Сенате Петр приказывал: «Напиши указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен»; Ягужинский отвечал Петру: «Государь, неужли вы хотите остаться императором без служителей и подданных? Мы все воруем, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой». Прокуроры и фискалы, назначенные специально надзирать за администрацией, сами «являлись в великих преступлениях и злодействах», и обер-фискал Нестеров попал под суд за преступления по должности. В провинции Петр, подобно Карлу Великому, посылал своих ревизоров—гвардейских офицеров, унтер-офицеров и простых солдат с полномочием производить ревизию, «губернаторам непрестанно докучать, и за ноги ковать, и на шею полагать цепи, и по то время не освобождать, пока они, чего следует, не изготовят». Калужского вице-губернатора Воейкова унтер-офицер Пустошкин держал с другими калужскими властями «в цепи и в железах не малое время», но и то бесполезно: «и за тем одержанием ничего не учинили».

Народ, о благе и облегчении которого столько заботился Петр, не ведал о каком благе шла речь, а облегчения большого не замечал. Все классы, и даже дворянство, хорошо заметили усиление обязанностей; низшие классы почувствовали еще и усиление крепостного права. На-ряду с помещичьими крестьянами появились крестьяне посессионные, приписанные к купеческим фабрикам; а дворянство, воспользовавшись случаем, сумело обратить свои поместья в вотчины и крепостных—в холопов. «Крестьянину не давай обрасти, но стриги его, яко овцу, до гола», говорили помещики, по словам Посошкова. И

крестьяне отвечали на это по-своему. Они били челом царю на своих помещиков, которые «яко львы челюстями своими пожирают их и яко змии ехиднии рассвирепся напрасно попирают, яко же волци свирепии, бьют их яко немилостивии Пилаты», и просили царя смиловаться и пожаловать свободством, чтобы им больше в Содоме и Гоморре не мучиться. О реформах Петра тяглые люди говорили только: «тягота на мир, рубли да полтины, да подводы», и толковали в разных углах о Петре-антихристе; стрелецкие мятежи сменялись хованщиной и казачьим бунтом, и усиливалось выселение за границу, в латинскую Польшу. Среди отцов духовных Феофан Прокопович был теоретиком самодержавной власти; зато другой архиерей, Феодосий Яновский, называл отношение царя к церкви тиранством, сулил явление нового Филиппа митрополита, который не пощадит своей крови за церковь, и соглашался молиться за царя лишь очень неохотно: «Служить буду: боюсь, чтобы в ссылку не сослали; только услышит ли бог такую молитву?»

XVIII.

Время после Петра было веком дворянской монархии. Духовенство, ослабленное еще раньше, при Екатерине II потеряло совсем и земли, и крестьян и не было даже приглашено прислать представителей в комиссию 1767 г. Городской класс получил жалованную грамоту, самоуправление его было преобразовано, уменьшена была стеснительная опека над торговлей и промышленностью, но купечество при Петре III и Екатерине II лишилось права приобретать крестьян. Купцы в комиссии 1767 г. доказывали, что им владеть крестьянами «крайняя на-

добность, чтобы не приплачивать денег наемным», и что если им дать крепостных, то от этого «вреда никому не предусматривается». Такого же права владеть крепостными просил в комиссии для духовенства святейший синод. Но дворянство сумело отстоять свою рабовладельческую монополию и широко ею воспользовалось, выстроив целый ряд дворянских фабрик. Вообще дворянство осуществило до конца свою программу, избавившись от обязанностей и умножив свои привиллегии. При императрице Анне дворянство добилось сокращения службы до 25 лет, Петр III объявил дворянскую службу вольной (манифестом 18 февраля 1762 г.) и выразил только уверенность, что дворяне и впредь по своей воле будут служить с неменьшим усердием, а неусердных дворян, буде таковые окажутся, велел «презирать» и запретил им приезд ко двору. Уверенность эта не оправдалась; дворяне «все вспрыгались почти от радости»; но при Екатерине II оказалось, что манифест 18 февраля все еще «стесняет дворянскую свободу более, нежели отечественная польза того требует», и жалованной грамотой 1785 г. дворянские вольности, права и привилегии были еще расширены. Между прочим дворянство одно получило право обращаться со своими ходатайствами прямо к верховной власти. Если же в усадьбу помещика являлись агенты самой этой верховной власти, помещик иной раз встречал их, как шайку грабителей: с бранью и ругательством, с дубьем и оружием, «собрався со своими крестьяны». Воронежский помещик, граф Девиер из двух пушек перестрелял весь ехавший к нему земский суд. Дворяне хотели, чтобы в их усадьбы, как в старину в боярскую вотчину, никакие чиновники «не въезжали ни почто». Царь мог еще приказывать помещику, но приказывать его крестьянам

не мог уже ни в каком случае; в отношениях своих к крестьянам помещик чувствовал себя самого «царем» и «земным богом».

Дворянская монархия XVIII века опиралась всего более на крепостной крестьянский труд. Дворянство сделало владение землей и крестьянами исключительно своей привилегией. При Екатерине за 36 лет ее царствования дворяне получили вновь 800.000 душ, при Павле в 5 лет 600.000. Крепостное право распространилось на Украйну, которая веком раньше отдалась Москве, чтобы уйти от польского крепостного права, и на вновь присоединенную Белоруссию, так как должны же были белорусские помещики пользоваться теми же правами, как дворяне великорусские, и потому «не можно у них отнять свободы в продаже людей без земли». Дворяне доказывали, что право дворян на крестьян важно не только для дворянства, но и для всего отечества; управляя рабами, дворяне научатся управлять и частями империи, и крепостная деревня послужит школой и рассадником правителей для всего русского государства. Крестьяне в самом законе были объявлены движимой собственностью, в отличие от недвижимой. Это было время, когда в ведомостях публиковали о продаже девки за 25 рублей и борзого щенка за 3.000, а за крепостную актрису платили 5.000, она стоила почти двух щенков. Помещики жаловались, что крестьяне своей ленью пустят господ по миру, а беспристрастным зрителям казалось, что с барских раззолоченных карет, запряженных шестеркой, «течет кровь невинных земледельцев». Сосредоточив в своих руках судебную, финансовую, полицейскую власть над крепостными, получив право ссылать их в Сибирь на поселение и на каторгу, помещики составляли для них иной раз целые уло-

жения о наказаниях и карали за опрокинутую солонку палками, за подавание худых сливок лишением хлеба на неделю, за другие преступления—сотнями плетей и тысячами розог. Помещики Шеншин и Карташев и помещица Козловская любили сами наказывать и сечь крестьян; помещица Салтыкова в 7 лет отправила на тот свет 139 душ; 22 раза поднималось о ней дело, и 21 раз было прекращено. Сечение розгами не всегда, впрочем, бывало наказанием; была помещица, которая за обедом не могла есть суп с аппетитом, если перед ней не секли розгами ее крепостную кухарку.

Крестьяне больше, чем когда-либо, были принесены в жертву. Но борьба не прекращалась. Крестьяне отвечали, как могли, на крепостной гнет. Они поняли значение комиссии 1767 года, и отозвались на нее стихами: «В свою ныне пользу законы переменяют; холопей в депутаты затем не выбирают». Когда в том же году императрица каталась по Волге, крестьяне подали ей свыше 600 жалоб на помещиков. Не дождавшись справедливости, крестьяне убегали на новую окраину или эмигрировали за границу—в Польшу. Убийства помещиков сделались так часты, что «многие помещики учинились жертвою (крестьянской) свирепости»; в пять лет было убито 30 помещиков. Вся восточная окраина еще в начале 60-х годов волновалась; 50.000 заводских крестьян и 150.000 помещичьих и монастырских были «в явном возмущении». В 70-х годах разразилась, наконец, пугачевщина. Под желтые и красные знамена «Ампера-дора Петра Федоровича» стекались казаки, раскольники, инородцы, крепостные; движение охватило Урал и Волгу до Казани; крепости сдавались, помещиков грабили и убивали, как «противников царской власти, возмутителей империи и разорителей крестьян»; сельское ду-

ховенство становилось на сторону крестьян. Программа движения выражена в манифестах и воззваниях Пугачева. «Всему свету известно,—говорилось в этих воззваниях,—сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж—вам самим то не безъизвестно; дворянство обладает крестьянами, и хотя в законе божием и написано, чтобы они крестьян так-же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали собак своих, с которыми гонялись за зайцами; компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работой утруждали, что и в ссылках того никогда не бывает, да и нет». Своих «верноподданных» Пугачев жаловал не только вольностью, не только обещал им, что «дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый восчувствует прописанную вольность и свободу»: он обещал отмену подушной и других податей и набора рекрут, предполагая составить войско из «вольножелающих».

Но дворянская монархия не только до конца осуществила рабство, она сумела и защитить его. Немногочисленным заступникам крепостных отвечали, что «помещики крестьян и крестьяне помещиков очень любят», и что «крестьяне час от часу богатее и благоденственнее становятся», что «господами они защищены» и что те «о хорошем состоянии их пекутся»; умножение же крестьянского благополучия «сверх меры» может во вред обратиться. Когда случилось, что один молодой помещик сам заговорил крестьянам о свободе, другие помещики на него, куда следует, пожаловались, и молодой человек был признан сумасшедшим. Когда же крестьяне сами хотели заявить истину и подавали жалобы, их допрашивали с пристрастием, кто им челобитную писал и сочинял, и виновных драли плетьми пу-

блично, на площади, с барабанным боем, а крестьян наказывали кнутом и каторгой; крестьяне должны были оказывать помещикам «безмолвное повиновение». Волнения крестьян подавлялись плетьми и каторгой, штыками и пушками; сенат объявлял «работников» подлежащими «наижесточайшей смертной казни». Когда пугачевщина, сначала казавшаяся неопасной, выросла в грозную силу, правительство послало генералов, войска и пушки; дворянство казанское, симбирское, пензенское снарядило свои дворянские корпуса; императрица приняла звание «казанской помещицы». С большим трудом усмирив рабов, победители учинили над оставшимися в живых экзекуцию: взятых в плен крестьян секли в ограде церквей, прогоняли сквозь строй, засекали до смерти кнутом, сбрасывали с высокого крыльца в ров; самого Пугачева, поймав, привезли в клетке в Москву, и четвертовали; Яик переименовали в Урал и яицких казаков в уральских, чтобы изгладить из памяти пугачевщину, а во время следствия старались найти следы заграничных интриг, но ничего не нашли,—пугачевщина выросла на руссой почве.

В конце царствования Екатерины началось гонение на вольные идеи, распространившиеся в литературе и опасные для существующего крепостного строя; известна судьба, постигшая в то время Радищева и Новикова. Радищев в своей книге взывал, обращаясь к дворянству: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем,—воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не только дар земли: хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь. Но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно. С одной стороны, почти всесилие, с другой—немощь

беззащитная... Се жребий заклепанного в узде, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола в ярме»... Казанская помещица в замечаниях своих на книгу Радищева, напротив, утверждала, что «лучше судьбы наших крестьян у хорошего помещика нету во всей вселенной», и прибавляла с иронией об авторе: «уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает».

Добывая себе вольности и привилегии, закрепощая крестьян, вооруженной рукой усмиряя их революцию, дворянство действовало рука об руку с Екатериной. Старинный союз дворянства с монархией не нарушался. Этим определялась политическая программа дворянства, программа дворянской монархии. После Петра I от дворянства зависела судьба престола, и возводя государей на трон то избранием, то дворцовым переворотом, дворянство могло быть уверено в своих ставленниках, и не нуждалось в формальном их ограничении. Напротив, первую льготу дворянам, сокращение срока службы, дала императрица Анна, когда было восстановлено ее самодержавие; на Петра III, когда он был еще наследником, влияли дворяне и вельможи, и Воронцовы, например, не уставали твердить ему о вольной дворянской службе. Ни при ком не было так сильно дворянство, как при самодержице Екатерине.

Самодержавие и дворянство взаимно опирались друг на друга; потому и были так неудачны все попытки ограничить самодержавие. При избрании императрицы Анны князь Д. М. Голицын сказал в Верховном Тайном Совете, что надобно «и себе полегчить», и были составлены кондиции, обязывавшие Анну без согласия Верховного Тайного Совета войны не начинать, миру не заключать, верных подданных никакими новыми по-

датями не отягощать, у шляхетства живота, имения и чести не отнимать, государственные доходы в расход не употреблять. Дворянство, не желавшее подчиняться восьми верховникам, выставило свои проекты ограничений; но все это нисколько не помешало Анне и кондиции разорвать, и дворянских требований не исполнить, и при помощи другой части дворянства—дворянской гвардии,—восстановить свое самодержавие. Дворянские «конституционалисты» подчинились обстоятельствам и получили льготы от императрицы самодержавной. Точно также проект дворянской палаты, найденный в бумагах Волынского, погубил и довел до казни только самого Волынского.

Также мало осуществились при Екатерине II конституционные планы Никиты Панина, и его заговор в пользу цесаревича Павла, с ограничением его дворянским сенатом с законодательной властью; все было готово, Павел должен был присягнуть конституции, но заговор был раскрыт—и монархия осталась неограниченной. Это было в 1774 году, когда одновременно Екатерине грозил в Петербурге родной сын Павел с дворянской конституцией, а с восточной окраины подвигался с крестьянской революцией «Амперадор Петр Федарович». Но с дворянским заговором было справиться легче, чем с крестьянской революцией.

Екатерина еще в своем «Наказе» дала оценку тому самодержавию, которое ей пришлось отстаивать. По ее словам, самодержавие наиболее соответствует и расположению русского народа, и естественной вольности, и из всех государственных порядков является для народа наименее вредным и самым неразорительным. Многие дворяне не отказались бы при Екатерине подписаться под такою оценкой самодержавия; с своей стороны, и

самодержцы не скупились на похвалы дворянству. Петр III называл дворянское сословие «главным в государстве членом»; Екатерина II производила дворянские фамилии «от начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами». Но сами дворяне давали себе еще более блестящую характеристику. Князь Щербатов доказывал, что Россия дворянам обязана своей свободой и вольностью (от татарского ига), и выражал удивление, что русский народ не приписывает дворянам божественного происхождения, не признает их потомками богов.

Век дворянской монархии, век Екатерины, окружен небывалым блеском в литературе. Известны оды, в которых казанскую помещицу воспевал казанский дворянин Державин. Еще в молодых годах, «возгнушавшись самим собою» за пустую жизнь своей юности, он решил исправиться и отправился добровольцем усмирять пугачевский бунт. В 1782 году, из почтительного отдаления воспевая Фелицу, Державин восклицал: «О, коль счастливы человеки там должны быть судьбой своей, где ангел кроткий, ангел мирный, сокрытый в светлости порфирной, с небес ниспослан скиптр носить»... Называя ее кротким ангелом, поэт восхваляет ее за то, что будто завсегда возможно говорить ей правду, и за то, что она стыдится быть страшной и нелюбимой; «медведице прилично дикой животных рвать и кровь их пить». Ее закон «дает и милости и суд», и у ее трона обитают совесть и правда. «Фелицы слава—слава бога»,— восклицает, наконец, восхищенный Державин. Совсем из другого угла Европы Екатерине расточались не меньшие похвалы. Вольтер, тот самый Вольтер, который, по выражению Байрона, «трон покачивал слегка», в своем увлечении идеей просвещенного абсолютизма, писал Ека-

терине, что она выше Солона, Ликурга и Ганнибала, выше Петра I и Людовика XIV; что она «благотворительница рода человеческого», он называл ее святою, ангелом, равной богородице, «пресвятою владычицей снеговою», пел ей гимны—«Тебе, Екатерину, поем, тебе хвалим» и заявлял, что «перед ней надо людям молчать благоговейно», что «где она—там рай», и «жить под ее законами—блаженство».

Людям, жившим под ее законами, это не всегда казалось таким блаженством. Сам певец Фелицы, приблизившись ко двору Екатерины, не находил уже там того божественного, что видел издалека, и не мог уже писать ей од вроде Фелицы, когда она сама его об этом «прашивала»; он находил теперь, что она «управляла государством и самым правосудием больше по политике, чем по святой правде». Плодом этого было то, что он «наскучил императрице и остудился в ее мыслях».

Администрация, которую Екатерина застала, вступив на престол, описана самой императрицей в одном из первых ее указов. Екатерина «уже от давнего времени слышала, а ныне и делом самым увидела, до какой степени в государстве лихоимство возросло». Суды заражены сей язвой. «Ищет ли кто места—платит; защищается ли кто от клеветы—обороняется деньгами; клевещет ли на кого кто—все происки свои хитрые подкрепляет деньгами». Судьи «обращают суды в торжище» и звание судьи считают «пожалованным им для поправления дома доходом». Чиновники на должности назначаются не для исправления дел, а «как бы неимущие в богадельню, для одного только пропитания». Медленность в решении дел была в этих «богадельнях» страшная. В юстиц-коллегии оказалось 6.000 дел, не решенных в течение полвека. Через пять лет в дворянских наказах депутатам,

ехавшим в комиссию, избиратели писали, чтобы правительство обязало чиновников присягой, чтобы они «ко взяткам не касались», а виновные в этом «проклятом лакомстве» подвергались бы «натуральной смертной казни». Время шло, производились реформы,—порядки оставались те же. В литературе сохранилась блестящая картина административных и судебных нравов того времени. В комедии Капниста «Ябеда» изображены, как на подбор, деятели российского правосудия: председатель палаты «есть сущий истины Иуда и предатель»; он «без наличного дохода дел не судит». Прокурор оказывается «существеннейшим вором»: «вот прямо в точности всевидящее око: где плохо что лежит, там метит он далеко... И даже он берет с колодников оброк». Таков же и секретарь суда: «хоть гол будь, как сокол, он что-нибудь—да схватит». Когда же, наконец, над всем этим судейским миром разражается гроза, все герои правосудия возмущены: «В одном лишь разве здесь суде засели воры?» Эту пьесу дали при Павле 4 раза, а на пятый раз запретили. У Фонвизина советник говорит сыну: «Паче всего изволь читать уложение и указы; кто их, будучи судьей, толковать умеет, тот нищим быть не может... Я сам был судьей. Виноватый, бывало, платит за свою вину, а правый за свою правду, и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик». У Пушкина в «Капитанской дочке» встречается такой рецепт правосудия екатерининского времени: «разбери, кто прав, кто виноват: да обоих и накажи». Гоголь возвел этот мир в перл создания. Весь блестящий сонм обитателей «губернского Олимпа» и весь штат уездных властей с городничим во главе, каменеющие под грозой «идущего вдали закона», созданы реформами великой императрицы. Великолепный герой ека-

терининского века, Потемкин получил в литературе мировую известность; это о нем выразился лорд Байрон, что он «попирал и совесть и приличья», и сравнивал его при этом с саранчой, опустошительницей полей. Русский писатель Радищев, посланный императрицей на казенный счет учиться за границу, и потом сосланный ею же в Сибирь за идеи, каким он за границей научился, изображал в своей книге «чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяй»; он нарисовал картину, какую могла бы показать во сне царю одна Истина: если снять бельма с глаз царя, он увидит своих солдат, умирающих от голода и болезней, свои суда, разваливающиеся от негодности, своих министров и полководцев, расхищающих казну, свой народ разоренный, угнетенный и бедствующий. И—можно бы прибавить—защитников этого народа—одного в крепости (Новиков), другого—в Сибири (Радищев).

XIX.

С конца XVIII века началась новая ступень в развитии дворянской монархии. При Екатерине II сложился русский старый порядок; предстояло охранять его от дальнейших изменений.

Дворянство вело борьбу за сохранение своих привилегий, земель и крестьянского труда. Закрепощенные крестьяне не переставали волноваться, число убитых помещиков повышалось с каждым годом. Новая пугачевщина мерещилась и дворянам и правительству; правительство начинало вмешиваться в отношения помещиков к крестьянам, начиная с указа о 3-дневной барщине Павла I-го,—«чтоб три дня барину потели, а три дня жали свой загон», как выразился один поэт. Александр I

говорил своим сотрудникам, что «надо удовлетворить массу народа, которая, волнуясь и сознав свою силу, может стать опасной»; и он поручал губернаторам «секретное» наблюдение за помещиками, и запрещал и преследовал особенно яркие проявления помещичьей власти. Экономисты твердили, что государство не может быть прочно при угнетении класса классом, и что Пугачевы и Разины возможны и бывают везде, где есть рабство. Сами помещики начали говорить об отмене крепостного права, чтобы предупредить новые «насильственные и по жестокости своей ужасные внутренние возмущения». Флигель-адъютант Киселев в записке, поданной императору Александру, писал, что «надо предупредить требования, которым отказать будет трудно, или невозможно», а генерал-интендант Канкрин в своей записке удивлялся, как можно, не подозревая опасности, покоиться на огнедышащей горе.

В самом дворянстве произошел раскол. В комиссии 1767 г. дворяне и купцы спорили за право владеть рабами; теперь некоторые передовые дворяне и фабриканты находили, что вольнонаемный труд выгоднее крепостного, что для развития земледелия и промышленности необходима отмена крепостного права. Геттингенский студент Андрей Кайсаров доказывал по-латыни в своей диссертации, что свобода крестьянского труда нужна для процветания фабрик, ut fabricae vigeant. Польский магнат граф Стройновский, тиран своих крестьян, ратовал против крепостного права, и доказывал в своей книге, что если освободить крестьян без земли, то это только умножит дворянские корысти: помещик будет в праве сильнее эксплуатировать крестьян, «требовать более от своего содержателя». В то время, с развитием денежного хозяйства, крепостной труд падал в цене, а цена

на землю, дававшую большие барыши, поднималась: передовым хозяевам был прямой расчет сохранить землю и согнать с нее крестьян. Даже горячие защитники крестьянских интересов, как, например, Николай Тургенев, Лунин, Якушкин и другие, говорили тогда об освобождении крестьян без земли, а писатель, дерзнувший заявить мнение, что «земля есть собственность народа наравне с помещиками»,—не решился огласить свое имя, и скрылся под анонимом. Освобождение с землей, еще при Екатерине, проповедывал Радищев; он полагал, что «удел земли, крестьянами обрабатываемый, должны они иметь собственностью, ибо платят сами подушную подать».

Правительству невыгодно было обезземеливать крестьян—плательщиков казенных податей, и ему из двух освободительных программ удобнее была программа освобождения с землей. Так думал при Александре I Сперанский, и даже Аракчеев, когда ему государь приказал составить проект реформы, подумал хотя о небольшом крестьянском наделе. Эта программа освобождения с землей начала осуществляться в 1803 г., когда, по почину графа Румянцева, было разрешено помещикам, буде они пожелают, отпускать своих крестьян на волю, но обязательно с землей. Этим указом о вольных хлебопашцах воспользовались, однако, немногие; было всего за четверть века 160 освобождений, из них только 17 без денежного выкупа за землю; за полвека, пока действовал закон, получили свободу всего 150.000 крестьян—$1^1/_2$ сотых всего их числа. Во второй половине царствования Александра I победу одержала дворянская освободительная программа, и крестьяне трех прибалтийских губерний получили свободу без земли. Положение фабрикантов было проще; уже в 1825 г. на

фабриках больше половины рабочих были вольнонаемные, а позднее в 1840 г., было разрешено посессионных крестьян освободить, и еще половина песессионных фабрик сразу воспользовались этим правом.

Крепостники ополчились против всех реформ. Рабовладельческая дворянская масса была слишком громадна и слишком могущественна, чтобы ее можно было принудить отказаться от старого крепостного права, или еще и от земли, а для перехода к новой системе хозяйства эта масса была слишком отсталой. Когда в 1812 г. вольное экономическое общество предложило вопрос о том, какой труд более выгоден, вольный или крепостной, мнения разделились пополам: семь были за вольный труд и семь за крепостной. Граф Ростопчин возражал графу Стройновскому на его книгу, что автор—поляк—не видит, как хорошо крестьянам на Руси, как велико их счастье. Крепостное право необходимо; русский крестьянин не любит хлебопашества, без принуждения работать не будет, и помещики, «прославившие и прославляющие отечество», останутся без доходов. Московский попечитель писал о книге Стройновского, что «эта книга—набат, зловредная, и не может быть терпима: автора и переводчика надо бы повесить, ибо это зажигатели и враги отечества». Сиятельный попечитель, наконец, так разошелся, что выругал автора «шельмой». К числу видных крепостников принадлежали: поэт Державин, старавшийся провалить в государственном совете закон о вольных хлебопашцах, историк Карамзин, говоривший, что никаких реформ не нужно, что «дворянин имеет право быть помещиком и обязанность—быть добрым помещиком», и основатель харьковского университета Каразин, старавшийся выполнить эту обязанность и на собственном

примере показать всем, что и при крепостном праве можно не быть для своих крестьян тираном. Масон Поздеев, бывший как раз тираном своих крестьян, шел всех дальше; он доказывал, что «такая трудная работа, как хлебопашество, делается принужденно, так тем паче, когда на других», а с русскими крестьянами сладить особенно трудно: «наши русские мужички—это паче, нежели звери», с ними не справятся ни палки, ни исправники, а только одни помещики со своими приказчиками. Другие дворяне отказывались отдавать свои земли; Поздеев требовал, чтобы дворянам вновь начали давать земли, как в старину было: «Тако все прежние деспоты делали, и Россия процветала». Либеральный адмирал граф Мордвинов даже в свой проект конституции внес требование, чтобы знатным дворянам при назначении их в верхнюю палату вельмож (их должно было быть 50 человек) давали вновь по 10.000 душ каждому. И крепостники боялись новой пугачевщины, но предлагали бороться с нею мерами обуздания, с сугубой судебной защитой дворянской собственности от зависти бедняков, и каждый намек на улучшение крестьянской участи казался им набатом, якобинством, порождением «духа буйства и безначалия». «Зачнется с того, что всех дворян перережут, а там и больше сделают». На этом основании советывали не обижать... дворян.

Победу одержали в то время крепостники. В 1807 г. Александр I говорил, что «если бы образованность была на более высокой степени, он уничтожил бы рабство, если бы даже это стоило ему жизни». Но придавая такое значение образованию, правительство совершенно отвергало в этом деле участие образованного общества, пресекая его деятельность в самом начале,

ставя ей на каждом шагу преграды. Русский перевод книги Стройновского был запрещен министром народного просвещения; латинская диссертация Кайсарова, курс экономической науки Шторха также не были разрешены к переводу цензурой. За нападки на крепостное право в книгах и лекциях, потеряли кафедры профессора: Шад, Куницын, Арсеньев и Герман; по поводу книги Куницына учебное ведомство нашло, что проповедь против крепостного права «противоречит явно истинам христианства». В 1813 г. было воспрещено что-либо печатать о рабстве крестьян как в опровержение, так и в защиту. Пушкинская «Деревня» не могла быть напечатана, также и «Горе от ума». Крестьянский вопрос все более объявлялся монополией правительства, а правительство все более подчинялось влиянию крепостников. За все царствование Александра I только один помещик подвергся ссылке в Сибирь на каторгу за злоупотребление помещичьей властью, да несколько дворян было сослано в монастыри; а один (генерал) сослан на житье в Казань или Тулу, но вместо того спокойно дожил век у себя в имении. Особенно дурную славу приобрели дворянские фабрики, и если где открывалась новая такая фабрика, крестьяне говорили об этом, как о появлении чумы. Эксплоатацией своих заводских крестьян прославилась курская помещица Брискорн, у которой из 392 рабочих в 3 года сбежало 273, да умерло в полтора года в сыром помещении 122. У графа Зубова в неурожайный год крестьяне ходили по миру, а если граф и давал малую толику хлеба, то не иначе, как высекши сперва голодного крестьянина.

После войны 1812 г. крестьяне говорили: «Мы избавили родину от тирана (Наполеона), а нас вновь ти-

ранят господа». Многие ждали манифеста об освобождении крестьян, в благодарность за изгнание французов; но в манифесте не были забыты милостями другие сословия, а о крестьянах было сказано, что их заслуги пред отечеством так велики, что они получат «мзду свою от бога».

В реакционную эпоху после Венского конгресса, когда и на Западе революции были усмирены, и своя пугачевщина казалась не столь грозной,—вместо крестьянской реформы выросли военные поселения, общество для содействия освобождению крестьян не было разрешено, а программа освобождения с землей нашла приют в тайных обществах будущих декабристов, особенно у Пестеля в Южном обществе друзей республики. Дворянская монархия оставалась рабовладельческой, и Николай Тургенев впоследствии с горечью вспоминал «о бессердечных комедьянтах, которых он тщетно старался заинтересовать великим и святым делом, о евнухах, способных лишь к желаниям, но не к исполнению, о мошенниках, с которыми не следовало быть лойяльным».

На-ряду с борьбой за крепостное право, шла борьба за существующий государственный порядок. Еще при Екатерине в 1773 г. в книге, изданной на личный счет императрицы, Радищев писал о «самодержавстве», что оно есть «наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Радищев доказывал, что верховная власть ответственна перед народом: «Неправосудие государя дает народу, его судии, тоже, и более, над ним право, какое ему дает закон над преступниками». Но в то время, когда Радищев писал эти строки, дворянская монархия была так прочна, что Екатерина не считала подобных речей опасными. Пятилетнее царствование императора

Павла I сразу нарушило это равновесие. Этот глава мальтийских рыцарей одним почерком пера отменил жалованные грамоты, упразднил дворянские привилегии, вмешался в отношения помещиков к крестьянам, по-рыцарски подчинил и дворян, и попов на-ряду с крестьянами телесному наказанию, а дворянина и офицера Кирпичникова прогнал шпицрутенами сквозь строй.

По выражению Карамзина, Павел «заставил ненавидеть злоупотрбления самодержавия», и когда это «царствование ужаса» кончилось восторг общества «выходил даже из пределов благопристойности: на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день Светлого Воскресения». Правление Павла было диссонансом в истории дворянской монархии. Дворяне екатерининской эпохи недоумевали, почему народ не приписывает им божественного происхождения; император Павел говорил, напротив, что «только тот дворянин, с кем я говорю и пока говорю».

Царствование Павла, не считавшегося совсем с дворянами, привело к перемене в дворянских политических взглядах. Новый государь, Александр I, взошедший на трон прямо из-под ареста, явился носителем дворянских чаяний и надежд. Александр сам говорил, что его задача—«застраховать Россию от будущих Павлов». Отсюда—«дней александровых прекрасное начало», и восторг дворянства, вызванный этим началом. Надо, впрочем, оговориться: восторг далеко не был всеобщим; крепостническая масса не была и в политике либеральной.

Масон Поздеев, известный своими рабовладельческими взглядами, был также решительным врагом образования; образование, говорил он, порождает анархистов и иллюминатов; от «умножаемой учености» происходят и все перемены «конституциев». Каразин, вначале

«не избежавший соблазна от лживых прелестей французского переворота», понял потом, что власть не есть выражение «общей воли», но дается Провидением для общего счастия, и государь репрезентант не народа, а бога. В эпоху Священного Союза Каразин предлагал правительству свои услуги для наблюдения за революционным направлением умов, и завалил министерство своими донесениями; для борьбы с революцией он рекомендовал обратиться к содействию «просвещенного дворянства». Либералов, сторонников политической свободы, в дворянских рядах было меньшинство; при таких условиях «прекрасное начало дней александровых» скоро оборвалось.

Конституционные планы Александра I осуществились только за границей России, в Финляндии и (на 15 лет) в Польше, а сама Россия, по его выражению, так и осталась «к сожалению» без конституции. Александру I так и не удалось застраховать Россию от будущих Павлов; и его собственное царствование закончилось под мрачным созвездием Меттерниха, Аракчеева и баронессы Крюденер.

В дворянах вновь пробудились ограничительные стремления; но на этот раз либеральная группа дворян выдвигала и по крестьянскому вопросу либеральную программу, и на-ряду с конституцией и республикой готовила и отмену крепостного права. Эта дворянская партия, организовавшаяся в тайные общества и устроившая декабрьский заговор, была невелика, она не охватывала и одной тысячной всего дворянства; дворянская масса не поддержала декабристов, заговорщики в числе 121 были казнены или сосланы на каторгу, и старый порядок восстановлен без труда. Пугачевщину не удавалось усмирить несколько месяцев; декабристы про-

играли дело в несколько часов. Правительство спокойно могло оставаться на своих позициях.

Что было бы, если бы заговор декабристов увенчался успехом, если бы им удалось, как это было в проекте, окружить сенат, захватить в плен Николая и его министров, учредить временное правительство и осуществить его руками свою программу, об этом ясно говорят все памятники, все документы. Если бы декабристы, победив, принялись строить Россию по проекту Никиты Муравьева, она обратилась бы в конституционную монархию, с высоким избирательным цензом, со всеми гражданскими свободами, с буржуазным общественным строем, без юридического и политического рабства, но с экономическим рабством наемного труда. Если бы одержало верх направление Пестеля, Россия сделалась бы демократической республикой, с всеобщим избирательным правом, но это была бы буржуазная республика с буржуазным социальным строем, основанным на священной частной собственности и на неприкосновенности договоров. В том и другом случае Россия вступила бы на ступень буржуазного развития, в ряды других буржуазных наций и государств Европы. В этом смысле неудавшаяся революция декабристов может быть рассматриваема, как революция буржуазная, как этап в развитии буржуазной России. И Герцен, дававший в детских годах клятву отмстить за декабристов: «отмстить этому трону, этому алтарю», в дальнем Лондоне воскрешавший «Полярную Звезду» Рылеева и в своих огненных писаниях воспевавший и славивший героев 14 декабря, славил и воспевал вождей буржуазной революции,—революции, которая при успехе должна была дать ход русским Лафитам и Кавеньякам.

XX.

Передовая дворянская партия сошла со сцены при самом воцарении императора Николая. Декабристы унесли с собой на виселицу и в рудники Сибири идеи политической и гражданской свободы. Торжество старого порядка было в то же время торжеством рабовладения; а низкие цены на хлеб делали временно не нужной крестьянскую реформу. Правительство Николая I опиралось на армию, бюрократию, полицию и на дворянскую массу крепостников, а освящение своей деятельности черпало в духовном ведомстве.

Сам Николай I относился очень определенно—и притом враждебно—к крепостному праву; свою точку зрения он выразил в речи к смоленским дворянам в 1847 г.; говоря с ними, «не как государь, а как первый дворянин империи», он сказал: «Земля принадлежит нам, дворянам, по праву, потому, что мы приобрели ее нашей кровью, пролитою за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом—с одной стороны, и невежеством—с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли». Но, призывая благородное сословие уступить неизбежному и отказаться во-время и добровольно от того, что было завоевано хитростью и обманом, первый дворянин империи, при всей своей самодержавной власти, ничего не решился сделать для осуществления своей воли. Крестьянский вопрос был погребен в глубине канцелярий и секретных комитетов, которые даже назывались не комитетами по крестьянскому вопросу, а «комитетами о повинностях», или «комитетом, учрежденным на указанных Е. И. В. основаниях».

Закон о вольных хлебопашцах был дополнен новым законом 1842 г. об обязанных крестьянах: помещикам было разрешено при добровольном освобождении крестьян давать им землю не в собственность, а в пользование, под условием известных повинностей. По этому закону отпустили крестьян до конца николаевского царствования всего 5 помещиков. Главная масса помещичьих крестьян оставалась в прежнем положении; положение это скорее даже ухудшилось. Хозяйственное развитие страны сулило помещикам новые барыши, и заставляло их удваивать свою хозяйственную энергию; эксплоатация крепостного труда помещиками достигла небывалой степени; в одних имениях выростал оброк, в других усиливалась барщина, барщина заменялась месячиной. Император Николай говорил о мелкопоместных дворянах, что они «высасывают крестьян до-нельзя». Богатый нижегородский помещик Шереметев получал оброка многие тысячи, и с 9 только своих крестьян имел выгод $7^1/_2$ тысяч оброка,—от 500 до 1.500 рублей с каждого. 3-хдневная барщина нередко разросталась в 5-и 6-дневную, а так как по воскресеньям «работать на себя грех», то и по воскресеньям заставляли работать на барина. Такой порядок можно было поддерживать только силой и страхом. В перечнях наказаний, налагавшихся на крестьян их помещиками в Саратовской, например, губернии, значились: розги, палки, шпицрутены; битье по зубам каблуком и по скулам кулаком, или (в Рязанской губернии) особенной щекобиткой, чтобы не марать дворянские руки о хамские рожи; подвешивание на шесты и вывертывание членов; шейные железы, конские кандалы, личные сетки для голода; прикладывание на голое тело сургучной печати, выщипывание и опаливание волос, взнуздывание, ставление на

горячую сковороду; соленые розги, натирание солью по сеченым местам, забивание в рот кляпа.

Крестьяне очень определенно относились к ухудшению своего положения. В одной Саратовской губернии (где практиковались перечисленные наказания) за 7 лет возникло 342 дела о злоупотреблении помещичьей властью. В то же время усилились крестьянские побеги, самоубийства, убийства помещиков, волнения крестьян. Крестьяне бегали на окраины и за границу—в Австрию, Персию и Турцию. Убитых помещиков считали в год дюжинами, самоубийства крестьян—сотнями; в одном только из уездов России число крестьянских самоубийств за 5 лет превысило четыре сотни. Кончали с собой даже 8-летние крепостные дети. Крестьянских волнений за царствование Николая было не менее 556. Военные экзекуции уже не помогали. И по хозяйственным соображениям крепостное право все более отживало свой век. Крепостной труд, особенно в передовых земледельческих хозяйствах, становился слишком дорогой затеей; крепостным приходилось давать землю, которая стоила дорого, была, по выражению помещиков, настоящим червонным золотом, приходилось в неурожайные годы (а в западных губерниях их был целый ряд) кормить на свой счет всю крестьянскую массу и в том числе «всю сволочь и старье, какое только есть», а взамен всего этого получать плохой подневольный труд, ценность которого в передовом хозяйстве все сильнее падала. Правильное ведение помещичьего хозяйства требовало все бо́льших капиталов, и помещики, как некогда их крестьяне, неудержимо обростали долгами; к 1856 году из $10^1/_2$ миллионов ревизских душ помещиками было заложено свыше 7 миллионов. И при всем том со стороны крестьян грозила еще опасность. Ко-

гда таким образом оказывалось, что эксплоатировать крепостной труд сильнее уже нельзя, да и невыгодно, и небезопасно, многие помещики в своих интересах переходили в либеральный лагерь.

В дворянстве опять обозначилась передовая партия, желавшая отменить крепостное право. В 1844 г. об этом говорили на выборах тульские дворяне. В 1846 г. пришло известие из сопредельной австрийской Галиции; там началась резня помещиков их крестьянами. Русские помещики западных губерний были потрясены так близко разразившейся крестьянской грозой; дворянские голоса в пользу освобождения крестьян умножились. Динабургское дворянство ходатайствовало о разрешении открыть местный дворянский комитет для составления проекта крестьянского освобождения; того же просило дворянство некоторых уездов Петербургской губернии. Помещики соглашались и на земельный (хотя небольшой) надел, и говорили уже о выкупе. Рязанские и смоленские помещики составляли проекты выкупной операции; граф Потоцкий готов был отдать $^2/_3$ всей земли. Во время Крымской войны страх еще усилился. Правительству пришлось дважды созывать ополчение, дважды поднимать народную силу, но эта сила оказалась сама по себе настолько опасной, что крестьян-ополченцев приходилось усмирять вооруженной рукой. В крестьянской среде ходили толки, что Бонапарт даст свободу, и по свидетельству современника многие помещики «готовы были согласиться на большие пожертвования и на всякое, самое для них убыточное прекращение крепостного состояния, лишь бы освободили их от страха, возбужденного в них возможностью провозглашения вольности при вторжении врагов в наши пределы».

В 1842 г. сам император Николай говорил в госу-

дарственном совете, что всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положение не может продолжаться навсегда. В 1848 г. шеф жандармов граф Бенкендорф говорил в секретном комитете, что во-время можно отклонить причины взрыва, «нерешимостью же они не уничтожаются, а лишь укрепляются, и чем позднее он будет, тем опаснее». Но в то же время правительство не находило в себе сил решить крестьянский вопрос. «Самодержавная власть,—говорит Семевский,—считала себя достаточно сильной, чтобы порешить всякое дело по своему усмотрению, а в сущности, обнаруживала по крестьянскому вопросу полное бессилие». В 40 годах, после крестьянской революции в Галиции, правительство послало генерала Бибикова вводить инвентари в юго-западных губерниях, для ограничения крестьянских повинностей; но инвентари составлялись и вводились таким образом, что и помещики и крестьяне были недовольны. Когда же сами дворяне разных губерний просили о разрешении составить комитеты для проектирования освобождения крестьян, или предлагали отдать крестьянам даром и свободу и почти всю землю, или составляли проект выкупа,—им это строжайше воспрещалось правительством, «чтобы не волновать крестьян». В том же заседании государственного совета в 1842 г., где он говорил о неизбежности падения рабства, Николай I заявил, что «в настоящую минуту всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства», а в марте 1848 г. когда «некоторые русские журналы дозволили себе напечатать статьи, возбуждающие крестьян против помещиков, и вообще неблаговидных», государь счел своим долгом заявить дворянству, что он «принял меры и впредь этого не будет».

При Николае I дворянская монархия чувствовала себя как бы в осадном положении. С одной стороны, грозили крестьянские массы пугачевщиной, а с другой—грозила интеллигенция вольными идеями. Заговор декабристов вызвал правительство Николая I на борьбу; июльская революция и польский мятеж, наконец, новые европейские революции 1848 г. эту борьбу усилили и обострили.

В этой борьбе за старые позиции, притом одними полицейскими мерами, весь смысл политики Николая I, с ее отсутствием гласности, разгромом школы и науки, цензурным и полицейским террором. Интеллигенция и просвещение были взяты под специальный надзор; правительство больше опасалось идей, в которых выражалось общественное недовольство, чем самого этого недовольства. В борьбе за существующий порядок правительство запрещало упоминать имя Гоголя, сажало Тургенева на съезжую за статью о Гоголе и за «Записки охотника», ссылало Достоевского и других петрашевцев на каторгу за либеральные разговоры на журфиксах о крепостном праве и о судебной реформе, и жалело, что не может «сгноить в казематах» Белинского, который успел умереть раньше (это сожаление выражал Дуббельт).

Император Николай хотел опираться на первое сословие в государстве, и говорил дворянам: «Вы—моя полиция». Но передовые дворяне-либералы подавали проекты, пугавшие правительство и отвергавшиеся им, а дворяне-крепостники сами для себя требовали полицейской охраны от государства. Было учреждено III отделение и жандармы специально для «утирания слез несчастных», как говорил император Николай, подавая платок шефу жандармов Бенкендорфу. Но жандармы

едва ли выполняли эту задачу. Другие задачи правительства—суд и управление—были к концу царствования в таком виде. В судах почти весь личный состав был неграмотный или малограмотный, и все дела были в руках секретарей; в сенате было всего 6 сенаторов с высшим образованием; в приговорах судьи ссылались на указы и повеления, никогда не существовавшие. Число дел, нерешенных в судах, достигало почти 3 миллионов; известны дела, тянувшиеся по 20 лет и более. 127.000 подсудимых, в ожидании суда (и, может быть, оправдания) томились в тюрьмах, подвергаясь всем приятностям русской тюремной жизни. Когда тюрьмы чрезмерно засорялись арестантами, производилось их очищение: арестантов прямо без суда сдавали в солдаты. Хорошо зная, что такое тюрьма, народ создал, по словам Ровинского, свое особенное отношение к тюрьме, и не называл арестантов иначе, как «несчастными». Виновные как раз реже других попадали в тюрьму.

Аксаков рассказывает дело одного богатого помещика, отставного полковника, обвинявшегося в том, что он высек своими людьми гувернантку, им же приставленную к его детям, да еще вымазал ее купоросным маслом; сверх того засек чуть не до смерти крестьянина своего, да еще продавал фальшивые ассигнации. Судьи об обвиняемом говорили: «Помилуйте! свой брат дворянин, а я его губить буду! Этакие дворянские дела и до палаты доводить не следует. Это бы надо, знаете, порядком домашним, семейным, через предводителя». В этом роде была и администрация. Современники насчитывали на 45 губернаторов (в Европейской России) 24 таких, которых следовало «сменить без малейшего промедления, из них 12, как всем известных мошенников, а 12 по сомнительной честности и совершенной неспособности».

Как выполнялась, наконец, возложенная на бюрократию оборона страны, показала достаточно крымская война. Эта война подвела итоги. «Мы сдались,—писал Юрий Самарин,—не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием».

Защищая крепостное право, дворяне-крепостники говорили, что оно есть лучшая опора престола. Князь Васильчиков доказывал, что «власть помещичья необходима для поддержания власти самодержавной». В одном официальном документе по учебному ведомству крепостное право подкреплялось ссылками на священное писание. А один из видных представителей аристократии и бюрократии, министр народного просвещения, граф С. С. Уваров создал окончательную формулу того старого порядка, который обороняла бюрократия. По выражению графа Уварова, крепостное право так же вечно, как догматы христианской религии. В то же время «вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии. Это две параллельные силы, кои развивались вместе. У того и другого одно историческое начало; законность их одинакова. Нарушение крепостного права повлечет за собой неудовольствие дворянского сословия, которое будет искать себе вознаграждения где-нибудь, а искать негде, кроме области самодержавия... Это дерево (крепостное право) пустило далеко корень: оно осеняет и церковь и престол. Вырвать его с корнем невозможно». Так возникла уваровская формула: самодержавие, православие, крепостное право. И сам Уваров называл и самодержавие, и неразрывно с ним связанное крепостное право,—«догматами политической религии, неприкосновенными подобно христианской религии».

Настоящая и грозная опасность для догматов этой

религии выростала, однако, не там, где ее ждали и откуда ее боялись: опасность шла с другой совсем стороны. Под покровом, под саваном николаевской фасадной империи шли глубокие экономические процессы, зрели новые хозяйственные силы, Россия готовилась к переходу на высшую хозяйственную стадию развития, на ступень промышленного капитализма. Опять, как при Петре, росли в России купеческие фабрики и заводы, и росли не десятками, а тысячами, здесь начинали уже работать наемным трудом, и требовали во имя хозяйственного развития освобождения крестьян; передовые фабриканты, а за ними и передовые помещики, снова начинали говорить о невыгодах рабского труда, о преимуществах буржуазного строя с его либеральными порядками. В столицах выростали громадные универсальные магазины, своего рода постоянные выставки изделий отечественной промышленности, устраивались и периодические промышленные выставки, и русская публика могла любоваться там изделиями братьев Гучковых, Сазиковых, Завьяловых и многих других российских фирм, и соглашаться не без патриотической гордости, что стальные изделия русских фирм не уступят, пожалуй, даже английским. И патриотический автор «Юрия Милославского» Загоскин, и друг Пушкина, сиятельный поэт, князь Вяземский, охотно воспевали на десятках страниц эти выставки и эти магазины. И уже в Зимнем дворце, при открытии одной такой выставки, давался обед для российской буржуазии, и купец первой гильдии Иван Рыбников имел счастье сидеть и обедать за одним столом и даже рядом с императором Николаем, и тот даже изволил милостиво беседовать со своим подданным. В дневнике Рыбникова этот факт записан, как важное «событие»

его жизни, но это было событие и в общественной истории России: русская буржуазия возвращала себе старые позиции, потерянные со времени Петра.

XXI.

В 60-х годах XIX-го века и бюрократии и дворянству пришлось еще раз укреплять свои позиции. В этом новом укреплении старых позиций и заключается смысл «эпохи великих реформ», в том числе главных: крестьянской, земской, судебной.

Укреплять старые позиции приходилось потому, что им грозила все более нароставшая опасность. Главная сила, двинувшая вперед крестьянскую реформу, пришла и ударила снизу; это был страх крестьянской революции, страх перед новой пугачевщиной. Если бы в прошлом дворянских привилегий не было привилегии на пугачевщину, если бы крестьяне молча примирились с крепостным правом и подчинились «безмолвственно» своей участи, они и до сего дня, может быть, не дождались бы реформы 19-го февраля. В этом смысле можно сказать, что крестьяне сами добивались своего освобождения. Под грозным давлением снизу, уже в конце николаевского царствования, среди дворян созрело желание освободить не крестьян от себя, а себя от крестьян; но все попытки в этом направлении, делавшиеся дворянами-либералами, разбивались о сопротивление дворян-крепостников и правительства, державшего сторону крепостников. И когда кончилось николаевское царствование, и на престол вступил будущий царь-освободитель, никто не ждал крестьянской реформы именно от этого государя. Александр II, еще будучи наследником, считался врагом освобождения; вступив на престол, он

заявил дворянству через своего министра Ланского о намерении своем «ненарушимо охранять права, венценосными предками его дарованные дворянству». Циркуляр Ланского, содержавший в себе это заявление, дворяне-крепостники, особенно члены Английского клуба, раскупили нарасхват, и пришлось его выпустить вторым изданием. Петербургское дворянство ходатайствовало о разрешении заняться крестьянским вопросом; ходатайство осталось без ответа. Крепостники были спокойны; Некрасов в это время писал «Забытую деревню». Но охранять нерушимо права дворянства оказалось долее невозможно; покоиться на огнедышащей горе становилось все опаснее. По окончании крымской войны, на празднике мира, Александр II, как рассказывали, сказал: «Теперь мы кончили с внешним врагом; надо начинать войну с врагами внутренними». Повторяя мысль Николая, Александр II должен был объявить дворянству, что «со временем это должно случиться», и что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет отменяться снизу». Правительство, стоя перед революцией, предпочло реформу—и на этот раз реформа осуществилась.

Крестьяне сделали эту реформу неизбежной и неотложной, и поставили вопрос об освобождении ребром; но самую реформу разработали и осуществили не они; правительство изъяло ее из крестьянских рук. Дворянская монархия решала крестьянский вопрос между бюрократией и дворянством, в отсутствии самих крестьян и старательно от них укрывшись; крестьяне не были совсем спрошены и все время оставались за сценой. Когда в начале реформы дворянство заявляло, что назначение в дворянские комитеты членов от правительства

оскорбительно для благородного сословия, как знак монаршего недоверия, и хотело от этих назначенных членов отделаться, правительство официально ответило, что никакого недоверия нет, так как и члены по назначению взяты из того же дворянства, но что это необходимо, чтобы «хотя отчасти заменить представительство крестьянских интересов». Дворянство в губернских комитетах должно было само защищать свои интересы; правительство же брало на себя двойную задачу: защиту государственных интересов, и «отчасти» интересов крестьянских. Защита крестьянских интересов правительству удалась всего меньше, и не могла удасться при тех способах, какими она велась. Кошелев, предлагавший обеспечить крестьян землею в таком размере, чтобы они могли не только выполнять свои обязанности, но и существовать «безнуждно», был сочтен чрезмерным радикалом и на этом основании не был приглашен в редакционные комиссии; Николай Милютин, истинный вдохновитель реформы и самый ревностный в правительственных рядах защитник крестьянских интересов, оказывался человеком столь «красным и вредным», что его нельзя было назначить товарищем министра, несмотря на то, что он нес по этой должности все обязанности; а во многих губернских комитетах, и в том числе в московском, в члены по назначению, для защиты крестьянских интересов, попали непримиримые крепостники. Усилия отдельных убежденных «друзей народа» парализовались противоположными влияниями. «Петербург надо обстреливать»,—говорил Кошелеву князь Черкасский, настаивая, чтобы тот послал в Петербург свою записку.

Правительство Николая I опиралось на крепостническое дворянство, правительство Александра II оперлось тоже на дворянство, только на либеральное, и действо-

вало с ним в союзе. В этом было различие двух царствований. Но союз, вынужденный необходимостью, не был особенно прочен, и был все время скорее борьбой, чем союзом. Приступая к реформе, правительство выдвинуло свою программу, либеральное дворянство—свою; программы эти далеко не были одинаковы. Собственно интересы государства ставили правительству две цели: охрану порядка от всяких потрясений и обеспечение казенных доходов. Охрана порядка вызвала реформу, и самому ходу реформы сообщила в большой мере полицейский характер. Поставленный во главе редакционных комиссий генерал Ростовцев думал больше всего об одном, чтобы крестьянский вопрос разрешился совершенно «спокойно». В этих же видах учредили сначала новый секретный комитет, а потом, когда уже нельзя было избежать огласки, вооружили в достаточной степени и цензуру и местную администрацию; губернаторам приказали «строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь в полном повиновении помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам», и в то же время в секретной бумаге уполномочивали их немедленно закрывать комитеты, если они «уклонятся от своего назначения и войдут в рассмотрение предметов, не подлежащих их суждению». Ожидая крестьянских волнений в самый момент освобождения, проектировали выдвинуть против них целый штаб генерал-губернаторов с чрезвычайными полномочиями, а опасаясь оппозиции со стороны дворян, запретили дворянским собраниям 1859 года обсуждать крестьянский вопрос, и выслали административно в Вятскую и Пермскую губернии за протест против этого запрета тверского дворянина Европеуса и тверского предводителя Унковского.

Фискальная задача обеспечения казенных доходов выражалась в первом рескрипте Назимову: «При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов»; с этой целью, «для обеспечения быта крестьян и для выполнения их обязанностей», им должно быть предоставлено «надлежащее» количество земли. Первоначальная правительственная программа, изложенная в записках товарища министра внутренних дел Левшина и в рескрипте Назимову, требовала: безвозмездного личного освобождения, выкупа крестьянами усадеб и наделения крестьян землей по соглашению в пользование, без казенного выкупа; освобождение личности крепостных откладывалось до окончательного выкупа усадеб, крестьяне прикреплялись к земле, помещикам сохранялась вотчинная полицейская власть. Такая программа не могла удовлетворить ни крестьян, ни дворян; но одни дворяне могли погнуть реформу в свою пользу.

Дворяне-крепостники сделали все возможное, чтобы совсем затормозить реформу. Во время крымской войны многие из них готовы были освободиться от крестьян, но теперь непосредственная опасность миновала, страхи рассеялись. Приступ к реформе казался им началом конца. Московский генерал-губернатор граф Закревский, когда уже были даны первые рескрипты, успокоивал московских дворян, говоря, что «в Петербурге одумаются и все останется по-старому». Министр государственных имуществ Муравьев и государственный секретарь Бутков ездили по всей России и агитировали против крестьянской реформы. Дворянство целых уездов единогласно требовало усиления полиции и посылки войск, особенно кавалерии, но «в приличных местах» просило

расставить и пехоту и артиллерию; а чтобы помещичьи крестьяне не завидовали казенным, хлопотали об увеличении оброков казенных крестьян. В случае освобождения крестьян и с землей, помещикам мерещились лезвие ножа на шее, пальцы, раздробленные на наковальнях сельских кузниц, потешные огни, на которых мелким огнем жарятся землевладельцы, судьи и правители, и торжественные костры из ободранных помещиков и чиновников. Под влиянием таких ужасов орловский крепостник Мальцев для спасения крепостного права предлагал дворянский парламент, чтобы обуздать либеральных министров, а ученый дворянин Николай Безобразов, брат камергера Безобразова, печатно доказывал, что крепостного вопроса, о котором толкуют либералы, у нас собственно нет, что все это одно недоразумение.

Со стороны дворян-либералов слышались голоса, что правительственная программа освобождения не обеспечивает прежде всего того спокойствия и порядка, об охране которых всего больше заботилось правительство. Унковский писал в записке государю, что «объявить народ свободным и оставить его почти в той же неволе, и не улучшая его быта... хуже, нежели оставить его в крепостной зависимости. Это может вызвать все дикие явления пугачевщины». Освобождать крестьян по программе рескриптов не значило укреплять позиции дворянской монархии. Самая отмена крепостного права означала для либерального дворянства не обеспечение казенных доходов, но возможность расширить и улучшить свое хозяйство; заменить крепостной труд вольнонаемным, округлить свои владения обезземелением крестьян, вложить в дело новые капиталы, полученные при выкупе, упрочить за собой безопасное пользование всем этим, еще расплатиться с долгами и избавиться от обя-

занности кормить крестьян во время голода. Для помещиков земледельческих и особенно черноземных губерний, где земля была, «как червонное золото», было всего важнее сохранить все землю, а если отдать крестьянам, то как можно меньше и как можно дороже. Для помещиков промышленных губерний центра, где хозяйство было оброчное, земля ценилась дешево, а оброки были высокие, и помещикам было нетрудно отказаться от дешевой земли, но необходимо было взять большой выкуп и не столько за землю, сколько за оброки, то-есть за личность. Правительственная же программа требовала наделения крестьян землей, безвозмездного освобождения личности и выкуп предоставляла самим крестьянам, не обещая помощи от казны. Либеральное дворянство не хотело с этим мириться и вступило в борьбу, чтобы провести свою освободительную программу. В губерниях, где земля была, как червонное золото, помещики мечтали об освобождении без земли и готовы были при расставании с крестьянами «дать им по рублю серебром, напоить водкой и отслужить еще при радостном прощании молебен»; помещики же, не надеявшиеся на возможность сохранить землю, спешили заранее сослать своих крестьян в Сибирь, а деревню всю распахать и засеять хлебом. Воронежский комитет прямо заявлял, что для улучшения быта крестьян, сверху утверждения между ними правил веры и нравственности, достаточно одной свободы труда. 18 комитетов из 48 добивались обезземеления крестьян, и в крайнем случае предлагали наделы, явно недостаточные; из других комитетов такие же недостаточные наделы предлагали еще 13; только 4 комитета сохраняли наделы в размерах, какие были при крепостном праве, не уменьшая. В главном комитете из 9 членов 6 стояли за уменьшение на-

дела на $^1/_3$, на $^1/_2$ и даже на $^3/_4$. Дворянство промышленных губерний настаивало на выкупе при посредстве казны и не только земли, но и «самих освобожденных крестьян»; на этом настаивал Унковский, писавший, что «выдача капитала» необходима «для поддержания помещичьих хозяйств и приспособления их к обработке наемными руками». Новоторжское дворянство поднесло Унковскому благодарственный адрес, как защитнику не только дворянских прав, но и дворянской собственности. Так как правительство не соглашалось на вознаграждение за личность, то дворянские комитеты повышали выкуп за землю, и особенно за усадебную землю, которую отдавать надо было обязательно и немедленно. За надельную пашенную землю Самарин не считал возможным брать с души более 33 $^1/_3$ рублей, а ярославский комитет назначил по 270. За землю усадебную Кошелев назначил самое большое—с души 100 рублей, но комитеты на такую цену почти нигде не соглашались. Смоленские дворяне, не успев настоять на выкупе крепостного труда, «главной ценности» их имений, заявляли, что «если нужны жертвы для блага отечества, то жизнь и все достояние» свое они «повергают к стопам» царским, но достояние их принадлежит ныне не им, а их кредиторам и требовали за десятину усадебной земли 360 рублей (в Смоленской губернии десятина зёмли ценилась тогда в 5$^1/_2$ и с крестьянами в 117). Калужский комитет назначал за десятину 480 р. и еще заявлял, что «всякую плату за личное крепостное право от себя отклоняет для сохранения нравственного значения дворянства»; ту же цену заломило казанское дворянство, объявившее, что в городах за квартиру редко кто платит дешевле. В московском комитете цены поднялись даже до 400, 770, 960, 1200 рублей. В то же

время даже такие признанные либералы, как князь Черкасский и Юрий Самарин, принадлежавшие в своих комитетах к крайней левой, стояли за розгу, так как без розги нельзя будет заставить работать свободного крестьянина.

И реформа погнулась в сторону дворянских интересов. Программа Левшина и рескриптов была заменена программой, составленной для Ростовцева полтавским помещиком Позеном в интересах помещиков черноземных губерний; Позен предлагал немедленное личное освобождение, но наделение крестьян землей только на первый, срочно-обязанный период. Эта новая правительственная программа была разослана из Петербурга в руководство губернским комитетам в самом начале их деятельности; тверской комитет и другие комитеты промышленных губерний протестовали, и Унковский послал в Петербург свою программу с проектом выкупа при посредстве казны и с отводом земли крестьянам в полную собственность. Ростовцев принял и эту программу, и она также была разослана в руководство комитетам, но уже под конец их работ, только в вопросе о личном выкупе правительство не уступило, и скорее согласилось на повышение оценок. В редакционных комиссиях борьба возобновилась; обе программы, правительственная и либерально-дворянская, встретились тут лицом к лицу; комиссии постарались не допустить обезземеления крестьян и вдвое, втрое и вчетверо сократить оценки, несмотря на резкие протесты приглашенных от дворянства депутатов. В главном комитете пришлось, напротив, убавить наделы, чтобы провести все остальное, а государственному совету государь должен был напомнить, что члены его должны «отложить все личные интересы и действовать, не как помещики, а как государственные

сановники»; но большинство государственного совета заставило еще понизить земельные наделы и ввести даровой (нищенский) надел.

«Великие реформы» 60-х годов должны были повернуть Россию с пути дворянской монархии, сословного и крепостного строя—к новым путям общеевропейского буржуазного развития, с наемным трудом и либеральными порядками. Сословная Русь XVII века готовилась перешагнуть к классовому строю европейского XIX века. Этот переход не вполне удался, многое уцелело от старых построек московского стиля, а потом вернулись к жизни и другие черты упраздненной реформами старины, в виде земских начальников и законов о найме рабочих, в виде новых редакций земских и городовых положений, в виде сотен новелл к судебным уставам 1864 года, и т. д., и т. д. Уцелело и главное здание старой России, зимний дворец, византийский трон, шапка Мономаха и фигура, связанная с этими регалиями,—фигура царя, за спиной которого, прикрываясь его горностаевой мантией, скрывались и действовали теперь настоящие самодержцы русской жизни,—помещики и банкиры.

По манифесту 19-го февраля крестьянин должен был «осенить себя крестным знаменем и призвать благословение божие на свой свободный труд», но не прошло и половины века, и перед Россией снова стоял вопрос: сверху или снизу? Земельное обеспечение крестьян оказалось недостаточным не только для безнуждного их существования, но даже для взноса без недоимок податей. В начале 70-х годов в бюрократической комиссии Валуева, исследовавшей крестьянское хозяйство, говорили уже об истощении этого хозяйства непомерными платежами. Князь Васильчиков, граф Шувалов, Шере-

метев говорили в комиссии, что «налоги с крестьянского надела превышают доходность земли», и превышают по крайней мере вдвое. В 1877 году то же самое, в еще более зловещих красках, констатировал профессор Янсон. В 1885 г. с отменой подушной подати крестьянские платежи сократились на 55 миллионов, но остались выкупные платежи, поземельные налоги и еще выросли косвенные. За четверть века с 1870 года крестьянские недоимки выросли вчетверо, и к 1896 году достигли в одной Европейской России 115 миллионов. В сельско-хозяйственных комитетах 1903—1904 годов крестьяне заявили, что при наделе в 15 и менее саженей на душу, им нехватает на пропитание себя и семьи, и «где тут думать о нововведениях, машинах, орудиях и других приборах; где унавоживать, когда пропитаться нечем». А дворянство, и потеряв с 1861 года часть земель, сохраняло львиную долю. На все неселение России дворянство составляло всего $1^1/_2{}^0/_0$, крестьяне больше $80^0/_0$. На долю крестьян-общинников приходилось $^1/_3$ всех земельных владений, а из частных собственников крестьян было больше половины, а земель у них одна двадцатая, дворян меньше $^1/_4$, а земель у них $^4/_5$. Оставаясь главным землевладельческим классом, дворянство обеспечило себе и крестьянские рабочие руки; по закону о найме на сельские работы 1886 года, нарушение крестьянами-рабочими договора о найме каралось, как уголовное преступление. И старый сословный строй дворянская монархия пронесла невредимым сквозь реформы 60-х годов. Креетьяне были уравнены не со всеми сословиями России, а только с податными ее сословиями. При Александре III симбирский дворянин Пазухин мог с радостью констатировать, что сословная организация крестьянства была «к сча-

стию, мало расшатана реформами прошлого царствования»; а историк русского крестьянства говорит о полном превращении крестьянского сословия в настоящее крестьянское государство, взятое под власть и под опеку других сословий и бюрократии. Еще при самом освобождении крестьян, крестьянское самоуправление было целиком подчинено «всем установленным властям», и их «законные требования» крестьянские должностные лица должны были исполнять «беспрекословно». В 1889 г. была отчасти восстановлена и власть дворян над крестьянами, в образе полицейско-судебных земских начальников, чтобы вернуть дворянству «служебные привилегии», как говорил Пазухин, и чтоб «дать дворянам возможность спокойно жить в своих деревнях», как специально просило симбирское дворянство.

Со времени крестьянской реформы, защищая «новый» крестьянский строй, правительство не раз объявляло его теперь уже неизменным, не раз говорило крестьянам, что новых переделов земли не будет, что о переделах толкуют лишь враги России, что собственность неприкосновенна, и рекомендовало крестьянам «следовать советам и руководству своих предводителей дворянства». Дворянству правительство в то же время говорило, что «российские дворяне и ныне, как и в прежние времена, должны сохранять первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда», и что дворяне «могут быть спокойны»: правительство знает «их тяжелое положение, и в заботах своих о преуспеянии отечества не забудет дворянских нужд». Дворянство в своих притязаниях заходило иногда еще дальше, и раздавались дворянские голоса, что «правительству следует всеми мерами спо-

собствовать материальному благосостоянию дворянства (могилевский помещик Кривошеин), и что необходимо восстановить то доброе, что было при крепостном праве», а именно ту «попечительную и любовную власть», которая «в крепостное время и являлась в лице помещиков-дворян» (мценский помещик Нилус). Но другие дворяне-землевладельцы заявляли не раз в сельско-хозяйственных комитетах, что необходимо пойти навстречу крестьянам, уравнять их в правах, избавить от опеки, дать им новые земли, а отдельные помещики заявляли даже, что дворянской монархии опять грозит опасность: «нужда крестьян в земле приводит к народным волнениям»; «опасность для спокойствия государства глядит из деревни»; «надо быть слепым, чтобы не видеть, что темная и недавно непробудно у ног наших спавшая масса подняла голову... Может притти время, что масса эта громко скажет свое имя: «миллион», и обратится к представителям высшего сословия с такой претензией: «каналья, ты ешь мой хлеб».

С развитием фабричной промышленности, рядом с дворянами-землевладельцами выдвинулись капиталисты-фабриканты и заводчики, выдвинулась крупная буржуазия. Дворянская монархия становилась дворянско-буржуазной. Известны покровительственные тарифы, питавшие отечественную промышленность и дававшие возможность буржуазии наживаться на счет русского потребителя. Несколько цифр покажут, во что обходился протекционизм народу. Благодаря высоким пошлинам, пуд хлопчатобумажной пряжи стоил в Манчестере 10 р. 50 к., а в Москве 16 р.; железо сортовое в Лондоне 1 р. 05 к., в Петербурге 2 р. 10 к.; пуд чугуна в Лондоне 35 к., в Петербурге 90 к. За каждый пуд хлопчатобумажных изделий русский потребитель пе-

реплачивал лишнего 9 р., за пуд шерстяных—27 р., шелковых—72 р. По 12 только товарам русского ввоза в год переплачивалось лишних 300 миллионов. И в землевладении буржуазия широко шагнула вперед. Купечество составляло всего $2^1/_2\%$ русского населения, а земель у купцов было 10% слишком. Поднявшись в уровень с помещиком, фабрикант и заводчик перенесли на свою фабрику понятия и порядки, царившие в крепостной деревне, и упорно сопротивлялись вмешательству государства в отношения свои к рабочим. Правительство поддерживало эти патриархальные отношения, и министр финансов писал фабричным инспекторам циркулярно, что «наша промышленность сохранила во взаимных отношениях между хозяевами и рабочими семейный характер, что и усматривается в заботах фабрикантов о благосостоянии всех их служащих, в их похвальных стараниях поддержать хорошие отношения с рабочими, в простоте и справедливости их обращения с ними. Когда нравственный закон и истинно христианские чувства составляют основу взаимных отношений между хозяином и рабочим, тогда бесполезно прибегать к изданию закона или к принудительным мерам». Только с 80-х годов правительство начало вмешиваться в патриархальные фабричные порядки; но бюрократия и на этот раз действовала своими излюбленными приемами и, не допуская рабочих союзов и стачек, не давая рабочим самим защищать свои интересы, брала эту задачу в свои полицейские руки.

Реформы 60-х годов были плодом союза правительства с либеральной дворянской партией. В программу либерального дворянства входило не одно освобождение крестьян; реформы суда и управления и даже политическая реформа значились в этой программе. Ун-

ковский прямо писал: «Как я, так и все ближайшие сотрудники мои, да, наконец, и вся примкнувшая к нам впоследствии лучшая и наиболее разумная часть дворянства, составлявшая большинство в Тверской губернии, готова была на значительные не только личные, но и сословные пожертвования, но не иначе, как при условии уничтожения крепостного права не для одних крестьян, но для всего народа». Многие из этих либералов вынесли свои убеждения из журналов и аудиторий 40-х годов, из общения с декабристами и петрашевцами, работавшими по возвращении из ссылки, например, в Тверской и Калужской губерниях. Нижегородский губернатор Муравьев сам был декабрист, тверской помещик Европеус принадлежал к петрашевцам. Их программа реформ политических, судебных, административных была выработана давно; столкновения с бюрократией в самый разгар крестьянской реформы обострили отношения, и дворянские депутаты в редакционных комиссиях подвергли жестокой критике бюрократические порядки. И бюрократии, как и крепостникам-боярам, пришлось в свою очередь уступить часть позиций; зато тем прочнее были укреплены остальные, а позднее удалось вернуть назад и часть позиций, раньше уступленных.

И над земским и городским самоуправлением и над новым судом бюрократия сохраняла свое главенство. Земское и городское положения 1864 г. и 1870 г. были потом заменены еще более удобными для бюрократии положениями 1890 г. и 1892 г., усилившими сословное начало и правительственный контроль. Судебная реформа, долго считавшаяся наиболее удачной из великих реформ, и судебные уставы, о которых министр юстиции Муравьев говорил когда-то, что «дальше их нам не

за чем и некуда итти», подверглись целому ряду превращений. Насчитывали до 700 новых статей, внесенных в уставы за 40 лет их существования. На деятельности русского суда были наклеены ярлыки: суд улицы, судебная республика, антиправительствующий сенат. Бюрократия заподозрела в неблагонадежности и суд присяжных, и несменяемость судей, и аквокатуру. В 90-х годах стали доказывать, что и земства и новый суд несовместимы с существующим в России общественным и политическим строем. Или земство и суд, или дворянская монархия—кто-нибудь должен был уступить дорогу. Министр финансов Витте доказывал несовместимость земства с самодержавием, а министр юстиции Муравьев предпринял целую «реформу», чтобы приспособить правосудие к существующему в России порядку. «Суд»,—говорил этот министр,—должен быть прежде всего верным и верноподданным проводником и исполнителем самодержавной воли монарха, всегда направленной к охранению закона и правосудия. С другой стороны, суд, как один из органов правительства, должен быть солидарен с другими его органами во всех законных их действиях и начинаниях. На сем основании он обязан оберегать не только существующий законный порядок, но и достоинство государства и правительственной власти всюду, где это достоинство может быть затронуто в делах судебного ведомства». Муравьевской комиссии ставилась задача сохранить «немаловажные практические улучшения», внесенные уставами Александра II, и отбросить их основные начала, «несовместимые» с существующим строем. При этом строе суду могла быть отведена только полицейская роль; эту роль ему и готовила работавшая 5 лет комиссия.

Бюрократия вернула себе с крымской войны бóльшую

часть прежних позиций, и в начале XX в. стояла опять накануне крушения; японская война, как полвека назад крымская, еще раз подвела итоги. Бюрократия была осуждена и обществом, и народом; но боевая, если не деловая энергия ее не покидала, и она снова боролась и не хотела уступать. И это понятно: ей было за что бороться. Стоит только обратить внимание, что приносила высшим чинам русской бюрократии государственная служба. Из 3.780 штатских генералов (действительных тайных, тайных и действительных статских советников) 100 действительных тайных получали в год свыше $1^1/_2$ миллиона жалованья, а 548 просто тайных свыше 4 миллионов. Содержание высших учреждений империи за десять лет (с 1890 г. по 1900 г.) выросло почти в полтора раза. В руках только одних тайных и дествительных тайных советников (всего 648 человек) находилось слишком три миллиона десятин земли, в среднем по $4^1/_2$ тысячи десятин на каждого, и из них во время службы приобретено вновь в среднем по 840 десятин каждым. Всего более приобрели при этом штатские генералы, коим вверена была усиленная охрана существующего порядка (по 2.954 десятины), затем члены государственного совета (по 1.549), члены министерства народного просвещения (971), министерства Двора (888) и ведомства учреждений императрицы Марии (880); всего менее—генералы, охранявшие правосудие—по ведомству министерства юстиции (всего 29).

Такова была история русского самодержавия, история его возникновения и развития. Вотчинное государство дома Калиты, в дальнейшей своей истории, превращалось в государство княжат и бояр, с боярской думой рядом с царем,—потом в монархию иноков и опричников, в дворянскую Русь XVIII—XIX века, и лишь в конце,

незадолго до русских революций, склонялось к буржуазному режиму. Всеми силами государственной власти защищая и обороняя старые позиции, старый русский порядок, эта дворянская империя обростала со всех сторон боевыми орудиями террора,—виселицами и плетями, Петропавловкой и Шлиссельбургом, Карийской каторгой и Якутской ссылкой, и расцветала такими махровыми цветами старого режима, каковы корпус жандармов, стражники и охранка, Дегаевы и Азефы. Так дожила она и до 1905 и до 1917 годов, когда час русского старого порядка пробил, и победоносная революция принялась заново строить всю страну, учреждать в ней свои, новые порядки.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ПОПУЛЯРНЫХ ОЧЕРКАХ.

(Размер 5—8 листов в книжке).

1. Московская смута XVII века.
2. Цари из дома Романовых.
3. Дворцовые перевороты XVIII века.
4. Комиссия 1767 года.
5. Дворянская и крепостная Россия XVIII века.
6. Крепостная интеллигенция.
7. Разин и Пугачев.
8. Декабристы.
9. Судьба Пушкина и Шевченко.
10. Петрашевцы и их судьба.
11. Дореформенная Россия.
12. Плеть, кнут и розга.
13. Крестьянское движение XIX века.
14. Народники.
15. Герцен.
16. Бакунин.
17. Чернышевский.
18. Михайловский.
19. Земля и воля.
20. Процессы народников.
21. Народовольцы.
22. Шлиссельбург, Кара и Якутка.
23. Русская виселица.
24. Голод 1891 г.
25. Русская фабрика.
26. Русский город конца XIX века.
27. Чугунка.
28. Русская буржуазия.
29. Земский начальник.
30. Фабричная инспекция.
31. Рабочее движение 70 г.
32. Рабочие стачки 70—90 гг.
33. Комитеты о нуждах с.-х. промышленности.
34. 1902 год в городе и деревне.
35. 1 мая в России.
36. Партия с.-д.
37. Партия с.-р.
38. Кадеты.
39. Октябристы.
40. Анархисты.
41. Союз русского народа.
42. Охранка.
43. Зубатовщина и Гапоновщина.
44. 1905 год.
45. Советы рабочих депутатов в 1905 г.
46. Первая и вторая Думы.
47. Третья и четвертая Думы.
48. Реакция после 1905 года.
49. Лена.
50. Мировая война.
51. Кому был нужен Николай II и для чего.
52. Февральская революция.
53. „Вся власть советам“.
54. Октябрьская революция.
55. Революция и контр-революция.
56. Красный и белый террор.
57. Красная и белая эмиграция.
58. Съезды Советов.
59. Парижская Коммуна и Русский октябрь.

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА ◊ 1922 г.

